

## Симпозиум 4

### ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ГРАНИЦЫ, СИМВОЛЫ, СМЫСЛЫ

#### Секция 1. КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР И СЕЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Руководители: д.соц.н., проф. **Широкалова Галина Сергеевна** (Нижний Новгород);  
к.культурол.н. **Пермиловская Анна Борисовна** (Архангельск)

**БЕЛКИНА Тамара Леонидовна,**  
**ЯНЦЕВИЧ Инна Александровна**  
*Костромской государственный университет*  
*им. Н. А. Некрасова, г. Кострома*

#### РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Служение народу занимало важное место в деятельности российской интеллигенции. Ее особое положение в провинции определялось близостью к народу, к его проблемам и настроениям, желанием сделать все для улучшения народной жизни. Интеллигенция играла важную роль в развитии культуры села, формировании мировоззрения народа, психологического климата провинции.

Благодаря филантропической и попечительской деятельности интеллигенции в Ветлужском уезде Костромской губернии была создана сеть общедоступных образовательных учреждений и народных библиотек. В имении Лугининых села Рождественского с 1823 г. действовала школа для крестьян, Рождественское народное училище (1871 г.), Рождественская народная бесплатная библиотека (1903 г.). К 1911 г. в Рождественской волости насчитывалось пять одноклассных земских школ.

Способность русской интеллигенции к состраданию и милосердию проявлялась в благотворительной деятельности. Проблемы нищенства решались устройством благотворительных заведений, дававших возможность оказывать помощь особо нуждающимся. Крестьянские дети, обучающиеся в церковно-приходских школах, обеспечивались жильем, одеждой и пищей.

В сельских приходах адресная благотворительная работа сосредотачивалась в руках церковно-приходских братств и попечительств. При Христорождественском братстве были открыты: церковно-приходская школа (1895 г.), где обучали крестьянских девочек основам религии, грамоты и рукоделия; женская богадельня им. В. И. Серебрякова (1903 г.); детский приют для мальчиков 4–9 лет (1905 г.).

Благодаря участию интеллигенции стали возможны преобразования, оказавшие благотворное влияние на социокультурное пространство села.

**БЕЛЯЕВА Светлана Сергеевна**  
*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН*  
*Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

#### АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР НАРОДНОГО ЖИЛЬЯ КАК ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

В докладе анализируется декор деревянного народного жилья как одной из составляющих сельского историко-культурного ландшафта. Автор прослеживает изменения, происходившие во внешнем облике сельского дома в XX столетии под влиянием социально-экономических и культурных процессов. Народная архитектура неразрывно связана с природным окружением. Декор жилого дома, в свою очередь, органично сочетается с его конструкцией, образуя сложную систему, в которой сплетены воедино элементы духовной и материальной культуры. На примере отдельного историко-этнографического региона – Центральной Беларуси – представлено многообразие вариантов домового декора, отражено формирование локальных традиций.

**БОЙКО Юлия Ивановна**  
*Институт языка, литературы и истории*  
*КомиНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*

#### ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ЛУЗСКО-ЛЕТСКИХ КОМИ

Земледельческий тип хозяйства определил многие особенности в традиционной культуре лузско-летских коми. Освоением земель, удобных для земледелия было обусловлено гнездовое расположение селений. Большинство населенных пунктов располагалось на расстоянии от рек на возвышенных местах «на суходоле» или вдоль тракта. Здесь имели распространение неизвестные в других районах многоизбные дома, в которых объединялись в два порядка от четырех до шести изб. Единый комплекс составляли не только жилой дом с двухъярусным скотным двором, но и особая пристройка под односкатной крышей – улич на Летке, санник на Лузе.

Влияние севернорусских и среднерусских традиций определили различия в практике домостроительства лузских и летских коми. У летских коми имеют распространение небольшие по размерам дома-четырёхстенки, состоящие из одной избы с сенями,

двускатные с залобком и четырехскатные крыши, близкие постройкам центральных и северных районов Вятского региона.

Севернорусская традиция в большей степени наблюдается в особенностях домостроительства лузских коми, у которых строили преимущественно большие дома под двускатной крышей, состоящие из нескольких комнат: дома-двойни, пятистенки, шестистенки, шестистенки с заулком. Как и любая другая форма народной культуры, жилище создавалось путем отбора наиболее целесообразных вариантов. Так, в бассейнах рек Луза и Летка, наряду со сложившимися пятистенками и шестистенками, сохраняются наиболее архаичные жилые постройки: дома-четырёхстенки, «связь», дома-двойни.

**ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна**

*Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ставрополь*

### **СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ЮЖНО-РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА**

Юг России исторически формировался как регион с полиэтничным, поликонфессиональным населением. На протяжении нескольких веков здесь жили народы с различными культурными обычаями, традициями. История взаимоотношений знала как периоды дружбы, так и вражды. Именно противоречивость, неоднозначность исторического наследия обусловили специфику ментальных характеристик народов, населяющих южно-российский макрорегион. Причем необходимо иметь в виду сельскохозяйственный уклад жизни большей части населения данного региона и их приверженность традиционализму. Эта специфика наиболее рельефно проявляется в этнической составляющей социального самочувствия. В последнее время в связи с ростом этнической миграции у значительной части населения актуализируются исторические «обиды», а, следовательно, возрождаются негативные аспекты этнического менталитета. В данном контексте показательным являются суждения сельчан по ряду проблем межэтнических отношений, анализ которых свидетельствует об уменьшении в последнее время числа тех сельчан, которые придерживаются позитивной оценки состояния межнациональных отношений, а также о возрастании доли тех, кто не может четко сформулировать свое отношение к тем или иным межнациональным проблемам. Это означает, что сельское сообщество распадается на этнические фрагменты, слабо связанные друг с другом и формирующие у людей образы «своего», «иног», «врага», заставляя их искать «убежище» в этничности. Именно культурно-коммуникативная и этнопсихологическая составляющие социального самочувствия привели к межэтническому противостоянию в ноябре этого года сельских жителей Советского района в Ставропольском крае.

**ДЕРЯБИНА Ольга Николаевна**

*Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, г. Нижний Новгород*

### **СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ: ЗА И ПРОТИВ**

Национальная программа по развитию сельского хозяйства может быть реализована при условии возвращения в село выпускников высших и средних учебных заведений. Наше исследование показало, что значительная часть опрошенных вне зависимости от формы обучения, не ориентирована на работу в сельской местности. В то же время доля тех, на чье решение можно повлиять через изменение условий жизни и работы в сельской местности, составляет от 45 до 70% и зависит от таких факторов как место жительства родителей, уровня образования, социальной инфраструктуры села. Отказ от трудоустройства на селе не означает отказа от работы по профессии: значительное число предприятий АПК находится в городах и на них нужны специалисты, подготовленные в системе сельскохозяйственного образования.

Рассматривая село как многофункциональное поселение, как единый социально-экономический комплекс, выполняющий производственные, социально-демографические, культурные, природоохранные и рекреационные функции, опрошенные совершенно правильно поднимают проблему необходимости создания соответствующих XXI веку рабочих мест не только в АПК, но и вне сельскохозяйственной сферы, что зачастую упускается из виду разработчиками программ развития сельского хозяйства. Всё это – матрица сельского образа жизни, в которой все параметры тесно взаимосвязаны. Её восстановление – условие возвращения в село молодежи, а, следовательно, сохранения российского села, решения проблемы продовольственной безопасности.

**ИВАНОВА Анна Александровна**

*Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

### **ФОЛЬКЛОР КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА**

Традиционному фольклору не присуще зеркальное отражение культурного ландшафта. Величина «зазора» между объективной реальностью и формой ее текстовой репрезентации зависит от степени архаичности текста, его жанрового статуса и сориентированности на отражение определенного типа этнической идентичности (общерусской, региональной, локальной). Используя фольклор как источник сведений о культурном ландшафте, следует помнить, что художественный мир фольклорного текста формируется с опорой не только на объективную реальность, но и на общий для лингвокультурного сообщества фонд знаний и представлений о мире – этническую картину мира. Последняя выступает в роли универсального алгоритма (когнитивной матрицы), посредством которого реальные культурные ландшафты

преобразуются в разнообразные художественные миры. При всех конкретных различиях этнические картины мира формируются на основе нескольких типовых структурных моделей. В основу каждой из них положен свой «сценарий» восприятия и концептуализации этносообществом окружающей природно-социальной среды.

Фольклорная культура чрезвычайно консервативна и способна длительное время удерживать идеологические установки и образное мышление ушедших эпох. В результате в одном тексте может соединяться разновременная информация. Благодаря подобной компрессии фольклор становится бесценным источником сведений о давно исчезнувших культурных ландшафтах.

### **ИЛЬИН Иван Егорович**

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары*

#### **ЧУВАШСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

В 2010 г. сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук проведено социологическое исследование «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике» (рук. И. Е. Ильин). 51,6% опрошенных селян оценивают современное состояние межэтнических отношений в Чувашии как очень хорошее, дружелюбное и хорошее. 28,8% респондентов считают уровень удовлетворительным, терпимым. 3,8% полагают, что отношения являются неважными, плохими, и даже враждебными.

Чуваши, по сравнению с русскими, в этом вопросе немного оптимистичнее: по мнению 49,9% для республики характерен высокий уровень этнической толерантности, почти треть (33,1%) отнесли межнациональные отношения к разряду удовлетворительных, терпимых и 5,4% посчитали, что они характеризуются различным уровнем напряженности. Для русских эти оценки выглядели соответственно следующим образом: 37,1%, 36,3% и 11,3%. Кроме того, 11,6% чувашей и 15,3% русских затруднились ответить на данный вопрос.

Респонденты полагают, что в основе конфликтов с этнической окраской лежит деятельность государства, в первую очередь в экономической, социальной сфере, в области правопорядка, а собственно этнокультурные причины являются второстепенными. В то же время логично предположение, что место и влияние этих факторов при повышении в целом уровня жизни, ослаблении деятельности различных экстремистских движений, решении важнейших социальных проблем будет возрастать. Иначе говоря, органы государственной власти не должны выпускать из виду проблемы сохранения культурной самобытности народов, какими бы незначительными они не казались на фоне экономического кризиса.

### **ИЛЬИНИЧ Татьяна Кимовна**

*Нижегородский филиал Университета Российской Академии образования, г. Нижний Новгород*

#### **ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА СБОРА И ПЕРЕРАБОТКИ ИВАН-ЧАЯ**

Автор доклада явилась инициатором и организатором возрождения традиции праздника иван-чая. Основа праздника – сбор и приготовление чая старинным способом – передана автору носителем традиции. Сценарий праздника состоит из нескольких ритуалов и в праздничной игровой форме проводится ежегодно в Нижегородской области. Каждый его участник сам лично причастен к действию, и в дальнейшем пьет чай, приготовленный собственными руками. Не случайно выбрана его дата – летнее солнцестояние, когда по народному календарю начинается сбор трав. О празднике снят фильм и написана книга «Празднество иван-чая», изданная в 2010 г. издательством «Деком» в Нижнем Новгороде на русском и английском языках.

Иван-чай был известен в Европе как русский или копорский чай. Он представляет собой целебный напиток, являющийся профилактикой многих болезней. Найти заросли иван-чая на территории России не представляет труда. Нам известно, что участники праздника становятся носителями и распространителями народной традиции сбора и приготовления древнего напитка, который несет здоровье и телу, и душе.

В России несколько организаций, производят иван-чай фабричным способом. Один из этих центров находится на территории Нижегородской области. Автор патента защитил диссертацию и имеет объем выпускаемой продукции около двух тонн. Это свидетельствует об интересе населения к напитку. Но особенно ценен чай, собранный и сделанный своими руками.

### **КАЛУЦКОВ Владимир Николаевич**

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

#### **РУССКИЙ СЕВЕР КАК КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ**

*Место и образ Севера в русской культуре.* Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания. Он занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. По мнению Т. А. Бернштам и К. В. Чистова (1992), среди общерусских культурных образов и символов сформировался мощный культурный пласт «северного происхождения»; его образуют хранители «старой веры» такие, как протопоп Аввакум, безвестные народные зодчие и иконописцы, хранители фольклорных традиций, былинные певцы и сказители, твердые духом поморы и мужественные землепроходцы. В таком контексте правомерно рассмотрение Русского Севера как особой территории культурного наследия (Пермиловская, 2010).

*Вековой культурно-географический тренд.* За тысячелетнюю историю концепт Русского Севера испытывал значительные изменения в культурном пространстве России – от «земли незнаемой» и «чуждой» периферии до одной из самых значимых провинций Русского культурного мира. При этом последовательно, отражая смену культурного статуса, менялось его название: Заволочье – Поморье – Русский Север.

*Пространственная локализация и границы.* В гео-концепте территория не задается исходно, а «появляется» в процессе локализации топонима. Только за последнее столетие Русский Север дважды расширял свою территорию: на рубеже XIX и XX столетий концепт в территориальном плане совпадал с границами Архангельской губернии. К 1970-м г. границы гео-концепта исследователи стали соотносить с ареалами севернорусского диалекта, севернорусского жилищного комплекса и ареалом расселения русских (Калуцков, 2008).

В начале третьего тысячелетия Русский Север становится не столько этническим, сколько цивилизационным пространственным концептом, объединяя не только русские, но финно-угорские земли – Карелию, Коми и другие. В связи с арктическими устремлениями России особый интерес представляет обособление северной границы Русского Севера.

**КОЗНОВА Ирина Евгеньевна**

*Институт философии РАН, г. Москва*

#### **РОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР XX ВЕКА И ЕГО ПАМЯТЬ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Прошлое России имеет несколько измерений, среди которых преобладает аграрно-крестьянское наследие со свойственным ему характером «большой длительности». Выявление его содержательно-сущностных сторон – актуальная исследовательская задача.

В основе крестьянствования лежит принцип целостности, равноценности всех сторон жизни крестьянского общества. Целостность предполагает выработку единообразных и общепризнанных правил поведения, коллективной памяти и общей картины мира. «Антропологическая перспектива» крестьяноведения исходит из понимания памяти как способа существования крестьянской культуры, которая, в свою очередь, принимает характер «живой памяти». Следствием единства природного и социального в крестьянстве является слабая расщепленность памяти-образа (воспоминание) и памяти-действия (ритуал). Крестьяне традиционно воспринимают мир в категориях прошлого опыта. Крестьянская культура по своей сути является «помнящей культурой», направлена на сохранение образа жизни. Эти основополагающие принципы функционирования крестьянской памяти претерпели в XX в. серьезные изменения. Разные составляющие крестьянской памяти – поведенческий и ценностный компоненты, а также собственно ретроспективный компонент памяти, продемонстрировали разную степень трансформации – от затухания до активизации.

**КРАСИКОВ Алексей Николаевич**

*Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина, г. Вологда-Молочное*

#### **САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕЛЬСКИХ ПРИХОДСКИХ ХРАМОВ РУССКОГО СЕВЕРА XVII в.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Проблема реконструкции сакральных пространств является одной из наиболее актуальных в современных историко-антропологических исследованиях. Относительно небольших сельских храмов данная задача практически не решалась. В докладе на основе описаний храмов в писцовых книгах и описях монастырского имущества предпринимается попытка обобщения особенностей конструирования внутреннего сакрального пространства сельских храмов на Европейском Севере России XVII в.

Особое внимание уделяется таким аспектам как влияние локальных центров святости, воплощение крестьянских представлений о вере, соотношение традиций и новаций в сакральном пространстве.

**КРИНИЧНАЯ Неонила Артемовна**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

#### **ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ И ЖИЛИЩЕ: ВЗАИМОПЕРЕКОДИРОВКА ОБРАЗОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОРУССКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ)**

В докладе предполагается рассмотреть совокупность севернорусских мифологических рассказов, в которых человек, расположившись на природном объекте/под природным объектом, оказывается в жилище и, наоборот, расположившись в жилище, чудесным образом перемещается на лоно природы. При этом определенная часть ландшафта соответствует той или иной части крестьянской избы и, наоборот, структурная составляющая жилища соотносится с тем или иным компонентом ландшафта. Наша задача – показать, как в мифологических рассказах, даже записанных в наши дни, пульсируют архетипы «дерево-жилище», «гора-жилище», «пещера-жилище» и т. п., восходящие к изначальным представлениям человечества.

**КУЗНЕЦОВ Александр Александрович**

*г. Красноярск*

#### **ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ШУШЕНСКОЕ»: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ И ВОССОЗДАНИЮ СЕЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА**

В поселке Шушенское Красноярского края расположен историко-этнографический музей-заповедник, ранее известный как Мемориальный заповедник «Сибирская ссылка». Основанный в 1930 г. для

сохранения памяти о сибирском периоде жизни В. И. Ленина, сельский музей, состоявший из двух крестьянских домов, спустя сорок лет стал заповедником республиканского значения. К столетию со дня рождения В. И. Ленина московскими и местными специалистами было отреставрировано и воссоздано более 20 крестьянских сельских усадеб, здание волостного правления, трактир и тюремный острог. В 1974 г. постановлением Совмина РСФСР заповедник включен в перечень памятников истории и культуры и с тех пор охраняется государством как объект культурного наследия федерального значения (Указ Президента РФ от 20 февраля 1995 г.). В 1990-е годы музей-заповедник отошёл от ленинской тематики, сосредоточившись на деятельности по сохранению и популяризации крестьянских традиций, воссозданию сельского культурного ландшафта конца XIX – начала XX вв. В 2007–2010 гг. на территории площадью 3 га, переданной в пользование КГБУК ИЭМЗ «Шушенское» и примыкающей к «старой деревне», было воссоздано ещё шесть крестьянских сельских усадеб, прототипами которых стали традиционные русские постройки юга и севера Сибири, попавшие в зону подтопления при строительстве Саяно-Шушенской и Богучанской ГЭС.

#### ЛЕПИЛКИНА Ольга Ивановна

*Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ставрополь*

#### СОВРЕМЕННАЯ СТАВРОПОЛЬСКАЯ РАЙОННАЯ ПРЕССА И СОХРАНЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЛЕДИЯ

Отличительной особенностью районной прессы всегда было то, что она была носителем эксклюзивной информации локального масштаба. Именно эти СМИ могут давать картину жизни конкретной местности, ориентированы на освещение событий и проблематику в своем регионе, в большей степени включены в социокультурные процессы, происходящие на местах, и наиболее полно отражают нюансы этих процессов. Еще одна важная характеристика районных газет – тесная связь с читателями, составной частью номеров которых, как правило, являются письма.

В то же время анализ районной прессы Ставропольского края выявил значительное сужение информационной повестки дня этого типа периодики. В частности, для нее характерно засилье информационных отчетов о деятельности власти, односторонняя подача сведений о её деятельности, отсутствие разъяснений; публикация большого количества документов, приветствий от имени официальных лиц, переизбыточности пресс-релизов и обращений; отсутствие постановки и разработки тем и проблем общественно-политического и социокультурного характера. Следовательно, можно говорить о том, что на современном этапе районные газеты становятся справочно-циркулярными изданиями. Тем не менее, в их структуре сохраняются материалы, посвященные социаль-

но-бытовой и культурной проблематике. Таким образом, районная пресса на современном этапе в определенном объеме фиксирует повседневную жизнь села, которая даёт возможность отслеживать сложные социальные процессы, которые характеризуют трансформацию социокультурных характеристик сельских жителей.

#### ЛИННИК Юрий Владимирович

*Карельская государственная педагогическая академия, г. Петрозаводск*

#### ПАНКИ НИЖНЕЙ ОНЕГИ: СЕМИОТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Панки впечатляют своей архаичностью. Несмотря на малые размеры, эти игрушки производят впечатление монументальности. Их лаконичные формы порой обобщены настолько, что может создаться впечатление: геометризация объёмов здесь норовит перейти в абстракцию. Когда-то у схожей границы оказался кубизм. Народная игрушка органично вписывается в контекст авангардных исканий. В попытках понять генезис панок можно развивать две гипотезы:

- панки являются реликтом древней сакральной пластики; культурологам хорошо знаком этот алгоритм: обряд становится игрой, идол – игрушкой; нечто подобное могло иметь место и на нижней Онеге;
- игра и игрушка самодостаточны; придумывая забаву для ребёнка, взрослый как бы входит в его мир, поэтому панки несут на себе впечатление детского наива.

Первая гипотеза отсылает нас к филогенезу – панки предстают в углублённой исторической перспективе. Вторая – заставляет вспомнить об онтогенезе: в своём индивидуальном развитии дитя или его педагог, на игровом уровне становящийся ребёнком повторяют исходные фазы в развитии искусства.

Оба подхода изоморфны друг другу. В обоих случаях панки могут рассматриваться как манифестация бессознательного: через них себя обнаруживают фундаментальные архетипы человечества. В первую очередь здесь надо вспомнить об архетипах Великой Богини (М. Гимбутас). Для поонежских панок можно найти замечательные аналогии в художественной практике матриархата. Эхо этой эпохи отчётливо звучит в северных вышивках. Характерный для них образ, который условно принято называть Мокошью, может быть соотнесён с панками по параметру предельно обобщённого геометризма.

Великая Богиня – это персонификация Матери-Земли: её лоно и порождает, и поглощает. Панки могут нести память о двойном культе: магия плодородия здесь сочетается с почитанием предков. Вспомним египетские ушебти или ханты-мансийские итармы. Эти миниатюрные статуэтки похожи на игрушки. Их предназначение: быть вместилищами для душ умерших. Не выполняли ли схожую функцию образы малой пластики, впоследствии оттеснённые в детский уголок? Он должен был напоминать маленькое языческое святилище.

Поонежские панки требуют комплексного исследования как тайна нашей культуры.

### МАРДОСА Йонас

*Вильнюсский педагогический университет,  
г. Вильнюс (Литва)*

#### САКРАЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В ЛИТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

До середины XX в. сельская среда Литвы была насыщена религиозными символами. На территории сел находились святыне родники, камни и другие сакральные объекты. Существенным акцентом культурного ландшафта и сакральным элементом сельской среды, а также местом религиозных действий до середины XX в. выступали сооруженные в усадьбах, у дорог, даже в полях кресты. Они являлись местом постоянных индивидуальных молитв, а во время церковных праздников и местом общинных религиозных обрядов. Чаще всего в Восточной Литве весь май месяц жители собирались по вечерам у крестов исполнять Майские обряды. А три дня перед Воскресением во время Крестных дней, исполняя церковные песни, кресты поочередно посещали процессии членов сельской общины. Близки по содержанию к Крестным дням обычаи дня св. Марка (25 апреля). В этот день чаще всего мужчины молились у крестов, а на кладбище исполняли специальные литании. Церковная сакрализация земельных угодий происходила весной, когда сельская община приглашала ксендза освящать поля с целью охранять их от стихийных бедствий и различных недугов. После совершения ритуала остатки священной воды люди сливали в озера, речки или колодца, как связанные с хозяйством и жизнеобеспечением людей объекты. Таким образом, села и окружающая их территория (пашня, луга, роши, озера и т. д.) существовали как сакральное пространство и такое понятие сохранилось даже после массового переселения жителей на хутора в 1920–1930-е гг. Только после коллективизации сельского хозяйства в середине XX в. представление о сакральности сельской среды перестало существовать.

### МАРТАЗОВА Светлана Федоровна

*МУК «Большемурашкинский историко-художественный музей», с. Большое Мурашкино*

#### РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА В ИСТОРИИ СЕЛА БОЛЬШОЕ МУРАШКИНО

История села Большое Мурашкино неразрывно связана с историей России. Прежде – это мордовский город (по одним сведениям, середина XII в., официальная дата основания 1377 г.), участник многих исторических событий. После подавления разинского восстания он был разграблен и сожжен. Еще до смерти Аввакума Петрова (1682 г.), который родом из этих мест, Мурашкино на несколько лет выпадает из летописей, а вновь появившись, числится уже селом.

Большое Мурашкино было знаменито меховым и кожевенным производством. На мурашкинской земле оно начало развиваться с 1478 г. и наивысшего расцвета достигло к сер. XIX – нач. XX в. Одним из мурашкинских купцов в 1899 г. была открыта Школа Инструкторов, где обучали кожевному и меховому ремеслу. Подобного рода школа была единственной в России. Купцы были участниками многих зарубежных выставок, получали золотые и серебряные медали за качество мехов. В годы советской власти Школа была преобразована в техникум. Позднее его вывезли в Московскую область, где все бесследно исчезло. В 2005 г. были уничтожены остатки мехового промысла, развивавшегося в селе пять веков.

Купцы создали облик Мурашкино и влияли на все сферы деятельности. Например, им было невыгодно, чтобы железная дорога проходила через село, и они сделали все, чтобы дорога прошла в другом месте.

До самой революции 1917 г. здесь царили домостроевские обычаи. Сегодня в Большемурашкинском районе представлены все виды православных церквей: старообрядческая, единоверческая, никонианская.

### МЕЛЮТИНА Марина Николаевна

*ФГУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск*

#### СВЯЩЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ХРАНИТЕЛЯ ЧАСОВНИ

Целью исследования является выявление генезиса, раскрытие семантики и анализ устойчивости в современном сообществе традиционного образа хранителя часовни. Для изучения проблемы определена локальная территория – Кенозерье, отмеченная высоким уровнем концентрации часовен. Впервые в научный оборот водятся архивные источники, полевые материалы, редкие документальные фотографии.

Часовенная традиция, основанная на восприятии человеком «личного бога» и доверия хранителю «держат ключ» от своего храма, является примером глубинного проникновения в христианскую среду языческих компонентов. Деятельность часовенного старосты, в обязанности которого входило осуществление ритуального обеспечения жизни крестьянского сообщества посредством религиозной регламентации жизни, роднит его с функциями волхва (жреца), совмещавшего общественные и сакральные функции посредников между людьми и божествами в Древней Руси.

Наша гипотеза, связанная с определением генезиса образа часовенного хранителя, основана на слиянии в одном архаическом образе жреца, жертвы и жертвенника, представления о котором было продолжено и продолжается русской традицией. Сакрализация традиции – это передача последующему поколению функции сохранения сакрального мира деревенского сообщества. В функции старосты часовни (в глубинные исторические времена – жреца) входило совершение магических обрядов (крещение

младенцев, отпевания покойников), хранение са-  
кральных атрибутов (иконы, обетные «тканые приве-  
сы»), подготовка культовых обедов из жертвенных  
животных, продажа заветного предмета для исцеле-  
ния. Сохранение в современном сообществе сакраль-  
ных функций хранителя часовни является ценной со-  
ставляющей культурного ландшафта Кенозерья.

**НАУМОВА Надежда Ивановна**

*Самарский государственный университет путей сообщения,  
г. Самара*

### **ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КРЕСТЬЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)**

В начале третьего тысячелетия н. э. под эгидой Самарской областной администрации НИИ «Языки и культуры народов Поволжья» [директор – проф. д.ф.н. Наумова О. Д.] проведено изучение жизненных миров коренных народов Поволжья. Этнографические экспедиции («Русские» и «Мордва» в Похвистневском и Исаκлинском районах Самарской области) изучали культурологические составляющие крестьянских поселений (исторический возраст: последние 280 лет).

Крестьянский уклад анализировался как «вмещающий ландшафт, кормящий этнос» (Л. Гумилев) и основа межэтнической толерантности. Положительная динамика отмечается в мордовско-эрзянских и татарских селах, в динамике менее устойчивого развития – русские и чувашские поселения. Еще менее устойчивы смешанные поселения поселкового типа, где население подверглось значительной демографической маргинализации (страта «псевдорусских») в течение многих десятилетий.

Устойчивость versus неустойчивость в механизмах толерантного этно-культурного взаимодействия русских, чувашей, мордвы, татар с миграционными стратами из Зарубежья складывается в пространстве устоявшихся крестьянских хозяйственных укладов – с нововведениями производственно-управленческих моделей:

- «Подбельская модель» с миграцией мужского населения на заработки и развитой инфраструктурой;
- «Аманако-Исаковская модель» с характерным «симбиозом» крестьянского хозяйства с банками, что укрепило крестьянское подворье и этнографические традиции семейного уклада;
- «Исаκлинская модель» с централизованным руководством, развитой современной телекоммуникационной инфраструктурой, с функционирующими колхозами (наследие советского периода).

Гармонизация межэтнической толерантности и сохранение культурных традиций крестьянского ландшафта в новом формате развития минимизирует отрицательно-неустойчивые тенденции и риски в развитии сельского ландшафта у носителей этнических языков и культур Среднего Поволжья.

**НИКИТИНА Галина Аркадьевна**

*Удмуртский институт истории, языка и литературы  
УО РАН, г. Ижевск*

### **ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО**

Этническая культура (аутентичная или с ошутимым инновационным компонентом) в современной Удмуртии признана как ресурс, способствующий сохранению республикой своей «особости» в сфере культурной деятельности. Полиэтническое село демонстрирует различные формы работы с богатейшим фондом традиционной культуры, среди которых наиболее интересны этнофутуристические фестивали, массовое развитие практически всех видов традиционных ремесел и искусств, активное функционирование народной вокальной и хореографической культуры. Все это свидетельствует о более устойчивой связи крестьянской (и сельской в целом) традиции с архаикой, с одной стороны, и попытках противостояния процессам насаждения чуждых культурных образцов в худших вариантах, с другой.

Повышенный интерес к традиционным культурным ценностям можно объяснить и транзитивным характером российского общества. Как правило, именно в сложные переходные периоды вновь возрождаются забытые традиции, происходит реактуализация устойчивых и глубинных ментальных структур, которые могут более зримо, чем раньше, влиять на поведение человека и общества.

Востребованность этнической культуры на очередном витке развития общества актуализирует проблему новых подходов к ее анализу, практике развития вторичных форм (театрализованных, концертно-сценических, сувенирных), сохранению и возрождению уникальных обрядовых и музыкально-хореографических образцов как основы национального идентитета и удачной формы самопрезентации этносов окружающему миру.

Нельзя не заметить, что обретение традиционной культурой «второго дыхания» сопровождается противоположными процессами – отчуждения этнофоров от своих национальных культурных ценностей и корней, утраты чувства патриотизма и уважения к прошлому.

**НИКОЛАЕВА Дарима Анатольевна**

*ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», г. Улан-Удэ*

### **ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ В ОБРЯДАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ КУЛЬТУ МАТЕРИ-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦЫ**

У бурят конца XIX – начала XX вв. места отправления ритуалов в честь матери-прародительницы в традиционной культуре ассоциируются с понятием «земля»/«вода»/«низ»/«женское». Так, женские моления проводили в устьях рек, у подножья родовых гор, на поляне возле леса. Женщины готовили

молочную пищу, угощались, танцевали круговые танцы и обращались к духам земли, воды и огня с просьбами о чадородии и благополучии.

Для проведения обрядов, связанных идеей получения душ детей использовались и другие природные объекты. Так, ввиду ассоциаций с женским детородным органом, буряты поклонялись пещерам (материнское лоно/утроба Земли). Считалось, что из «чрева» земли – пещеры вышли первые люди и животные, она дала жизнь деревьям и травам, поэтому так тесна связь между ними. В значении женского детородного органа задействован другой природный объект – береговая расщелина. В этногоническом мифе прародителями Эхирита (основателя одного из бурятских племен) были отец Пестрый налим и мать Береговая расщелина.

Можно также выделить почитание гор. У бурят существовал культ родовых гор – покровительниц рода, который тесно смыкался с особым культом родовой территории, мыслимой как исконно родовая земля – «место хранения материнского следа» рода или племени. Обычно эти места локализовывались на вершинах гор. На них проводились грандиозные родовые моления и обряды поклонения с просьбами о счастье, соответствовавшем традиционным представлениям (плодородие земли, размножение скота, чадородие людей и общее благополучие).

**ОКЛАДНИКОВА Елена Алексеевна**

*Высшая школа народных искусств, г. Санкт-Петербург*

### **ПРИЗНАКИ «САКРАЛЬНОГО» В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ**

Понятие «ландшафт» никогда не принадлежало какой-то одной области знания. В узко-предметном смысле, земной естественный, физико-географический ландшафт является объектом исследования таких наук как география и ландшафтоведение. В широком смысле ландшафт – это объект исследования исторической географии, демогеографии, социологии и социальной антропологии и др. У таких социокультурных понятий, как «культурный ландшафт», «сакральная география» и «сакральный ландшафт» оказались единые геософские основания и истоки.

Сакральный ландшафт – это часть культурного, т.е. освоенного человеком с глубокой древности географического пространства, сформированного духовным человеческим опытом. Это одухотворенное, воображаемое пространство, и, следовательно, управляемое.

С позиций системного подхода и теорий самоорганизации сакральный ландшафт – это разновидность социотехнической системы, которая возникла в результате целенаправленного управляющего воздействия сознания людей архаического и традиционного общества на природный ландшафт.

На территории Евразии признаками сакральных ландшафтов, возникших в результате организующего и упорядочивающего воздействия человека архаиче-

ского и традиционного общества древней Евразии на окружающую среду, являются следующие:

- средовые (мифологизация конкретных природных зон: леса, озер, рек, гор и др.),
- пространственные (формирование границ конкретных территорий земной поверхности с помощью разных по материалу, форме, жанру объектов: стелы, скалы с рисунками, могильники в качестве маркеров),
- знаковые (использование разнообразных кодов для обозначения сакральности конкретного места).

Сегодня жизнь сакральных ландшафтов поддерживается путем научного исследования и консервации сакральных ландшафтов как объектов культурного наследия, организации паломнических туров в почитаемые места, а также организации заповедников и охраняемых территорий вокруг сакральных ландшафтов, и др.

**ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна**

*Институт экологических проблем Севера УрО РАН,  
г. Архангельск*

### **СЕЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ РУССКОГО СЕВЕРА КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ**

Сельский культурный ландшафт – это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру, фольклор. Особенно полноценно и зримо феномен культурного ландшафта проявляется в регионах с мощными этнокультурными традициями, именно таким является Русский Север. Культурный ландшафт Русского Севера – это, прежде всего крестьянский ландшафт сельских поселений. По социально-экономическим признакам здесь сложились три основных типа поселения: погост, деревня, село. Тип расселения отражает архитектурно-пространственную организацию групп селений. Для Русского Севера характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами. Северный крестьянин находился в сложной взаимосвязи с окружающим ландшафтом; обживая его, он формировал природно-культурную среду, которая в свою очередь влияла на его поведение и мировосприятие. Основу мировоззрения русского крестьянства составляло «народное православие». Церкви, колокольни, часовни, обетные кресты, ставившиеся в ходе освоения территорий, включались в важнейшие объекты крестьянского мира – деревни, дороги, уголья, холмы, водоемы.

Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство, превратившее Русский Север в особую «страну зодчих» – уникальный заповедник деревянной церковной архитектуры. Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края, в них воплотились религиозные представления и ценности. Часто место для строительства храма (часовни), поселения определя-



лось с помощью гаданий и живых священных животных (конь) или предметов (дерево, икона, крест, свеча), обладающих высокой степенью семиотичности и особым сакральным статусом в традиционной культуре. Наряду с храмом, важнейшей смылособирающей, ценностной доминантой выступает крестьянский дом. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселения в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни русского человека в суровой лесной зоне. До настоящего времени на Русском Севере сохранился ряд сельских поселений, которые по их насыщенности памятниками истории и культуры можно отнести к объектам культурного наследия. Это с. Кимжа на Мезени, д. Веркола на Пинеге, с. Черевково на Двине, с. Ошевенское на Каргополье и др. В 2004–2010 гг. были проведены исследования этих поселений.

Для изучения уникального культурного ландшафта с. Кимжа был выполнен историко-культурный опорный план. На плане отражены: планировка, топонимическая структура, местонахождение культовых (церковь, обетные кресты, сакральные места, часовни, кладбища), жилых, хозяйственных и инженерных построек. Выявлены 107 памятников архитектуры, их датировка, владельцы, легенды, архитектурно-конструктивные особенности, обмерены 32 памятника. Даны рекомендации по сохранению с. Кимжа в системе государственного законодательства – «достопримечательное место» федерального уровня, материалы исследований опубликованы в обобщающей монографии «Русский Север как особая территория наследия». Сельский культурный ландшафт – это объект наследия и ресурс развития. Необходима планомерная работа по постановке на охрану памятников народного зодчества и сельских культурных ландшафтов Русского Севера.

#### **ПЕТРОВА Анна Александровна**

*Учебно-научный центр визуальной антропологии и этноистории РГГУ, г. Москва*

#### **ФОТОГРАФИЯ В СЕЛЬСКОМ ДОМЕ: ОБРАЗ, ПАМЯТЬ, КОММУНИКАЦИЯ**

Фотография в северной русской деревне – феномен совершенно особенный, отличный от фотографических практик «большого города» (любительской фотографии и арт-фотографии). Деревенская, сельская фотография может быть рассмотрена как один из жанров визуального фольклора (А. В. Захаров), т. е. народного / массового изобразительного творчества. Сегодня фотографические практики видоизменяются: любительская фотография становится цифровой, аккумулируется в Интернете, где выстраивает эго-историю пользователя. Фотография профессиональная стала одним из медиумов «контемпорари арта» и СМИ. В деревне фотографическое изображение остается несамодельным, технически неосвоенным; фотография здесь визуализирует образ «большой семьи», оформляет интерьер и может служить сред-

ством коммуникации с умершими родственниками. Доклад базируется на полевом материале, собранном в ходе экспедиций в Вологодскую область.

#### **ПОЗДЕЕВ Игорь Леонидович**

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск*

#### **ФИННО-УГОРСКИЙ МИР: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОГО ЭТНОСА)**

В условиях социально-экономических трансформаций, идущих в нашей стране на протяжении последних двадцати лет, с особой остротой встает проблема адаптации к переменам, как всего российского социума, так и каждого индивидуума в отдельности. В сельской местности процессы социализации и адаптации всегда отличались от подобных процессов в городской среде. Это во многом обусловлено спецификой сельского образа жизни, малочисленностью большинства поселений, разветвленными родственными связями, сохранением этнокультурного своеобразия в отличие от преимущественно русскоязычного города.

В удмуртской сельской среде традиционно сильны общинные устои, поэтому здесь сохраняются такие черты, как зависимость от общественного мнения, оглядка в поведении на односельчан, индивидуальный фатализм («будь как будет»), характерные для традиционного сознания. Поэтому удмурты, в основной своей массе проходившие первичную социализацию в рамках сельского общества, не готовы в полной мере воспринять тенденции модернизации, в том числе и переход к рыночным отношениям, принятию новых экономических условий.

Деревня, в силу своего традиционализма, с трудом принимает деятельность отдельных индивидов, ищущих новые, нетрадиционные для селян способы повышения материального благосостояния. Поэтому наиболее активная часть населения, люди с предпринимательской жилкой, помимо естественных трудностей материального характера, сталкивается еще и с сопротивлением большинства. Вспомним, с какой враждебностью в 1990-х гг. было встречено фермерское движение. Отношение к фермерам среди селян со временем улучшилось, но предприниматели-удмурты нередко отмечают зависть, неприязнь со стороны односельчан.

В целом, современная деревня активно задействована в процессе социальных изменений, идущих в российском обществе. Основной задачей, стоящей перед сельскими жителями, является поддержание приемлемого материального уровня, что вызывает использование различных адаптационных ресурсов. В то же время переход к рыночным отношениям, адаптация к современным условиям идет сложно, что обусловлено характером сельской жизни, менталитетом селян, трудно поддающимся изменениям.

**РОЗАНОВ Юрий Владимирович**

*Вологодский государственный педагогический университет,  
г. Вологда*

**МЕДВЕЖЬИ ОХОТЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –  
НАЧАЛЕ XX вв.: ТИПОЛОГИЯ И ГЕНЕЗИС**

В докладе рассматриваются два принципиально различных вида охот на «черного зверя»: традиционный (крестьянский) в разных его модификациях («на овсах», «на берлоге», «загоном», с помощью самозаводов и др.) и «культурный», осуществляемый совместно городскими и сельскими охотниками на договорных коммерческих основаниях. В последнем случае особое внимание уделяется роли крестьянина-окаладчика как организатора и руководителя трофейной охоты, анализируются этические, экономические и экологические аспекты деятельности окаладчика, особенности его отношений с городскими и зачастую высокопоставленными клиентами. Значительные доходы успешных окаладчиков, их уникальное положение в деревенском социуме, быстро растущий спрос на медвежьи охоты имели своим побочным следствием появление «лже-окаладчиков», устраивающих своего рода «охотничьи симулякры», что тоже рассматривается в нашем докладе. Источниками для работы стали полевые материалы фольклорных и этнографических экспедиций Вологодского педагогического университета и Вологодского музея-заповедника, охотничья литература и периодика XIX – начала XX в., дневники и мемуары охотников, статистические материалы.

**СТАРОВЕРОВ Владимир Иванович**

*Институт социально-политических исследований РАН,  
г. Москва*

**КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ  
КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ  
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНАЯ НАУКА**

Формирование крестьяноведения как самостоятельной науки подготовлено длительной практикой исследования крестьянства и связанных с ним многогранных проблем. Они проводились и проводятся с той или иной степенью интенсивности, что зависит от положения и роли крестьянства и агросферы в жизни разных стран. До недавних пор особенностью этих исследований была разрозненность, обособленность объектно-предметной парадигмы в рамках специфики той или иной науки. Она отражала свойственную классическим наукам тенденцию к их эвристической дифференциации, ослаблению в методологии познания синтетических начал, всё большей специализации на частных темах, что делало невозможным не только междисциплинарную, но подчас и внутридисциплинарную интеграцию познания. Наукоевческий анализ практики исследований подводит к выводу, что крестьяноведение должно представлять собой междисциплинарный комплекс гуманитарно-социального познания в аграрной сфере. Институционализация крестьяноведения требует: разработки теоретико-методологических оснований для

адекватного познания многогранности крестьянства; выявления социальной природы крестьянства; учета сущности, характера и содержания линейных связей крестьянства не только с аграрной сферой, но и с обществом в целом. Это обеспечит монистическое единство исследования российской деревни.

**СТЕПАНОВ Андрей Викторович**

*АНО «Проповский центр», Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург*

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ  
РУССКОГО СЕВЕРА В НАЧАЛЕ XXI в.  
ОПЫТ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Структурно-семантические исследования крестьянского жилища, восходящие в основном к фундаментальной монографии А. К. Байбурина («Жилище в обрядах и представлениях восточных славян»), выявили значение аскриптивных символических классификаций и структур, определяющих место человека в культурном пространстве. Эти разработки позволяют подойти к вопросам, в рамках непосредственно самих семантических исследований не затрагиваемых. Один из таких вопросов состоит в том, как внутри этих моделей происходит актуальное взаимодействие субъекта с пространством избы, которым «абсолютные» значения этих моделей при всей их аскриптивности ежемоментно поверяются и обновляются в рамках повседневной жизнедеятельности. Проблема, таким образом, переходит в область прагматики, и во главу угла ставится субъект, а точнее его навыки использовать знаковое средство в конкретных условиях. В рамках симпрактического отношения «человек – пространство» само пространство оказывается лишенным внеположных индивиду свойств, и превращается в производную от социальных, психологических и телесных интенций. Второй вопрос, связанный с первым, касается трансформации указанных отношений во времени. Модернизационные процессы XX – нач. XXI вв., столь значительно повлиявшие на крестьянский мир, наложили отпечаток и на интенсионал пространственной системы крестьянского жилища: как ментальные, так и деятельностные аспекты взаимодействия человека и характерных топосов дома неизбежно меняются (и в повседневной и в обрядовой реальности). Исследование закономерностей этих изменений является одновременно и изучением адаптивных свойств традиции (если понимать под нею механизм сохранения, воспроизводства и трансляции коллективного опыта) и форм ее взаимодействия с инновационными влияниями среды.

**ТОРМОСОВА Наталья Ильбрусовна**

*Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, г. Каргополь*

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕВЕРНОРУССКОЙ ВОЛОСТИ  
XVI–XX вв. (НА ПРИМЕРЕ  
КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА)**

Изучение особенностей социально-пространственной организации территории способствует созда-

нию объективной картины историко-культурных процессов в регионе. Традиционная волость на Каргополье, как административно-территориальная единица, сложилась к концу XV в. Ее границы совпадали с хозяйственным ареалом, который занимала сельская община, что объясняется естественно-географическими условиями. Сельская община, в свою очередь, была по церковному делению оформлена в сельский приход. Из анализа документов XVI–XVII вв. можно сделать вывод, что к концу XVII в. сложилось практическое совпадение границ волости и прихода. Данная ситуация существовала до конца XVIII в. Волость XVI–XVIII вв. мы именуем традиционной волостью или волостью-сообществом.

С конца XVIII до середины XIX в. происходит прекращение границ волостей и превращение их в чисто административно-территориальные единицы. Волость второй половины XIX в. получила новый статус, часто новые границы и новое название. Много для понимания этих процессов даёт анализ традиционных и новых волостных названий.

Кусты и группы селений, сформировавшиеся к XVII в., несмотря на административные преобразования, оставались неизменными в своих естественных границах до конца 1940-х гг. Территории сельских советов, созданных в 1929 г., в большинстве случаев соответствовали территориям традиционных волостей-сообществ.

Во второй половине XX в. традиционная сельская территориальная структура, оказавшись в полной зависимости от социально-экономической политики государства, пережила процесс глобальных изменений. Термин «волость», обозначающий традиционную волость-сообщество, бытовал на Каргополье до 1980-х гг. К настоящему времени он утрачен. На наших глазах происходит трансформация термина деревня. Мы наблюдаем заключительный этап перехода к новой системе сельских поселений.

**ТРАПЕЗНИКОВА Ольга Николаевна**

*Институт геоэкологии РАН им. Е. М. Сергеева, г. Москва*

### **КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И ГОСУДАРСТВОМ**

Крестьянский мир, крестьянская община была основной ячейкой самоорганизации тех земледельческих племен, которые, начиная со второй половины I тысячелетия нашей эры, осваивали, распахивали нечерноземную лесную зону Восточно-Европейской равнины.

Последние работы археологов и историков дают нам конкретное представление об этом медленном и постепенном, но неуклонном процессе, его движущих силах и ограничениях. Из них следует, что причины сельскохозяйственного освоения Русского Севера менялись со временем. Сначала это было следствие Великого переселения народов, в Средневековье – возросший в Европе спрос на пушнину, в XIV в. – татаро-монгольское нашествие. Опричнина Ивана Грозного и гонения на староверцев в XVI–

XVII вв. вызвали новый отток крестьянского населения на север и восток.

В то же время менялись сельскохозяйственные технологии. Так, культура длинных курганов характеризовалась крупными поселениями и подсечной системой земледелия. Переход к постоянной пашне в условиях сложных природных условий Нечерноземья вызвал рост мелких деревень.

Развитие централизованного государства в XVI–XVII вв. привело к смене системы расселения в центре страны: деревни стали существенно крупнее, но число их уменьшилось. Отсутствие существенных изменений сельскохозяйственных технологий и природных условий свидетельствует о том, что это изменение было вызвано в первую очередь воздействием государства. Насколько принципиальным для дальнейшего аграрного и социального развития русского крестьянства было это изменение? Везде ли оно произошло? Где оно было оправдано? Поиску ответов на эти вопросы посвящено наше исследование.

**ТРУШКОВА Ирина Юрьевна**

*Вятский государственный университет, г. Киров*

### **КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ВЯТСКОГО РЕГИОНА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ**

На формирование культурного ландшафта Вятского региона оказала влияние его «крестьянская модель» развития. Поэтому характерными объектами являлись деревенские поселения, гармонично вписанные в местность, соотносимые с рельефом, лесными и земельными угодьями, водными ресурсами. Архитектура домов связывалась с защитой от осадков, температурных перепадов. Продумывалась эстетика жилища, его внутреннее обустройство.

Поселения служили центрами, притягивавшими другие объекты культурного ландшафта. В их расположении проявлялась эргономика крестьянской деятельности, этноэкологические и этновалеологические правила. Духовная составляющая культурного ландшафта определялась месторасположением церквей, молитвенных домов, мечетей, языческих рощ, гуляний, дорогам, мостами, мельницами, местами промыслов.

Опыт поведения в природе и обустройство жизни вятских крестьян могут успешно изучаться, а рациональное в нем – использоваться современными поколениями. Одно из направлений – внутренний образовательный туризм. Музеи-скансены, стационарные экспозиции крестьянского быта, краеведение как предмет и направление воспитательной работы, практики и стажировки студентов-историков, филологов, художников, архитекторов, специалистов по туризму, выявляют емкое содержание регионального туристического ресурса. Приобщение к рассматриваемой деятельности в детстве и юности вырабатывает привычку к туризму в дальнейшем. Крестьянские ценности и культурный ландшафт сельской территории при этом становятся символами стабильности, благополучия, гармонии и патриотизма и могут влиять на его поступательное развитие в будущем.

**ФИНЧЕНКО Александр Евгеньевич**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

**ДЕРЕВЕНСКИЙ МУЗЕЙ  
КАК ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ:  
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ  
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ  
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ**

Рассматривается проблема музеефикации элементов традиционной культуры в условиях современных экономических и демографических условий. Во многих привлекательных сельских зонах сегодня налицо: становление частного бизнеса в таких сферах, как рекреация и бизнес-туризм; изменение демографического состава села: рост доли таких категорий населения, как бывшие аборигены – переселенцы из городов, дачники – владельцы домов, использующие их как места летнего отдыха, а также владельцы сельского бизнеса и др.

Основа доклада – демонстрация документального фильма «Музей вепсской культуры и быта» – частное собрание А. Е. Финченко (4129 экспонатов) (26 минут) о созданном в 2002 г. музее в деревне Ладва Подпорожского района Ленинградской области:

Этот фильм предполагается включить в работу секции как стимул к дискуссии об институтах локальной памяти, среди которых народные музеи занимают ключевое место. Затрагиваются проблемы изменения условий функционирования этих музейных собраний: 1) если в советский период это были, в основном, школьные музеи, базировавшиеся на краеведческой и учебно-воспитательной работе, то теперь на первый план выходят частные собрания, основанные на профессиональных знаниях; 2) как современное направление экономического контекста повлияло или способно повлиять на их вещественное наполнение, формы сохранения, описания, этикетаж, условия доступа и прочее. Все это должно стать предметом для дискуссии, нацеленной на лучшее понимание конкретных механизмов функционирования подобных музеев.

**ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна**

*Чеченский государственный университет, г. Грозный*

**ФУНКЦИИ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ ЧЕЧЕНЦЕВ  
В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ  
В XIX – НАЧ. XX вв.**

В предлагаемом сообщении рассматривается народная одежда в связи с ее ролью в свадебных обрядах и обычаях, а также функции других предметов, в некоторых случаях, выполнявших роль одежды и имевших специальное назначение (ткань, материал – «коч», кинжал – «шаьльта», пояс – «доьхка», игла – «маха» и др.).

Многие элементы человеческой деятельности одновременно являются результатами как духовного, так и физического действия (Бромлей Ю. В. Эт-

нос и этнография. М. 1973, с. 50). В силу сказанного в данном сообщении народная одежда рассматривается не только как часть традиционной материальной культуры чеченцев, но и как явление, непосредственно связанное с духовной жизнью чеченцев, с их обычаями и обрядами. Значительна была роль одежды и заменяющих ее отрезов «коч» и в обрядах, которые относятся, по-нашему мнению, к контактной магии или магии соединения при взаимообмене подарков на свадьбе и других взаимоотношениях.

К одежде, связанной со свадебной обрядностью, относится и одежда ряженных на свадьбе. Это сложное многофункциональное явление, характерное и для других народов мира, требующее специального исследования. В представленном сообщении мы уделили некоторое внимание этому явлению, поскольку оно частично связано с ритуальной функцией одежды.

**ХРУЩЁВА Маргарита Геннадиевна**

*Астраханская государственная консерватория (академия),  
г. Астрахань*

**СОВРЕМЕННЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ  
ТАТАР-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СЕЛА НОВЫЕ  
БУЛГАРЫ ИКРЯНИНСКОГО РАЙОНА  
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Татары-переселенцы, основавшие село Новые Булгары уже более ста лет назад (XIX – начало XX вв.), до сих пор сохраняют свой язык, диалект, обычаи, традиционную культуру, песенный и инструментальный фольклор. На протяжении столетней истории села татары постоянно вступали в языковые, хозяйственно-производственные, социальные, семейные (в том числе и в межэтнические браки) и личные связи внутри села, с жителями окружающих сел и г. Астрахани. Постепенно с. Новые Булгары, особенно за последние два десятилетия, стало уже полиэтническим. Тем не менее, татарское население села до сих пор сохраняет не только в памяти, но в быту пословицы, поговорки, песни и инструментальные наигрыши, перенятые от родителей и более старшего поколения. Носители традиции в селе очень уважаемы и ценимы. В докладе анализируется межэтническая культурная ситуация села, современные новации в обычаях, форме праздников, степень этнокультурного взаимовлияния, процессы, происходящие в музыкальном (песенном и инструментальном) фольклоре; степень влияния городской культуры; культурные связи с основным массивом этноса, т. е. с Республикой Татарстан. На основе материалов полевых экспедиций прослеживается скользящее доминант в музыкальном фольклоре села, типологичное процессам в этнической культуре татар в XX в.; обнаруживается возникновение новых парадигм, обусловленных переходом от моноэтничности к полиэтничности села, наблюдаемых наиболее явно в музыкально-поэтическом фольклоре.

**ЦЕЛИЩЕВА Вероника Геннадьевна**

*Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров, г. Санкт-Петербург*

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА  
«СЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИОННОСТИ»  
КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-  
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС**

Разнообразие социально-культурных практик и расширение их диапазона под влиянием меняющихся условий приводит к размыванию границ дихотомии «город – село». Негомогенность и дифференцированность этих социальных пространств затрудняют их определение и очерчивание; различия между ними становятся все более условными, образуя специфические социально-культурные пространства, образованные взаимодействием городских и сельских жителей.

Анализ социальных практик, образующих дискурс сельскости, опирается на данные, полученные в полевых исследованиях, проводимых в Приамурье с 1995 г. по 2010 г. и дополнен материалами из различных источников. Перед нами стояли вопросы: что включают социокультурные практики, поддерживающие в условиях унификации жизни культурную дифференциацию локальных/локализованных сообществ (к которым, с определенной долей условности, можно отнести сельских жителей)? На чем они основаны? Как «сельскость» превращается в ресурс, и каким образом он используется? Ответы на эти вопросы может дать анализ оппозиций, образующих дихотомию «город-село», таких как: «промышленность – экология», «технология – ремесло», «прогресс – традиционная культура». Практики, опирающиеся на них, реализуемые горожанами и жителями сел создают новые конфигурации, описанию которых и посвящен доклад.

**ЧЕРНЫШОВ Сергей Валерьевич**

*Брянский филиал НОУ ВПО «Московский психолого-социальный институт», г. Брянск*

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ  
ЭКСПОЗИЦИЙ**

При формировании этнографических экспозиций в музеях или наглядных пособиях образовательных программ следует уделить особое внимание вопросам использования традиционной знаковой культуры. Семантика является неотъемлемой частью традиционной культуры. Изучая основные элементы знаковой культуры, следует обратить внимание на ряд существенных особенностей.

Во-первых, следует определить место знаковой культуры в массовой культуре. Знак – информация, несущая сакральный, регулирующий характер, имеющий определяющее значение для некоей социально-культурной общности в конкретное время в конкретном месте. Массовая культура – идеология, торговый знак, имидж, выходящий за рамки этноса и расширяющий границы распространения.

Следует отметить варианты развития этнографической культуры как элемента знаковой культуры в музеях:

- музеефикация – «скансинг» – точное сохранение застывшей традиции;
- реконструкция – создание моделей адаптированных традиций для современного понимания;
- формирование новых традиций – стилизация под углом идеологических установок.

Любой предмет имеет смысл существования, если имеет практическое применение. Одним из вариантов использования является применения элементов материальной культуры этноса в образовательных целях:

- обращение внимания на фактор этнической принадлежности;
- при этом существует опасность непрофессионального использования, где могут иметь место две крайности – отвращение от предметного мира, или гиперболизация определенных аспектов с уклоном в национализм;
- наиболее оптимальное использование в качестве факультативного курса с элементами игровой культуры.

**ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна**

*Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, г. Нижний Новгород*

**СЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ:  
ЖЕЛАЕМОЕ И РЕАЛЬНОЕ**

Одна из главных проблем российского села – сокращение численности занятых в сельском хозяйстве, прежде всего за счёт миграции из села наиболее молодых и квалифицированных кадров. Проблемная ситуация обусловила следующие задачи исследования: выявить условия, при которых молодёжь согласна работать в сельском хозяйстве и жить в сельской местности. Национальные проекты, не подкреплённые созданием современной производственной и социальной инфраструктуры, не влияют на жизненные стратегии молодёжи.

В последние годы для закрепления кадров принимаются законы, предоставляющие выпускникам вузов и техникумов ряд льгот. Однако требования молодёжи гораздо шире: они распространяются как на производственную, так и социальную сферы. Главными стимулами для принятия решения жить и работать на селе студенты очной формы обучения считают: возможность карьерного роста, современные рабочие места, предоставление служебного жилья, хорошая дорога в город, наличие в селе молодежи. Они болезненно воспринимают низкую престижность сельского труда, отсутствие возможности выбора рабочих мест для супруга. Причём иерархия требований к условиям жизни во многом тождественна у выпускников всех типов учебных заведений и определяется реальными потребностями, с которыми сталкивается молодая семья. Среди тех, кто родился в Н. Новгороде, средних и малых городах готовых

поехать в село на любых условиях нет. Более ориентированы на возвращение после учёбы селяне, но и они выдвигают требования развития не только производственной, но и социальной инфраструктуры.

**ШУМСКИЙ Константин Анатольевич**

*Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск (Беларусь)*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ  
ЗНАНИЯ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН  
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ  
ПРОЦЕССОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ  
XX – НАЧАЛА XXI вв.**

Традиционные этноэкологические знания белорусских крестьян, зафиксированные во всех историко-этнографических регионах Беларуси, имели ярко выраженный экофильный характер: в них отсутствовало обоснование потребительско-хищнического отношения к растительному и животному миру, выявлялись уважение к природе, ее красоте, желание сохранять и рационально использовать природные ресурсы.

Отношения с окружающей средой строились на принципах диалога. Природа при этом рассматривалась не только как объект одностороннего воздейст-

вия и неисчерпаемый источник ресурсов, но и как субъект двустороннего взаимодействия, его полноправный участник. Сочетание разнообразных способов эксплуатации природы давало возможность окончательно не истощать тот или иной вид ее ресурсов, а равномерно распределять нагрузку на природу между разными видами ее богатств путем ведения комплексного хозяйства. Поэтому крестьяне, сохраняя традиции природопользования, практически не нарушали природного равновесия.

Наиболее массовое использование традиционных форм взаимоотношений с живой природой пришлось на XIX – первую половину XX вв. На протяжении второй половины XX – начала XXI вв., в связи со значительными изменениями во всех сферах культуры белорусов, в социально-демографической структуре нации, традиционные этноэкологические знания претерпели значительную трансформацию. Сфера их распространения и функционирования постепенно ограничилась узкими социально-демографическими рамками (демографическая группа сельских жителей старше 60–70 лет). В конце XX – начале XXI вв. в этой сфере традиционных представлений увеличивается доля знаний с элементами научного или псевдонаучного осмысления человеком взаимозависимостей в окружающей природе.

## Секция 2. ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ И НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ

Руководители: д.и.н. **Бутовская Марина Львовна** (Москва);  
к.ф.н. **Морозов Игорь Алексеевич** (Москва);  
д.и.н. **Фурсова Елена Федоровна** (Москва)

**АНДРЕЕВА Юлия Олеговна**

*Европейский Университет в Санкт-Петербурге,  
г. Санкт-Петербург*

### ПОИСКИ «НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ» В НОВОМ РЕЛИГИОЗНОМ СООБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ АНАСТАСИЙЦЕВ)

Интерес к народным традициям и фольклору, исходящий как из идеологии Нью-Эйдж, так и из более широкого наследия романтического национализма, характеризует довольно широкий сектор современной российской религиозной жизни. Например, анастасийцы часто обращают внимание на необходимость возвращения к истокам (в первую очередь к обычаям и праздникам), и эти истоки обычно связываются с дохристианским прошлым Руси. Традиционная культура понимается как первичное гармоничное состояние, в котором человек был близок к земле и природе.

Такие действия, как например, исполнение песен и вождение хороводов считаются обязательной составляющей полной жизни человека, с их помощью у человека «раскрываются» способности. Важным считается восстановление утраченных традиций в быту: народные обычаи должны существовать не на сцене, а быть живыми и осмысленными.

Традиционализм анастасийцев обычно легко сочетается со стремлением к инновациям. Так, они утверждают, что нужно возрождать (полагаясь на интуицию и здравый смысл) лишь то, что понятно современным людям, далеким от природы и естественной среды обитания. Традиционные славянские праздники крайне необходимы для гармоничного развития человека, но еще более важно, чтобы индивид совершал действия не механически, а осмысленно. То есть, для последователей данного движения границы понимания «традиции» размыты, каждый индивид волен вкладывать свой собственный смысл, ориентируясь на (пока) недостижимый идеал.

**АНДРОНОВ Владимир Петрович,  
АНДРОНОВА Тамара Дмитриевна**

*Мордовский государственный университет  
им. Н. П. Огарева, г. Саранск*

### ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Обращение к истокам нашей культуры, ее освоение становится особенно важным в связи с теми процессами, которые происходят с человеком в современном российском обществе. Человек потерял смыслообразующие ценности, растратил духовный

опыт прошлых поколений, ориентирован все в большей степени на материальный успех, а не нравственное воспитание и духовное совершенствование. Изучение влияния православных религиозных традиций на духовно-нравственное развитие личности позволило выделить следующие ключевые проблемы.

Первой проблемой, обсуждаемой в святоотеческих православных учениях, является путь достижения глубинных качественных преобразований личности. Самосовершенствование в этическом отношении как условие достижения истинности познания составляет основной стержень всей православной святоотеческой традиции. «Очищение» личности, ее духовное совершенствование является предпосылкой познания истины.

Вторая проблема – это проблема формирования духовно зрелой личности. В лоне религии с момента ее зарождения непрерывно накапливается и сохраняется православный религиозный опыт осуществления практической деятельности по формированию такой личности. Результат этой деятельности проявляется в наличии в истории России множества святых – ярких образов духовно-нравственно развитых личностей.

Третья проблема связана выделением основания типологизации личности. В святоотеческой традиции таким основанием является иерархические соотношения духа, души и тела.

Четвертой проблемой является перевод описания эмпирических данных, накопленных в русле истории подвижничества, на язык собственно психологии, в систему понятий.

Пятой проблемой, возникающей при анализе эмпирических психологических знаний, содержащихся в творениях святых отцов, является проблема символизма, утверждающего, что внешние обстоятельства жизни человека являются символами, знаковыми индикаторами, отражающими его внутренние духовно-нравственные состояния.

**АФАНАСЬЕВА Юлия Юрьевна,  
ФУРСОВА Елена Федоровна**

*Институт археологии и этнографии СО РАН,  
г. Новосибирск*

### ЭТНИЧЕСКИЙ КОСТЮМ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ОДЕЖДЕ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙАЛЬЯ\*

В эпоху глобализации важное значение приобретает порождения неотрадиционализма: реконструируемые этнические костюмы, жилище, культовые соору-

\* Работа ведется при поддержке РГНФ (проект № 10-01-00470а).

жения, предметы декоративно-прикладного искусства, в которые вкладываются знания и представления о традиционности, этнические стереотипы, политические взгляды организаторов. Исследование феноменов традиционализма и неотрадиционализма особенно важно сейчас, когда в мире появилось осознание того, что нет и не может быть универсальных рецептов *модернизации*, а насильственные меры могут привести к конфликту с органичным развитием общества, лишить его самостоятельности выбора. Проблема заключается в том, как традиционализм преподносится и переосмысливается сегодня, когда прервана эволюционная цепочка развития традиционной культуры. Источником для реставрации традиционности в культурных, региональных, конфессиональных и пр. сообществах и конкретных семьях является научная и популярная литература, членство в этнокультурных центрах, информация от людей старшего поколения. Иная ситуация наблюдается в изолированных группах. Например, в этнокультурной группе старообрядцев-семейских Забайкалья, несмотря на столетия гонений и проживания в инокультурном окружении, наблюдается высокая степень сохранности традиций, которые предполагается рассмотреть на примере женского семейского костюма. Виды и комплексы семейской одежды складывались на протяжении всей многовековой истории этой старообрядческой группы, и передавались из поколения в поколение, обеспечивая, таким образом, преемственность этнокультурной информации. Более того, почти в каждом селе, а тем более районе еще сейчас сохраняются свои особенности внешнего облика, конструкции и декорирования костюма. Сравнительно-историческое исследование такой составной части традиционной культуры, как традиционно-бытовая одежда, позволяет прояснить вопросы истоков формирования этнографической группы семейских, выявить этнокультурное разнообразие забайкальского старообрядчества, проследить трансформации под влиянием культурного пространства первичных и вторичных мест проживания (Русский Север, Белоруссия и пр.).

**БАКИЕВА Гульсифа Такиюллоевна**

*Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень*

### **ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У СИБИРСКИХ ТАТАР В НАЧАЛЕ ХХІ в.**

В 2000–2010 гг. под руководством автора данного доклада проводились полевые исследования в местах компактного проживания тоболо-иртышских татар – в Тобольском, Вагайском, Тюменском, Ялуторовском и Ярковском районах Тюменской области. Целью исследования было изучение этнокультурных процессов, происходящих в среде сибирских татар региона. После обобщения и анализа полученных материалов были сделаны следующие выводы.

Политические и экономические проблемы двух последних десятилетий вызвали кризисные явления во всех сферах жизнедеятельности сибирско-татарского населения. Во многих селах и деревнях наблюдается

снижение рождаемости. Общий уровень воспроизводства населения в целом ниже среднего. Численность людей дорепродуктивного поколения почти во всех группах меньше численности людей репродуктивного. Отмечается определенный перекося в соотношении мужского и женского населения. В большинстве возрастных категорий преобладают женщины. В связи с приходом в упадок сельского хозяйства, наблюдается сокращение рабочих мест в сибирско-татарских селах и деревнях и отток трудоспособного населения в города. Уровень фактической безработицы среди экономически активного сибирско-татарского населения составляет не менее 30%.

Несмотря на политику ассимиляции и аккультурации, проводившуюся в Российской империи и в Советском Союзе, сибирские татары, тем не менее, сохранили до сегодняшнего дня свою этническую идентичность, язык, традиционную культуру. Сегодня для устранения негативных последствий социально-экономического кризиса в районах проживания тоболо-иртышских татар необходимы консолидированные усилия ученых и практических работников. Они должны быть ориентированы на сохранение культурного наследия сибирских татар. Ближайшими целями должны быть решение социально-экономических проблем, устранение явлений социально-культурной деградации и обеспечение приемлемых условий повседневной жизни.

**БУРКОВА Валентина Николаевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН*

*им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

### **ОБЫЧАИ ИЗБЕГАНИЯ И ТАБУИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА У ОСЕТИН: ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ**

Подобно многим другим народам Кавказа, у осетин существует ряд этикетных норм, предписывающих поведение людей в тех или иных ситуациях. Это касается также обычаев избегания и табуирования некоторых частей тела. В традиционной воинской культуре осетин существует довольно жесткий кодекс предписаний норм общения с противоположным полом – поведение мужчин и, в особенности, женщин тщательно и строго регламентировалось, что в частности проявлялось в запрете на обнажение некоторых частей тела, определенном стандарте одежды, избегании общения с некоторым кругом родственников.

В докладе будут представлены традиционные представления осетин о нормах поведения с противоположным полом – запрет на обнажение разных частей тела (и их возможность снятия этого запрета в определенных ситуациях), идеал внешности и поведения девушки-невесты в сравнении с замужней женщиной, наличие телесных контактов между полами, внутрисемейные обычаи избегания, кодекс поведения мужчины. Предполагается рассмотрение адаптивных функций подобных норм в традиционной культуре, их наличия и модификации у представителей современной городской культуры.



Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект «Кросс-культурный анализ социального пространства и механизмов регуляции социальной напряженности: от традиции к современности») и в рамках НИР «Пол и гендер в эволюционной и социокультурной перспективе».

**БУТОВСКАЯ Марина Львовна,  
БУРКОВА Валентина Николаевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

### **ЦЕРЕМОНИЯ ОЧИЩЕНИЯ «БОМЫ» ОТ ПОРЧИ У ДАТОГА – СКОТОВОДОВ СЕВЕРНОЙ ТАНЗАНИИ\***

В докладе будет описана церемония очищения «бомы» (подворья) от порчи у датоба – скотоводов Северной Танзании. Церемония относится к категории редких, и 76-летний хозяин «бомы», проводивший её, признался, что присутствует на ней третий раз в жизни. Церемония занимает 5 дней и состоит из нескольких этапов (подготовка, жертвоприношение, гашение всех очагов «бомы», разжигание нового «чистого» огня, окуривание всех людей и животных «бомы», обряды очищения помещений, размещение амулетов, препятствующих проникновению в «бому» злых сил). На протяжении всего срока доступ посторонним в «бому» запрещен. Обращает на себя внимание четкое соблюдение последовательности действий и распределение ролей участников. Церемония осуществляется хозяином «бомы» при активном участии одного из его братьев и старшего сына. Магические обряды совершаются специально призванным для этого магом. Вся церемония осуществляется взрослыми мужчинами, имеющими потомство. Вместе с тем именно замужние женщины-хозяйки дома получают от мага тлеющие угли для разжигания новых «чистых» очагов. По нашим данным, описанная церемония сохраняется неизменной на протяжении многих десятилетий и практически не подвержена влиянию модернизации. В докладе будут представлены фрагменты видео- и фотоматериалов, относящихся к данной церемонии.

**ВАРНАВСКИЙ Павел Кондратьевич**

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии  
СО РАН, г. Улан-Удэ*

### **«ИЗОБРЕТЕНИЕ» РОДСТВА: НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ БУРЯТ**

В общественном сознании населения современной Бурятии сложилось устойчивое мнение: родственные/этноклановые связи, являющиеся характер-

ной чертой бурятского этноса, оказывают заметное воздействие на социальную действительность в республике. Возможно ли утверждать, что в рассматриваемом контексте понятие «родства» становится одной из форм изобретения и последующей легитимации традиции, своего рода механизмом с помощью которого она (традиция) «укореняется» в социальной действительности и превращается в приемлемую/обычную систему социальных взаимодействий?

Проведенное исследование показывает, что родо-земляческая принадлежность среди бурят является весьма значимой социальной категорией. У них имеются социокультурные институты, позволяющие, во-первых, поддерживать групповую идентичность, во-вторых, использовать солидарность, возникающую на основе этой идентичности, в прагматических целях, в-третьих, включать в свою сеть «иных» акторов, обладающих доступом к тем или иным – как правило дефицитным – социальным ресурсам. При этом сами носители культуры интерпретируют этничность отнюдь не как лояльность ко всей этнической группе в целом, а как особую модель социального поведения – норму, которая предписывает выстраивать социальную коммуникацию преимущественно по линии родства.

Можно констатировать, что в Бурятии традиционная культура отнюдь не растворяется в современной социальной действительности, а, напротив, в процессе самых разнообразных социальных практик трансформируется и затем инкорпорируется в повседневность современного общества, оставаясь достаточно актуальным элементом, конституирующим формы ее организации. Это позволяет предполагать, что в социально-экономических и политических реалиях современного общества имеются некие системные обстоятельства и причины, способствующие сохранению определенных элементов традиционной социальности.

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект № 28.4.12 «Институт родо-земляческих отношений в культуре повседневности и социальных практиках современных бурят».

**ВЕЗНЕР Наталья Николаевна**

*Сибирский филиал Российского института культурологии,  
г. Омск*

### **ХОРЕОГРАФИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Традиционная хореография является одной из наиболее устойчивых форм культуры российских немцев, но в тоже время и она подвержена изменениям. В традиционный немецкий танец добавляются элементы из других народных, социальных и городских танцев. Изменяются не только композиции, но и музыкальное оформление танцев. Заимствуются целые композиции из старинных германских танцев. Такие танцы часто можно увидеть на сцене. Это происходит по той причине, что в современной жизни

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (№ 08-01-00015а), РФФИ (№ 10-06-00010-а) и Федеральной целевой программы Минобрнауки «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (№ 2010-1.2.1-102-022-20). Исследования проведены с разрешения Комиссии по науке и технике Танзании (COSTECH).

все реже представляется возможность исполнять национальные танцы в повседневном быту.

В настоящее время в среде российских немцев сложилось два вида народной хореографии: сценическая и бытовая. В быту продолжают исполняться народные танцы, сохранившиеся со времен массового переселения немцев на территорию России, такие как хопса-полька и вальс. В сценических вариантах появляются как новые сюжеты из смежных областей фольклора (сказки Братьев Гримм), так и авторские элементы танца (движения, положения рук), созданные профессиональными хореографами. Несомненно красочность и зрелищность привлекает зрителя, поэтому такие номера становятся любимы народом. Многие из них принимаются российскими немцами как традиционные. Часто берутся положения рук, некоторые движения, а иногда и целые композиции этих танцев. Таким образом, можно говорить о специфике хореографии российских немцев, в которой сочетаются как традиции, так и инновации.

**ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна,  
БУТОВСКАЯ Марина Львовна,  
КОНДРАТЬЕВА Анастасия Витальевна,  
ПРОСИКОВА Екатерина Андреевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНАЯ НИША  
ДЛЯ ЖЕНЩИН С МАКСУЛИННЫМ СТИЛЕМ  
ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ:  
БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ  
ПОКАЗАТЕЛИ УСПЕШНОСТИ  
НА ПРИМЕРЕ ДЕВУШЕК РОССИЙСКОЙ  
СБОРНОЙ ПО САМБО**

Важной чертой современной культуры следует считать сближение гендерных ролей. Это проявляется не только в сфере занятости, но и в повседневной моде на одежду, прически, косметические средства, интерсекс. Антропологи и медики сообщают также и о наметившихся тенденциях в сторону феминизации мужчин и маскулинизации женщин. В данном докладе будет показана одна из социальных ниш, в рамках которой девушки с маскулинными признаками добиваются жизненного успеха.

Проведенное сопоставление биологических и личностных параметров выявило наибольшую значимость соотношения обхвата талии к обхвату бедер в коррелятивных связях с личностными характеристиками. Девушки с мужественными пропорциями лица и тела характеризовались и более маскулиным поведением. Получен высокий показатель зависимости маскулинной составляющей поведения с оценкой тренера по степени агрессивности спортсменов (0,477), что подтверждает связь мужественных черт характера с повышением степени агрессивности. Девушки с наибольшим процентом побед имели более мужественную фигуру, обладали более высокой нижней челюстью, не были склонны к сотрудничеству и раскрепощенному поведению. Девушки, с успехом выступающие в соревнованиях, не склонны демон-

стрировать рискованное поведение в жизни. Эта же закономерность была отмечена в аналогичных предшествующих исследованиях, на представителях мужской сборной России по дзюдо (Бутовская и др., 2009). Лучшие спортсменки, по мнению тренера, обладали и максимальными показателями склонности к лидерству.

**ВОЛЖАНИНА Елена Александровна**

*Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень*

**ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ  
В КОЧЕВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ  
ПУРОВСКИХ ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ  
В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в.**

В докладе представлены результаты экспедиционных исследований, проводившихся в 2004–2009 гг. на территории проживания пуровских лесных ненцев. Современные характеристики традиционного хозяйства данной этнографической группы и анализ демографической ситуации в их среде свидетельствуют о том, что сложившиеся взаимоотношения коренного населения с предприятиями нефтегазового комплекса помогают им адаптироваться к новым условиям промышленного освоения, расширяя доступ к техническим достижениям, улучшая условия труда и быта. Кочевое хозяйство представляет синтез традиционных и новых черт, приобретенных в результате взаимодействия с хозяйственными структурами и промышленными компаниями, осуществляющими разработку нефтегазовых месторождений на территориях их проживания. В результате наблюдается высокий уровень занятости в традиционных отраслях хозяйства, интерес к ним со стороны молодежи, отсутствие маргинальных групп, положительные демографические характеристики. Вместе с тем произошла существенная трансформация традиционного кочевого образа жизни и связанных с ним представлений, подтверждая гибкость ненецкой культуры и ее способность к быстрым переменам, сохраняя при этом свою этническую специфику. В первом десятилетии XXI в. для пуровских лесных ненцев характерны полуседлый и оседлый образ жизни, сокращение кочевых маршрутов, ведущая роль рыболовства в жизнеобеспечении, высокая доля безоленных и малооленных хозяйств, утрата некоторыми семьями оленеводческих навыков и техники с сокращением оленьего поголовья, использование новых видов транспорта и нетрадиционных материалов для строительства жилищ, пошива одежды, наличие двух типов жилищ: традиционного переносного (чум) и стационарного в поселках и т. д.

**ГАББАСОВ Сергей Марленович**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**СОБИРАТЕЛИ МЕГАПОЛИСОВ:  
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ  
НИЩЕНСТВА И ПОПРОШАЙНИЧЕСТВА**

Тема нищенства и попрошайничества является малопопулярной и малоизученной. Лишь в недавнее

время исследованием этой темы стали заниматься на научном уровне, до этого были преимущественно журналистские репортажи, часто сомнительного и иногда провокационного содержания.

До сих пор неясными остаются корни нищенства и попрошайничества. Существуют различные, часто диаметрально противоположные теории относительно происхождения данного феномена. С одной стороны, нищенство сводят к последствиям развития общества, ставя его на верх стратиграфической пирамиды социальной классификации. С другой стороны, нищенство считают рудиментом ХКТ охотников и собирателей, где принцип дележа добычи или любого другого имущества между родственниками и членами одной группы является одной из главных черт. Непонятно, представляют ли из себя нищие последствия отхода общества от традиций взаимопомощи или же несут в себе глубинную установку дележа имущества с охотничье-собирательских времен.

В ходе доклада будут рассмотрены основные теории возникновения нищенства и попрошайничества, а также приведен материал полевых исследований функционирования различных моделей нищенства и попрошайничества среди среднеазиатских и российских цыган (и некоторых других групп) и уличных музыкантов и сделана попытка соотнесения теорий с полученными в ходе исследований результатами.

**ГРИЦЕНКО Валентина Васильевна,  
МОЛЧАНОВА Наталья Владимировна**

*Смоленский гуманитарный университет, г. Смоленск*

#### **КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ\***

Содержание и характер формирования профессиональной идентичности определяются многими факторами. Среди наиболее влиятельных можно назвать культуру, ее традиции, обычаи, нормы, ценности. Психологический подход к анализу культуры обычно связан с выделением таких характеристик культуры, как индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, дистанция власти, уровень избегания неопределенности. В докладе показано, что наибольшее влияние на содержание профессиональной идентичности студентов оказало такое измерение культурной вариативности, как индивидуализм/коллективизм. Так, чем больше выражена у респондентов ориентация на индивидуалистические цели, тем содержательнее представлен когнитивный компонент профессиональной идентичности: более четкие представления о требованиях профессии, о себе как профессионале и степени соответствия своих возможностей требованиям профессии.

Выявлены также тесные взаимосвязи индивидуализма/коллективизма с такими компонентами профессиональной идентичности, как ценностно-смысловой и мотивационно-потребностный: чем больше в созна-

нии респондентов представлены индивидуалистические тенденции, тем чаще в структуре мотивов профессиональной деятельности преобладают внутренние мотивы (стремление к наиболее полной самореализации именно в данной профессии, потребность в удовлетворении от самого процесса и результата работы, потребность в достижении и др.). И наоборот, чем выраженнее коллективистские установки, тем чаще профессиональную деятельность определяют внешние мотивы (стремление избежать критики, возможных наказаний со стороны руководителя или коллег, мотивы социального престижа, зарплаты и др.).

**ДРАМБЯН Михаил Игоревич**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
г. Москва*

#### **ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ГРУПП РАЗНОГО ВОЗРАСТА КАК АНАЛОГ ВОЗРАСТНЫХ КЛАССОВ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА**

Поведенческие стереотипы в культуре народов Нагорного Дагестана значительно различаются в зависимости от социального и половозрастного статуса. Принципиальное различие может быть обусловлено принадлежностью к разным возрастным группам. С известной степенью уверенности можно говорить о том, что такая дискретность в поведенческих моделях аналогична возрастным классам у ряда народов мира. Особенности культуры народов Нагорного Дагестана в том, что эти «классы» не имеют жесткой формализации.

Представляется позитивным опыт кросс-культурного анализа некоторых культурных аспектов в культурах народов Нагорного Дагестана и культуре нилотов и даготов (кочевников скотоводов северной Танзании).

**ДРОНОВА Дарья Алексеевна,  
БУТОВСКАЯ Марина Львовна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

#### **БРАЧНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ (ТАНЗАНИЯ, ДАР-ЭС-САЛАМ)\***

При выборе брачной пары индийцы следуют жестким правилам. Брак заключается в пределах эндогамной общности (касты или подкасты), но вне экзогамной группы (готры) – это обязательные условия традиционного индийского брака (Куценков 1983: 31). Нами было установлено, что традиционная система матримониальных отношений сохраняется и практикуется внутри индийской диаспоры Дар-ес-Салама и в наши дни. Большую роль при выборе партнера для брака играет религиозная община, которая является консолидирующим элементом в диаспоре.

\* Данное исследование ведется при финансовой поддержке РГНФ, проект №10-06-01302а/Б.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (№08-01-00015а) и в рамках НИР «Пол и гендер в эволюционной и социокультурной перспективе».

Сбор полевого материала был осуществлен в ходе экспедиционного выезда в Танзанию в августе-октябре 2010 года. Было собрано 235 анкет и записано более 30 интервью с представителями индийской диаспоры, произведены наблюдения и фотосъемка.

Результаты исследования показывают, что индийцы не заключают межэтнические браки с представителями как африканского, так и европейского населения, несмотря на то, что имеют много друзей и коллег из их числа. Наши данные свидетельствуют о том, что стратегии выбора брачного партнера представителями индийской диаспоры соответствуют эволюционным положениям и согласуются с теориями сексуальных стратегий (Simons 1979) и родительского вклада (Kenrick 1990; Trivers 1972), как и во многих других обществах (Бутовская, Смирнов 2003; Бутовская и др. 2008; Buss 1989, 1998; Mealey 2000). При этом, индийская культура вносит важные дополнительные критерии при выборе брачного партнера, например, кастовая и религиозная принадлежности.

**ЖАНТАСОВА Жанара Жексембаевна**

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск*

#### **ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ У КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)**

В этнопедагогической традиции казахов Омского Прииртышья важное значение имеет трудовое воспитание. Детство для казахов представляется подготовительным периодом, итогом которого должно стать овладение всеми навыками хозяйственной деятельности и становление полноценного помощника. В семьях детям прививают трудолюбие, ориентируют на посильное участие в бытоустройстве и народных ремеслах и промыслах. Воспитываются казахи в строгих правилах: от них требуют относиться к труду как к первой необходимости, понимать свой долг перед семьей, осознавать личную ответственность. С ранних лет ребенок считался трудоспособным. Традиционная модель воспитания отличалась неразделенностью мира детей и мира взрослых. Основой воспитания было подражание взрослым, четкое разделение обязанностей между мальчиками и девочками. Дети, наблюдая за повседневным трудом родителей, в игре воспроизводили поведение взрослых. Многие правила и нормы пришли из глубины веков, так как кочевой быт требовал соблюдения правил.

Основным источником для данной работы являются материалы этнографических экспедиций. Методика полевого исследования базировалась на непосредственном, включенном наблюдении и опросе. Сбор материалов производился методом тематического интервью. Для изучения форм воспитания и социализации детей, взаимоотношений с родителями автором данного исследования разработана программа. В ходе исследования было опрошено старшее поколение, младшие возрастные группы. При сборе ма-

териалов уделялось внимание и детям, как основным носителям собственной культуры. При работе с детьми использовались методы непосредственного и включенного наблюдения, применяемые для фиксации повседневного опыта детей.

**ЗЕТКИНА Ирина Александровна**

*Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск*

#### **ДЕТСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ**

Детство как целостный феномен культуры с собственными нормами, практиками, системой ценностей имеет определенную традицию изучения. Труды М. Мид, американская школа «Культура и личность», изучающая детство через социализацию и отношения к ребенку в разных культурных сообществах, а также работы отечественных педагогов Л. С. Выготского, К. Д. Ушинского, работы современных этнографов, историков, психологов (И. И. Белик, Н. Ф. Беляева, И. С. Кон, Д. И. Фельдштейн и др.) заложили методологический фундамент, представили фактологический материал для сравнительного анализа необходимого в раскрытии предложенной темы.

Изучение контента детства в пространстве традиционных культур Поволжья позволяет с позиций историко-культурологического анализа реализовать теорию межкультурного изучения детства на примере исторически соседствующих народов, относящихся к разным этноконфессиональным и языковым группам (мордва-мокша и –эрзя, марийцы, русские, татары, чуваша, удмурты). Принимая детство как «культуру в культуре», «индивидуальный акт рождения культуры» (А. Крёбер), мы пытаемся выявить механизмы интериоризации и закрепления культурных достижений народов на личностном уровне, проследить эволюционирование этих механизмов. Особое внимание нами уделяется восстановлению «образа детства» в традиционных культурах Поволжья.

Источниковой базой изучения проблемы выступают этнографические, архивные, фольклорные, археологические материалы XVIII – начала XX века, современные этнографические и фольклорные коллекции.

**КОЧКИНА Ирина Юрьевна**

*ГОУ ВПО Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск*

#### **ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ТРАДИЦИЙ ДОМАШНИХ РЕМЕСЛ И ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО АЛТАЯ (по материалам этнографических экспедиций 2000–2010 гг.)**

В традициях русского населения Степного Алтая можно отметить существование определенных закономерностей взаимосвязи исполнения музыкальных

произведений одного типа (размер песни, музыкальное строение, смысловая нагрузка текста и т. д.) за занятием определенным видом декоративно-прикладного искусства (вышивка, ткачество, плетение из прутьев и древесной коры).

Определяющим являлся процесс производства, под который напевались те или иные песни, песенные вариации, мелодии, образуя систему гармоничного рабочего процесса, созвучного с трудом и трудовыми песнями. Это песенное творчество можно назвать трудовыми песнями. Однако вместе с этим, нужно учитывать, что под категорию так называемых «трудовых песен» попадают и лирические, и любовные, и игровые и т. д. Потому определение таких песен как «трудовые» возможно лишь применительно к процессу труда, а не определению их как отдельного жанра.

Собранный нами материал позволяет выделить особенности исполнения песен для рассматриваемой территории. Так, можно отметить существование внутрислоговых распевов, которые связаны между собой и нередко падают на середину слова, что способствует изменению ритмического рисунка – затормаживанию, паузам, «наездам», «подкатам» и т. п. Существуют сочетания сложных звуков: малой и большой секунд, малой и большой септим, параллелизм терций. Исполнение трех-четыrehолосное, манера исполнения своеобразная – исполнитель как бы давит звук, делая его приглушенным, но очень сильным, «столбовым». Позднее трансформация русского фольклора на данной территории, в целом, проявляется в упрощении мелодии, использовании все чаще двухголосной формы исполнения.

**КУПРИЯНОВ Павел Сергеевич**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклуххо-Маклая, г. Москва*

### **ТУРИЗМ И ТРАДИЦИЯ: ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРДЫНИ**

Чердынь, древнейший город северного Прикамья, столица летописной Перми Великой, центр уральского православия, расположен на севере Пермского края. Удаленность от промышленных и административных центров (300 км. до Перми) и транспортных путей (100 км. до Соликамска, ближайшей ж/д станции) сегодня является важным препятствием для успешного экономического развития региона, в том числе и туристической отрасли. В то же время, именно благодаря такому географическому положению Чердынь воспринимается как глубинка, не тронутая цивилизацией, что и привлекает туристов, большинство из которых приезжает сюда, чтобы прикоснуться к подлинному: настоящей провинции, девственной природе, истинной вере, живой истории. Между тем, культурная ситуация в Чердыни неоднозначна: с одной стороны, из-за неблагоприятных экономических

условий происходит отток местного населения, что приводит к угасанию народной традиции. С другой стороны, развитие туризма способствует поддержанию и воспроизводству разных культурных практик, прежде всего – традиционных, связанных с почитанием местных религиозных святынь, природных и мемориальных объектов. Наряду с активным распространением и популяризацией существующих легенд и преданий, связанных со значимыми локусами, персонажами и сюжетами местной истории, в туристической среде происходит также порождение новых верований, практик и текстов. Этот неоднозначный процесс возрождения / трансформации / конструирования традиции и является главным предметом доклада.

**ЛИПАТОВА Антонина Петровна**

*УФСКН России по Ульяновской области, г. Ульяновск*

### **НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЯВЛЕННЫМИ ИКОНАМИ: СРАВНЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ФОНДА XIX ВЕКА УЛЬЯНОВСКОГО ПРИСУРЬЯ**

В докладе предполагается рассмотреть особенности народно-религиозных представлений и практик, связанных с явленными иконами в Ульяновском Присурье. Задача сообщения – сравнение современного состояния религиозного фонда Присурья с религиозным фондом XIX века. В основе анализа – материалы Государственного архива Ульяновской области (второй половины XIX в. – начала XX в.); материалы, записанные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций УлГПУ (второй половины XX в. – начала XXI в.). Архивные документы, в которых содержится информация о явленных иконах, разделяются на три группы:

1. «Серия» дел, в которых фиксируются результаты «дознания», «расследования» о «якобы» явившихся иконах, проводимых Симбирской Духовной Консistorией. В делах приводятся рассказы очевидцев или непосредственных участников события чудесного обретения иконы на роднике. В делах-дознаниях о «якобы» явившихся иконах содержится официальная (церковная) точка зрения на чудесное происшествие. В делах-дознаниях сохранились многие этнографические факты, связанные с почитанием явленных икон (т. к. они имели силу доказательства по делу).

2. Ко второй группе материалов относятся сохраненные в описях Консistorии сведения об иконах, широко почитаемых в Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX в.

3. К третьей группе материалов относятся Церковные летописи сел.

Анализ разнородных архивных материалов и сопоставление их с современными полевыми данными позволяет определить соотношение традиции и инноваций в современном религиозном фонде Ульяновского Присурья.

**МАТЛИН Михаил Гершенович**

*Ульяновский государственный педагогический университет  
им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск*

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОБРЯДАХ  
ПОСЛЕСВАДЕБНОГО ЦИКЛА  
В РУССКОЙ СВАДЬБЕ XX в.:  
(на примере обряда «Поиски ярки»)**

Обряды послесвадебного цикла остаются одними из наименее изученных до настоящего времени. Положение усугубляется двумя обстоятельствами. Во-первых, в XIX веке в силу ряда причин эти обряды почти не публиковались. Во-вторых, фольклористы и этнографы советской эпохи крайне редко фиксировали живую обрядовую деревенскую и городскую свадебную практику и еще более редкими были публикации этих материалов. А между тем отдельные записи XIX века показывают, что второй день русской свадьбы был весьма насыщен празднично-обрядовыми формами – акциональными, вербальными и музыкальными, обладавшими ярко выраженной смехо-эротической доминантой. Все они получили дальнейшее развитие в XX веке.

Одним из наиболее ярких обрядов послесвадебного цикла в Среднем Поволжье является обряд «Поиски ярки», получивший особенно бурное развитие в послевоенные годы и остающийся живым и ярким и в настоящее время в русских, мордовских и отчасти чувашских селах Ульяновской области, районных центрах, городах областного подчинения и даже областном центре. На его примере можно проследить, разные формы адаптации и трансформации традиции в условиях быстрых социально-культурных изменений в сельской местности и провинциальных городах во второй половине XX в., что, в свою очередь, позволяет сделать некоторые выводы об общих закономерностях развития свадебной традиции в указанный период.

**МАХОВА Людмила Петровна**

*Московская государственная консерватория  
им. П. И. Чайковского, г. Москва*

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ  
В ТРОИЦКОЙ ОБРЯДНОСТИ  
СТАРООБРЯДЦЕВ-«ПОЛЯКОВ» АЛТАЯ**

Традиции и инновации в троицкой обрядности старообрядцев-«поляков» рассматриваются на основе архивных полевых этнографических материалов и на полевых записях автора, осуществленных в 2004 г. Доклад посвящен описанию динамики развития локального варианта самого важного летнего праздника – Троицы, завершавшего сезон вождения хороводов.

Основными особенностями традиционной версии праздника в прошлом являлись:

1) двухчастность цикла: троицкая родительская суббота (канун Троицы) – Троица (воскресенье); 2) закрепление за определенной половозрастной группой – «девичий праздник» (ритуальные обходы дворов с на-

ряженной березкой совершали только девушки); 3) смешанный характер троицких хороводов, которые водили через всю деревню по улицам или «на полянке» – в определенном месте села, где происходят игрища, на которые собирается деревенская молодежь, парни и девушки; 4) неучастие замужних женщин в праздничном шествии с песнями; 5) «отпевание березки», которое совершалось в Троицу на закате.

Для современных версий обряда характерны: 1) полное сохранение поминальных обычаев как самой Троицы, так и родительской субботы, в которую по обычаю разрешается почтить память совершивших великий грех – самоубийство, так называемых «удавленников», «утопленников» и 2) смена половозрастной группы: Троица празднуется «одной кашей» (в складчину) замужними женщинами или семьями по очереди друг у друга аналогично другим праздникам календарного цикла; особое значение приобретают соседско-родственные отношения.

Метод включенного наблюдения позволил зафиксировать обряд «отпевания березки» и выявить особенности функционирования в нем разных жанров фольклора (хороводных песен, песен литературного происхождения, причитаний), сцепление сюжетов которых происходит в сознании носителей традиции на уровне смысла текстов, связанных с образами «утонет» и «река».

**МОРОЗОВ Игорь Алексеевич**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ  
В СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ  
СРЕДЕ: СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ  
И АДАПТАЦИИ**

В докладе предполагается рассмотреть различные современные городские и сельские практики, имеющие параллели в традиционном быту. Основной целью доклада является анализ способов трансформации и адаптации традиционных практик в современной среде, степень их зависимости от актуальных экономических, социокультурных и политических обстоятельств. При этом будут рассмотрены примеры как повседневных, так и празднично-игровых практик разного типа: от оформления интерьера и придомового пространства до устройства застолья и семейных и общественных праздников. На примере застолья будет продемонстрировано, как изменяется его состав и способы устройства под воздействием различных социокультурных факторов – экономических и идеологических (включая воздействие современных массмедиа и рекламы).

Докладчиком будут рассмотрены современные способы организации личного и общественного пространства, использование традиционных локусов в современных повседневных, праздничных и обрядовых практиках. Особое внимание будет уделено случаям использования в такого рода практиках традиционных предметно-символических кодов.

**НИЗАМОВА Лилия Равильевна**

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,  
г. Казань*

### **ДИЛЕММА ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА**

Этнокультурное многообразие и воспроизводство самобытности народов в российском обществе актуализируют интерес к потенциалу идеологии и политики мультикультурализма. Вместе с тем, эссенциалистская концепция культуры, лежащая в основании теоретического фундамента многокультурности и практических решений по ее воплощению, считается проблематичной. В ее рамках культура как система разделяемых людьми символов и ценностей, стандартов мышления и поведения становится статичной, приобретает детерминистский и холистический характер. Сопряженная с эссенциализмом субстантивистская перспектива трактует этнические группы, меньшинства, нации как органические и гомогенные коллективы людей с ясно установленным членством и четкими границами. Подобная трактовка этнических культур игнорирует их изменчивость, вариативность и подвижность, недооценивает значение внутригрупповых различий и межгруппового схождения, оказывается не способной признать активность и рефлексивность действий социальных агентов – членов этнических сообществ. Уход от эссенциалистского понимания культуры не означает отказа от демократического мультикультурализма, предполагающего социально приемлемый баланс традиционного и современного, наследуемого и приобретаемого, самобытного и универсального. Сегодня этничность не может мыслиться исключительно как воспроизводство стародавних практик, в целом «архаического» или традиционного, т. к. нередко служит инструментом достижения актуальных социальных целей и средством мобилизации в эпоху глобализации. Этничность – это также и производство «настоящего» – новаторский процесс построения культурных форм и отношений современности (и постсовременности).

**НОСЕНКО-ШТЕЙН Елена Эдуардовна**

*Институт востоковедения РАН, г. Москва*

### **«СВЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ» РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ: ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ ИЛИ ИЗОБРЕТЕНИЕ БУДУЩЕГО?**

Доклад посвящен культурной преемственности и инновациям у различных поколений современных российских евреев. Он основан на полевых материалах автора (250 глубинных интервью), собранных в нескольких городах и результатах социологических опросов. Данные многолетнего исследования доказывают, что у российских евреев в наши дни имеется существенный разрыв в передаче культурных традиций от поколения к поколению. Он стал результатом антирелигиозной пропаганды советских времен, огромных людских потерь в годы Великой Отечественной вой-

ны и Холокоста, массовой эмиграции 1990-х гг. и ассимиляции. Остаточные знания о восточноевропейской еврейской традиции (идиш, кухня, музыка и пр.) сохраняет пожилое поколение, которое обычно не привержено религии. Люди еврейского происхождения средних лет (в основном это потомки смешанных браков) в массе своей не сохраняют и этих остаточных традиций. Однако за последние 10–15 лет среди российской еврейской молодежи наблюдается «всплеск» своего рода неотрадиционализма. Он во многом базируется на основах иудаизма, но при этом вобрал в себя многие современные символы и ценности. Такой неотрадиционализм – своего рода «светская религия», разновидность светского мировоззрения – включает в себя религиозные и светские верования и практики. Автор стремится выявить основные характеристики «светской религии», формирующиеся у еврейской молодежи России, а также показать перспективы такой «изобретенной» религии.

**НОСКОВА Хелена**

*Институт современной истории Академии наук  
Чешской Республики, г. Прага (Чехия)*

### **ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ЧЕХИИ**

Целью доклада является ознакомление с историей и современностью этнических меньшинств в Чешской республике, характеристика национальной политики по отношению к этническим меньшинствам Чехословакии в прошлом и Чешской республики в современный период. В 1918 г. возникла Чехословакия как национальное государство с 30% национальных меньшинств, сосредоточенных в пограничных регионах. В период до Первой мировой войны национальные меньшинства имели широкие культурные и политические права: свои школы, культурные общества, политические партии. 1945–1950 гг. стали ключевым периодом, в течение которого на территории Чехословакии осталось лишь 12% населения, относящегося к национальным меньшинствам. В настоящее время на территории ЧР, прежде всего в пограничных регионах, живет 6% жителей, причисляющихся к этническим меньшинствам. Эти районы отличаются поликультурностью, в них проживают словаки, венгры, немцы, греки, поляки, украинцы, цыгане, русины, русские, а также группы реэмигрантов, например чехи из Волыни, Польши, чья культура за период после 1945 г. претерпела множество инноваций, а после 1989 года в этих группах был отмечен подъем неотрадиционализма и национализма. Особое внимание в докладе будет уделено инновациям календарной обрядности исследуемых групп, к которым можно отнести традицию празднования Хеллоуина, Прощеного воскресения, концерты Святой Сесилии, обходы со Святым Николаем и т. д., а также новшеством в обрядах сезонного цикла и их влиянию на жизнь деревни, городка, города.

**ПЕТРОВА Анна Александровна**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
г. Москва*

### **ТРАДИЦИИ «ПОХАБСТВА» В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ**

В докладе будет предпринята попытка типологического сопоставления «перформативного поведения» художников российского акционизма (1990–2010) со знаковым поведением, известным в «традиционной» культуре: поведением шаманов, шутов, трикстеров, юродивых, клоунов, фриков. Йозеф Бойс называл себя шаманом, Герман Нитч сравнил искусство с религией, а художника – со священником, совершающим ритуал жертвоприношения. Материалом нашего сообщения станут перформансы и акции российских художников: Олега Кулика, Александра Бренера, Владислава Мамышева-Монро, Анатолия Осмоловского, Авдея Тер-Оганьяна, Олега Мавромати, Андрея Бартенева и других. Во многих их акциях отчетливо выделяются признаки демонстративного поведения – «юродства» (поза, лицемерие, обвинение, провокация, разнузданность, похабство, телесные эксперименты), черты «трикстера» (ряженье, смена гендерных ролей, озорство, хулиганство, похоть), «шамана» (заклинания, «контакты» со смертью, духами, сверхъестественными силами) и шута (высмеивание, сатира, клоунада).

**ПОПЕЙ-ООЛ Саида Кууларовна**

*Академия Гражданской защиты, г. Химки*

### **КРИЗИСЫ И КАТАСТРОФЫ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФЕНОМЕН РОССИИ**

Россия – страна, пережившая и переживающая множество кризисов. И один из них – социокультурный. Он свидетельствует как об исчерпании возможностей саморазвития общества в определенном качестве, так и об отсутствии целостности социокультурного пространства. Если Европа после кризиса вырабатывала новый тип исторического мышления, художественного восприятия мира, а Восток возрождал лучшие традиции и ценности прошлого, то России уготована судьба совмещения этих двух типов модернизации. Что приводит к реформам и контрреформам.

Формирование системного кризиса в России произошло в период с 1600 по 1700 г. Реформы Петра I сделали Россию сверхдержавой по западному образцу. Отсутствие культурной целостности из-за веяний с Запада вносят в российскую действительность разочарование и апатию: восстание декабристов и его подавление. В период с 1825 по 1855 г. Россия, сильнейшая в Европе, стоит на грани экономической катастрофы. 1855–1900 г. были эпохой российских реформ и контрреформ. А 1900–1920 г. – эпохой катастроф. Они в чем-то схожи с событиями 1605 г.

Новый век принес новые реформы и контрреформы. 1920–1945 г. могли кончиться очередной катастрофой: НЭП и «опричнина» 1934–1941 гг. Но, как и в

1812 г., народ не дал случиться национальной катастрофе 1941–1942 г. Победа во Второй Мировой войне сделала Россию новой сверхдержавой. Эпоха 1945–1990 г. повторила особенности развития страны 1815–1855 г.

Может нам стоит подумать о социокультурной целостности, о доминировании российского идеала государственного обустройства в России, а не западного (как происходит в реальности). Так мы сможем обрести социокультурную целостность и покончить с периодами реформ и контрреформ.

**ПОПОВА Ирина Степановна**

*Санкт-Петербургская государственная консерватория  
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

### **СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КАНОН**

Предметом внимания автора доклада является область взаимодействия устного и письменного компонентов фольклорной традиции на примере явления этноотирования вокальной и инструментальной музыки. Комплекс фактов, подлежащих изучению, включает в себя аутентичные формы записи музыкальных явлений, осуществленные носителями традиции вне пятилинейной нотации. В центре внимания автора работы оказывается личность создателя той или иной системы записи народной музыки, действующая в рамках устоявшегося этнокультурного художественного канона.

В основу доклада положен обширный свод музыкально-этнографических данных о способах этноотирования, собранных по авторской методике в различных регионах России и за рубежом от различных категорий информантов, представляющих различные социальные и поло-возрастные страты современного общества.

**РАКОВА Любовь Васильевна**

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора  
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

### **СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ (на материалах Гродненской области)**

Проблема этнической самоидентификации молодежи является актуальной. Этническое сознание как форма обыденного сознания актуализируется во взаимодействии с другими народами и выполняет функцию этнической идентификации и интеграции, становится мощным фактором развития наций и национальных отношений, сохранения этнокультурных ценностей. Осознание своей принадлежности к определенной этнической группе, отождествление себя с представителями своего этноса происходит через познание и овладение личностью этнической культуры, системы ценностей своей этнической общности. Этническое самосознание объективируется в языке, стереотипах поведения, национальных чертах



характера, религиозных верованиях, народных традициях, обрядах, проявляется в исторической памяти, интересе к своим корням и ценностям.

Важную роль в формировании этнического самосознания играет семья, традиции семейного воспитания. Самоидентификация начинается в детском возрасте, заметнее проявляется в пограничных районах республики, изучение которых все чаще становится задачей этнологов. В семье ребенок впервые начинает осознавать свою принадлежность к определенной этнической группе, отождествлять себя с представителями своего этноса, благодаря национальной идентичности отца, матери или обоих супругов, а также национальной адаптации, которой в немалой степени способствует использование белорусского языка, традиций воспитания, важнейшие из которых сохраняются в современной семье. Результаты исследования показали, что подавляющая часть молодежи Гродненщины мало использует белорусский язык в повседневном речевом поведении, что, однако, не ослабляет интерес к белорусской культуре и языку.

**СКОРОБОГАТАЯ Андриана Анатольевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН*

*им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

#### **КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЙ СЕПАРАТИЗМ**

В докладе будут изложены результаты кросскультурного исследования, выполненного при поддержке РГНФ (проект № 09-01-00408а), основной задачей которого было выявить и описать универсальные и специфические этнокультурные и социально-психологические факторы (базовые ценности культуры, этническую и гражданскую идентичность, субъективную оценку качества жизни и др.), а также их взаимосвязь с установками на сепаратизм. Исследования проводились в двух регионах – Абхазии и Крыму (Украина), имеющих как сходные, так и отличные варианты проявления сепаратистских тенденций. Преодоление кризиса идентичности порождает ряд следствий, которые могут быть предпосылками обострения межэтнической напряженности: возрождается интерес людей к объединению в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных), усиливаются традиционалистские настроения и ксенофобия (Паин, 2002). Рассмотрение того, как изменения этнической идентичности и ценностно-мотивационной сферы представителей традиционных культур сказываются на субъективной оценке качества жизни, является очень важным. Субъективная оценка качества жизни отражает восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они живут, в соответствии с их собственными целями, ожиданиями и стандартами (Урываев, 1998). В каждой культуре существуют доминирующие ценности-цели, определяемые самой культурой. Степень соответствия между индивидуальными целями и целями, одобряемыми в культуре, согласно модели С. Оайши

(см. Culture and subjective well-being, 2000), ведет к развитию позитивной самооценки индивида.

На основе результатов исследования были построены теоретические модели зарождения и функционирования негативных межэтнических установок и сепаратизма, а также предложены меры по их профилактике и улучшению социально-психологического климата в регионах с подобными проблемами.

**СЛЕПЦОВА (КЫЗЛАСОВА) Ирина Семеновна**

*Институт этнологии и антропологии РАН*

*им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

#### **«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ» (ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА СТАТУС ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ)**

Проблема «образ другого», «свой и чужой» – одна из ключевых в гуманитарных науках. Она неоднократно оказывалась предметом рассмотрения в этнографии (культурной антропологии) и истории повседневности, для которых прежде всего были важны этнокультурные, гендерные, социальные или политические контакты и т. п. Личностные взаимодействия и их роль в сложении образа «другого» затрагивались в этих исследованиях очень мало. В предлагаемом докладе сделана попытка охарактеризовать репрезентации образа «другого» в современном селе и личностные факторы, оказывающие влияние на его формирование.

В современном селе выделяются отдельные категории личностей, которые выполняют различные функции в сообществе и оказывают большое влияние на коммуникативные связи, структуру (создание микрогрупп), мировосприятие и поведенческие практики его членов. Среди них можно назвать: «помощник», «враг», «святой» («блаженный»), «монашка», «дурачок». Для них характерно нарушение стереотипов поведения, внешнего вида, речи, занятий и т. п., что приводит к осознанию отдельного индивида в качестве «иного». На конкретных примерах будут рассмотрены те индивидуальные характеристики, которые позволяют отнести ту или иную личность к категории «другой».

При выстраивании образа другого человека особое значение имеет позиция наблюдателя, склонность к рациональному или мифологическому объяснению мира. В настоящее время наблюдается большое влияние традиционных ментальных установок на формирование образа «другого».

**СУРВО Вера Викторовна**

*Университет Хельсинки, г. Хельсинки (Финляндия)*

#### **ЭТНИЧЕСКОЕ, ЛОКАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОБРАЗОВ ВЫШИВКИ КАРЕЛИИ**

С интенсивным развитием «этнического» и «деревенского» туризма, музейных и международных

культурных проектов в Карелии стала актуальной этнической тематика в прикладном искусстве, представляемой как «карельский брэнд». Карелия представляет собой своеобразный полигон этнокультурных контактов двух этнических миров – прибалтийско-финского и русского. Локальная и региональная специфика прослеживается во многих сферах культуры, в том числе и в декоре текстиля. В традиционном орнаменте вышивки карел, вепсов и русских концептуально-образные модели и композиционные схемы являлись общими. Система знаков народной вышивки оказывается весьма адаптивной к внешним воздействиям. Представления об этнической составляющей в области декоративно-прикладного искусства сегодня меняются в зависимости от социальных, функциональных, возрастных факторов. Нередко при сохранении стиля меняется смысловая интерпретация, происходит ремифологизация значений, придание орнаментальным композициям новых смыслов. В докладе рассматривается ряд аспектов, связанных с актуализацией образов традиционной вышивки Карелии в работах современных мастеров: ориентированность на прошлое, преемственность/утрата традиционных технологий, способы переработки традиционных орнаментальных композиций, поиск новых форм, «цитирование» старинных образов и придание им новых смыслов. В качестве примеров анализируются работы карельских и финских дизайнеров (материал из финляндской Карелии привлекается в сравнительном аспекте), «реплики» и «копии» ремесленников, созданные по старинным образцам. В частности, рассматривается продукция фабрики «Карельские узоры», переименование которой в 2006 г. интересным образом отражает динамику изменений, происходивших в отношении «пользователей» декоративно-прикладного искусства: на смену переименованиям локального уровня («Хашезерская вышивка», «Заонежская вышивка») пришло региональное «имя» «Карельские узоры», более рефлекслируемое туристической аудиторией и в целом горожанами.

**ТИТОВЕЦ Александр Викторович**

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора  
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

#### **БЕЛОРУССКАЯ КАЛЕНДАРНАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ**

Современная календарная и семейная обрядность белорусского народа на нынешнем этапе своего функционирования, в целом, сохраняют основные характерные особенности. Однако в силу своеобразия современной социокультурной ситуации наблюдается интересная тенденция к их упрощению. Как правило, остается только то, что зачастую имеет формальное содержание, в то время как традиционное содержание уходит на второй план. В зависимости от местной традиции и степени её живучести и сохранности формальные и содержательные уровни конкретного обря-

да могут сохраниться едва ли не в полном объёме. Например, в отдельных местностях Беларуси и поныне существует колядный обряд, который местные жители называют весьма необычно: «тащить Коляду на дуб» (в некоторых местностях вместо дуба могут фигурировать такие деревья, как берёза, сосна). Как ни удивительно, но существенное предметно-атрибутивное наполнение и психоэмоциональный фон (включая и общественно-коммуникативную сферу данного обряда) остались, по существу, неизменными. Данным обрядом в определенных местностях оканчивались Коляды. Свою живучесть и удивительно полную степень сохранности кое-где сохраняют весенние обряды Юровского, Троицкого циклов. Относительно семейной обрядности можно отметить следующее. Свадебная обрядность значительно упростилась по сравнению с традиционной формой её существования. Как правило, сохраняются формальные характеристики свадьбы, в то время как исконно присущее ей содержание утрачивается. Могут присутствовать все основные этапы свадьбы, но уже наполненные созвучным современности новым содержанием.

Необходимо отметить, что в современных социокультурных условиях календарная и семейная обрядность функционируют (с различной степенью сохранности), благодаря наличию в той или иной местности аутентичных фольклорно-этнографических коллективов. Такие коллективы пока ещё встречаются на просторах современной Беларуси. Однако их не так уж много. И это всё вместе свидетельствует о том, что традиционная народная культура «проживает» (или доживает) свою заключительную стадию функционирования в постиндустриальном обществе.

**ФЕДЕНОК Юлия Николаевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

#### **ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ДОМА: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Любая человеческая культура несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью. Эта модель мира воплощена в мифах, отражена в системе религиозных верований, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилищ. Вся «система представлений о внешнем мире проецируется на внутреннее пространство дома», то есть на его структуру и пространство [Байбурин 1983]. В то же время пространственная организация дома является и отражением социальных связей в пределах семьи. На представления о пространственной организации дома влияют пол, возраст, этническая и культурная принадлежность, окружения сверстников, средства массовой информации и многое другое [Бутовская и др., 2007; Холл 1991]. Они формируются у человека в процессе взросления и воспроизводятся во взрослой жизни чаще всего неосознанно.

Наше исследование проходило в г. Нерехте (Костромская область). Мы исследовали пространство «дома моей мечты» в представлении современных подростков (с использованием рисуночного метода Э. Холла) и традиционную пространственную организацию жилого помещения. Представления о пространственной организации дома («дома моей мечты») у современных подростков подвергаются сильному влиянию пропагандируемых масс-медиа западных ценностей и стереотипов «красивой жизни». Зачастую такие представления далеки от реальных условий проживания респондентов.

**ФРОЛОВА Ольга Евгеньевна**

*Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

### **ТРАДИЦИОННЫЕ НАРРАТИВЫ В СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ: ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ**

Анекдот, пословицу и загадку объединяет их ситуативность. Эти жанры рассматривают устройство мира дискретно, разбивая его на ситуации.

Функции пословицы определяются как директивные и регулятивные. Предлагаемая типология пословиц: тексты, а) отражающие ситуации с постоянными характеристиками качества; б) предписывающие поведение в зависимости или вне зависимости от

жизненного контекста; в) описывающие состояние ситуации и ее участников, не поддающейся изменениям. Два первых типа представляют собой центр жанрового поля, последний тип – его периферию.

Функция загадки – когнитивная. Анекдот выдвигает на первый план когнитивную и релаксирующую функции, совмещая характеристики пословицы и загадки. Центр пословичного жанрового пространства становится периферией жанра анекдота. Типология анекдота: а) законы, отражающие постоянные качества ситуаций, б) случаи, описывающие единичные события, в) сцены, разыгрываемые персонажами, г) толкования, объясняющие устройство мира, д) анекдот-хамелеон, воспроизводящий черты других жанров.

Законы и случаи соотносимы с первым и третьим типами пословиц. Толкования, построенные на вопросно-ответных единствах, демонстрируют сходство с загадками. Сцены и анекдоты-хамелеоны не имеют аналогов в паремиях.

Тесная связь регулятивных, директивных и когнитивных функций в пословице и загадке меняется в жанре анекдота. Выключение директивных и регулятивных функций объясняется тем, что познание устройства в данном жанре мира связано с его неприятием: осмеивая, анекдот позволяет вытеснить из сознания говорящего те стороны жизни, которые не поддаются изменению.

### Секция 3. ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЕ: ВАРИАТИВНЫЙ ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Руководители: д.и.н. Данилко Елена Сергеевна (Москва);  
д.филолог.н., проф. Кляус Владимир Леонидович (Москва);  
к.и.н., доц. Пригарин Александр Анатольевич (Одесса)

**АМОГОЛОНОВА Дарима Дашиевна**

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии  
СО РАН, г. Улан-Удэ*

#### ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ (на материалах Республики Бурятия)

Понятие *десекуляризация* представляется более адекватным термином для характеристики процессов религиозного возрождения в постсоветскую эпоху, чем, к примеру, понятие *де-атеизация* в смысле формирования религиозного сознания. Если согласиться с точкой зрения Г. Вайгеля о том, что коммунизм является светской религией с атеизмом в качестве одной из догм, то современное возвращение религии, инспирируемое лидерами современной России, в не меньшей степени, нежели в советские времена, связано с идеологическими установками, нацеленными на формирование новой национальной идеи.

Апеллирование к исторической и культурной памяти в условиях полиэтничности, часто конфликтной, неминуемо ведет к этнонационализации религии в условиях успешного внедрения в общественное сознание эссенциалистских установок об этнической территории. Религия, благодаря возможности номинальной аскрипции к ней, становится самым действенным маркером, во-первых, для обозначения группового пространства, а во-вторых, для групповой социализации. В результате, идеологическая заданность религиозного возрождения приводит к тому, что современная *десекуляризация* общественного сознания, в частности, в Бурятии, является результатом не сознательного выбора, а унаследованного от советского времени конформизма. Вместе с тем, существование для современного момента является наличием феномена *обратной связи* между идеологическими установками, предлагаемыми элитами разного уровня, и трансформациями, которым эти установки подвергаются на уровне индивидуальных и групповых практик. Постсоветская *десекуляризация* подразумевает в равной мере секуляризацию религиозных институтов в разных смыслах, попытки сближения государства и церкви и одухотворение жизни индивидов.

**АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна**

*Институт истории, археологии и этнографии народов  
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

#### КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКИХ В АМЕРИКЕ

Русское старообрядчество, возникнув в России в 60-х гг. XVII в., вскоре распространилась в другие регио-

ны Российской империи и страны Европы и Азии. Попав из России в Румынию, а оттуда в Турцию, с Алтая – в Сынцзян, с Дальнего Востока – в Маньчжурию, старообрядцы в 60-е гг. XX в. мигрировали в Южную и Северную Америку, сохранив за собой региональные названия – «турчане», «харбинцы», «сынцзянцы». Все прибывшие первоначально были беспоповцами часовенного согласия, но в 1980-х гг. часть из них приняла священство, что вызвало раскол в старообрядческих общинах и отразилось на социальной жизни старообрядцев. Наиболее компактные группы русских староверов проживают в настоящее время в штатах Орегон и Аляска США. В процессе межэтнических взаимодействий происходило как заимствование, так и отторжение отдельных элементов чужих культур в зависимости от степени их влияния на целостность старообрядческих традиций. Длительное пребывание русских староверов на американском континенте показало, что изменив в значительной степени свои традиции в культуре хозяйствования, они частично сохранили их в материальной культуре, семейном быту, языке. Сфера же религиозных воззрений осталась практически неизменной. Именно она в настоящее время служит цементирующей основой для сохранения русской культуры в иноэтническом окружении.

**АРТЕМОВА Ольга Юрьевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

#### АДОПЦИЯ ВМЕСТО АДАПТАЦИИ (ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОХОТНИКОВ/СОБИРАТЕЛЕЙ И ДОСТИЖЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА)

Доклад будет основан на полевых материалах, собранных в двух селениях аборигенов Австралии (Аурукун и Милингимби) в первое десятилетие XXI в. Селения сформировались вокруг христианских миссий, которые были созданы в первой части XX в. и существовали до 1970-х гг. Затем в них было организовано формальное самоуправление. Обширные территории вокруг селений поступили в распоряжение традиционных собственников – аборигенов, которые имеют наследственные права на них. До сих пор сохраняются отдельные семьи аборигенов, которые делят свою жизнь между «бушем» (дикой природой) и поселками.

То, что произошло со времени основания поселков, и результаты чего наблюдаются сегодня, можно определить следующим образом. Это не *адаптация* культуры бывших охотников и собирателей к англо-австралийской «мейнстримной» высокотехнологичной капиталистической культуре, а *адопция* или аб-

сорбирование отдельных ее элементов и технологических достижений в традиционную культуру при-сваивающей экономики при полном и сознательном игнорировании или *отторжении* наиболее существенных основополагающих качеств этой мейнстримной культуры. Это не сохранность традиций, а сохранение существенных, основополагающих черт культуры охотников и собирателей при *утрате* некоторых, имевших принципиальное значение, ее компонентов. Отсюда трагические следствия. Однако, в каждом из двух поселков сложились своеобразные, во многом несхожие ситуации. В докладе сказанное будет раскрыто на конкретном материале и сопровождаться фрагментами полевых видеосъемок.

#### АСТЭР Ирина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный институт  
психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург

### ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ МЕСТА И РОЛИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА В СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ

Расставшись с крупными земельными владениями и прибыльными коммерческими предприятиями, потеряв социальную притягательность для элитных общественных групп, русское православное монашество, тем не менее, стремится сегодня, обращаясь к истории, обосновать свою социокультурную значимость. Православным монахам не были свойственны формы активного вмешательства в жизнь государства, как это наблюдалось в монашеских орденах средневекового Запада. Существовала и определенная «поляризация» в социальной направленности мужских и женских монастырей в дореволюционный период. Насельники мужских монастырей стремились идти созерцательным путем, в то время как женские монастырские общины ориентировались на социальное служение. После принятия первой в истории социальной концепции РПЦ наблюдается унификация в деятельности женских и мужских монастырей, но исследование различных видов деятельности монастырей обнаружило дифференциацию современных монастырских сообществ в зависимости от доминирующего типа деятельности: молитвенный, социальный и хозяйственно-экономический. Автор пытается выявить тенденции развития православного монашества и выбор стратегии между альтернативными установками: интеграции в социокультурную сферу и отказа от интеграции.

#### ВАНДЫШЕВА Галина Александровна

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических  
связей, экономики и права, г. Санкт-Петербург

### СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ НОВОЛАДОЖСКОГО УЕЗДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ (ПЕТРОГРАДСКОЙ) ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв.

Взаимоотношения старообрядческого и православного населения оказывали значительное влияние на

социально-экономическую и культурную жизнь Новолadoжского уезда. Появление «раскольников» на территории уезда было зарегистрировано уже в конце XVII века. Имели место оба основных течения «раскола» – беспоповство (федосеевцы, филипповцы, поморское согласие) и поповство (в форме единоверия). По переписи 1897 г., число православных в нем составляло 64003 чел., а старообрядцев – 5591 чел.

Православная церковь в лице приходского духовенства активно вела миссионерскую деятельность. В 1901–1902 гг. в Новой Ладого существовало Братство во имя Святителя и чудотворца Николая. В метрических книгах сохранилось достаточно много записей о выходе из раскола и присоединении к православию. Однако старообрядчество сохраняло сильные позиции в регионе вплоть до атеистической кампании 1920-х гг.

Социально-культурные традиции старообрядчества формировали своеобразную культурную среду, не изолированную от православия. Некоторые сохранившиеся элементы этих традиций еще фиксируются среди потомков старообрядцев, проживающих в Волховском районе.

Источниковую базу доклада составляют метрические книги Новолadoжского уезда, материалы личных архивов старообрядческих семей, историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, материалы фондов Новолadoжского историко-краеведческого музея, Земской коллекции РНБ и т. д.

#### ВЕНГЕР Наталия Викторовна

Днепропетровский национальный университет,  
г. Днепропетровск (Украина)

### ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ ОБРАЗ ЭТНОКОНФЕССИИ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕННОНИТСКИХ ОБЩИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

В докладе используется понятие «образа (презентационного образа) этнической группы», который формируется в обществе под влиянием различных факторов. Меннонитские общины, которые эмигрировали на территорию Российской империи в результате колонизационного проекта XVIII – начала XIX вв. и проживали в компактно расположенных замкнутых аграрных поселениях, являлись носителями двух типов презентационного образа: прямого и опосредованного. Опосредованный образ (официальный имидж, который формируется некоторой влиятельной социальной группой или стратой и в готовом виде передается обществу) в нашем случае складывался в результате взаимодействия конфессии и структур, принимающих участие в организации процессов колонизации и дальнейшего мониторинга колоний (попечительных органов, чиновников профильных министерств). Он имел преимущественно позитивный характер, и конгрегации, признаваемые конфессией, имели льготные условия адаптации, экономического развития и сохранения идентичности.

Авторами «непосредственного образа» являлись сами меннониты. Этот образ формировался локально

в результате взаимодействия между представителями этноконфессии и населением соседних селений. Содержание образа варьировалось в диапазоне «позитив – негатив».

В условиях модернизационного стресса середины XIX столетия характер официального образа изменяется. Инициаторами изменений выступают власть, проводившая реформы унификации (1871, 1874 гг.), и российская интеллигенция. В обществе поднимаются вопросы социальной справедливости и правовой унификации, используются элементы «антиколониистской пропаганды», которая опирается, в том числе, и на негативные варианты «прямого образа» предшествующего периода. Меннониты, адаптируясь к новым условиям социального и экономического развития, активно работают и над формированием официального образа.

**ВИНОГРАДОВА Ольга Владимировна,  
МАЙОРОВ Роман Александрович**

*Российский новый университет, г. Москва*

#### **СТАРООБРЯДЦЫ-ПОПОВЦЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ БУДЖАКА И ПРИБАЛТИКИ)**

Доклад построен на материалах экспедиций и частных поездок авторов к русским старообрядцам-поповцам Буджака (Украина, Румыния) и Прибалтики (Латвия, Литва). Проводится анализ процесса адаптации старообрядцев к современным условиям жизни в странах Восточной Европы, где они являются этноконфессиональным меньшинством. При этом учитывается, что старообрядцы Прибалтики имеют беспоповские корни и большинство из них приняло священство недавно, старообрядцы же Буджака в основном являются потомственными поповцами. В докладе прослеживается, на какие уступки современному миру готовы идти старообрядцы, а что в их культуре остается неприкосновенным. Делается попытка сравнения «церковного» и «народного» осмысления происходящих изменений.

**ВОРОНЦОВ Владимир Степанович**

*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск*

#### **СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УДМУРТИИ**

После распада СССР Удмуртия, как и другие субъекты Российской Федерации, испытала значительные социально-политические трансформации, которые затронули и религиозную сферу. Это проявилось в многократном росте числа верующих, в появлении нетрадиционных для региона религиозных организаций, групп и деноминаций, исторически не укорененных, но активно претендующих на лидерство в духовной сфере.

Все эти факторы привели к тому, что религиозная жизнь в республике развивается достаточно противоречиво. Активизируя свою деятельность, религиоз-

ные объединения стремятся распространить свое влияние на все сферы общественной жизни, что усиливает конкуренцию между конфессиями, вызывает неоднозначную реакцию со стороны общества. Наглядный тому пример – дискуссии о введении в школах учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Вместе с тем, традиционные конфессии России накопили огромный опыт социальной деятельности, которая и будет проанализирована в настоящем сообщении.

**ДАНИЛКО Елена Сергеевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

#### **«НЕРУССКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО» И РУССКИЙ ЯЗЫК**

Изучение основных закономерностей распространения старообрядчества среди поволжских народов включает, не только социально-культурный, но и языковой аспект проблемы: каким образом обращение финно- или тюркоязычных групп к древнеславянской книжности и языку богослужения отражалось на их этнокультурной традиции, существовала ли взаимосвязь между принятием старообрядчества и ассимиляционными процессами, сохранением или утратой родного языка, а также соотношением различных уровней самосознания – этнического, религиозного и языкового. В настоящем докладе предполагается рассмотрение этих вопросов на материале полевых исследований среди мордвы, чувашей и двух групп коми-пермяков – язвинской и зюдинской, для воссоздания исторического контекста будут привлечены архивные источники и опубликованная литература.

**ЕФРЕМОВА Мария Викторовна**

*Государственный Университет –  
Высшая школа экономики, г. Москва*

#### **ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ УСТАНОВКАМИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ\***

Вопрос взаимосвязи культуры и общественного развития широко обсуждается в последние годы специалистами в области экономики, социологии, политологии, психологии. Большинство исследователей согласны с тем, что культура и общественное развитие находятся в сложных отношениях взаимного влияния и взаимного изменения. Одним из культурообразующих факторов, оказывающих влияние на экономику, является религия, которая на личностном уровне проявляется как религиозная идентичность.

\* Исследование выполнено при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» в рамках конкурса «Учитель-Ученики» 2010–2011 гг. (проект № 10-04-0014).

Религия оказывает влияние на культуру, что способствует значимости тех или иных ценностей в культуре, поэтому, на наш взгляд, будет интересным рассмотреть связь ценностей индивидуального уровня и религиозной идентичности с экономическими установками у представителей православия и ислама.

По результатам проведенного исследования, у студентов-христиан выраженность религиозной идентичности не связана с продуктивными экономическими установками, тогда как у студентов-мусульман такая связь обнаруживается, что обусловлено более ясными концептами исламской хозяйственной этики. У представителей обеих конфессий ценности «Самостоятельность» и «Достижение» взаимосвязаны с продуктивными экономическими установками и представлениями, а ценности «Традиция» и «Универсализм» – с непродуктивными. «Конформность» и «Власть» же носят амбивалентный характер у студентов-христиан, тогда как у студентов-мусульман данные ценности связаны исключительно с продуктивными экономическими установками и представлениями.

**КЛЯУС Владимир Леонидович**

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,  
г. Москва*

#### **ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕТИСОВ ТРЕХРЕЧЬЯ (КНР) В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ**

Русско-китайские метисы Трехречья (бассейна рек Ган, Хаул и Дербул, впадающих в Аргунь) после отъезда в конце 1950 – начале 1960 гг. из этого района в СССР и др. страны десятков тысяч русских представляют собой этническое меньшинство. Годы культурной революции, сложных отношений СССР и КНР значительно ухудшили социальное и культурное положение метисов, что выразилось в их причислении к китайскому суперэтносу, привело к значительной утрате языка (среди молодого поколения), трансформации бытового уклада, размыванию религиозного сознания и фольклорной традиции и т. д. Но несмотря на агрессивную атеистическую пропаганду в КНР в 1960–1990 гг., что выражалось по отношению к метисам в полнейшем запрете на свободу вероисповедания, уничтожении церквей и других символов христианства (икон, богослужебных книг, кладбищенских и поклонных крестов), они продолжали считать себя православными. Это стало решающим фактором для китайского правительства в начале XXI в. принять положительные решения относительно развития культурной автономии метисов, в том числе строительства храмовых сооружений в Трехречье. До сих пор потомки русско-китайских браков сохраняют свою идентичность и занимают важное место в этнокультурном облике и в экономике региона.

**КЛЯШЕВ Александр Николаевич**

*Институт этнологических исследований УНЦ РАН, г. Уфа*

#### **ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ НЕОПРОТЕСТАНТОВ БАШКОРТОСТАНА**

Трансформация конфессиональной идентичности населения Республики Башкортостан является частью общемирового процесса изменения религиозной структуры населения. Факторами, способствующими этому процессу, выступают изменение государственной политики от жёсткого государственного контроля до сотрудничества; утрата частью представителей тюркоязычных и восточнославянских народов этноконфессиональных традиций; открытость новым мировоззренческим системам, связанная с повышением уровня образования; национальный характер протестантизма и неопротестантизма, позиционирующих христианство как религию для всех народов; интеллектуализм этого направления христианства и разнообразный спектр вариантов осуществления религиозной жизни верующего; разнообразная социальная и благотворительная работа среди социальных групп риска и малоимущих. Адаптированность перечисленных видов деятельности к полиэтничному характеру региона совпадает с общим вектором функционирования неопротестантов на территории России.

**КОТЫЛЕВ Александр Юрьевич**

*Коми государственный педагогический институт,  
г. Сыктывкар*

#### **РОЛЬ ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РУСИ/РОССИИ В XIV–XVII вв.**

Пермская епархия возникла в конце XIV в. как результат реализации теознотологического учения, оформленного в русской культуре святителем Стефаном Пермским. Впервые в социокультурном пространстве Руси была сформулирована и воплощена на практике идея равноправия этносов (языков/земель). Миссионерский проект Стефана, включавший создание новой письменности и перевод книг на древнекоми язык, предполагал сохранение относительной самобытности и самостоятельности культуры Перми. Особый статус Пермской епархии обусловил ее роль в развитии коми этносов, активизации межкультурных взаимодействий народов Приуралья, создании новой конфигурации пространства Руси. Пермские владыки выступали посредниками в межэтнических и межгосударственных отношениях, пытались защищать интересы своей паствы. Пространство епархии стало ключевой опорой при движении русской цивилизации на восток и распространении ее влияния на новые народы. Даже после прекращения миссионерской деятельности и упразднения епархии, идеи и образы ее создателей продолжали оказывать влияние на культуру страны. В то же

время, начиная с XVI в., включение новых земель в состав русского государства начинает противоречить принципам, на которых создавалась Пермская епархия. На смену полиэтническому и монорелигиозному сообществу пришла иерархия империи, жестко подчинявшая себе этносы и религии.

**ЛЕПШОКОВА Зарина Хизировна**

*Государственный Университет – Высшая школа экономики,  
г. Москва*

### **СРАВНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОГО УРОВНЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ И МУСУЛЬМАНСКОЙ КОНФЕССИЙ)\***

Значимость тех или иных ценностей в различных культурах во многом определяется религией. В этой связи, в нашем исследовании мы попытались выявить различия в ценностях индивидуального уровня у представителей православия и ислама, используя методику Ш. Шварца.

Согласно Ш. Шварцу, главным содержательным аспектом, отделяющим ценности друг от друга, выступает тип мотивации. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в 10 различных комплексов (типов мотивации), имеющих общую цель: Самостоятельность, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм.

Сравнение ценностей индивидуального уровня между группами христиан и мусульман показало, что ценности «Конформность» и «Традиция» (блока «Сохранение») больше выражены в мусульманской выборке, чем в христианской. Полученные различия указывают на, что у представителей ислама большее значение имеют интересы их группы, что способствуют сохранению ее культуры и поддержанию внутригруппового согласия.

Значимость ценности «Гедонизм» выше у студентов-христиан, чем у студентов-мусульман. Здесь важно отметить, что социокультурная модернизация стимулирует рост значимости ценности «Гедонизм» и снижает ориентацию на ценности блока «Традиция». Соответственно, можно предположить, что это свидетельствуют о больших модернизационных изменениях в христианской культуре в целом.

**ЛИПИНСКИЙ Войтек**

*Институт этнологии и социальной антропологии  
Варшавского университета, г. Варшава (Польша)*

### **ПЕРЕМЕМЫ В РЕЛИГИОЗНОСТИ СТАРООБРЯДЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛ ЮГА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ)**

Старообрядцы всегда считались одной из наиболее замкнутых религиозных групп. История раскола,

последующие преследования и характерные представления о внешнем мире способствовали устойчивости традиционного уклада жизни и религиозных воззрений. Однако социальные трансформации, особенно в XX в., коснулись и старообрядцев. Политика советизации, идеология атеизма, связанная с вхождением Бессарабии в состав СССР (1940 и 1944 гг.), а также наступающая модернизация, привели к существенным изменениям в жизни старообрядцев-липован. Новшества коснулись даже консервативной религиозной сферы. Основываясь на полевых материалах, мы хотим представить основные тенденции и формы подобных трансформаций.

**ЛЫЮИС Давид Кристофер**

*Институт этнографических исследований,  
Юнаньский университет, г. Куньминг (Китай)*

### **ДРЕВНИЙ БОГ ИЛИ НОВЫЙ? ВЕРА В ХРИСТА У РАЗНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И КИТАЯ**

У представителей разных народов Сибири до сих пор сохраняется представление о христианстве, как об «иной религии» или «религии иностранцев», а они, как и их предки, поклоняются другому Богу. К примеру, у западных бурят существует предание о едином Боге, называемом «Огторго». Некоторые шаманы до сих пор произносят это имя Огторго в своих молитвах, хотя и обращаются при этом к другим божествам. В Китае также существовала вера в единого Бога Шан Ди (Shang Di: 上帝), которому императоры молились в Храме неба в Пекине. Сегодня как среди западных бурят, так и среди китайских христиан, наблюдается усиление интереса к древним верованиям, а христианство представляется у них новой своеобразной формой древней религии.

**ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Алексей Валентинович**

*Оренбургский государственный университет, г. Оренбург*

### **САКРАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВНЕРЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ**

В докладе анализируется конфессиональное пространство Оренбургской области. В качестве инновационного потенциала пространства рассматривается возможность создания на базе культовых объектов внеерелигиозных культурных ландшафтов. Ландшафты, в центре которых находятся монастыри, храмы, мечети, «святые источники», поклонные кресты и т. д., мы относим к сакральным. Именно эти культовые объекты являются системообразующими элементами сакральных ландшафтов. В докладе показано, что каждый конкретный сакральный ландшафт имеет свои структурные особенности, индивидуальные черты, семантическое наполнение, что происходит их плавный переход во внеерелигиозные культурные ландшафты. Эти ландшафты представляют собой территорию с оптимальным природопользованием, где природная составляющая ландшафта оберегается

\* Исследование выполнено при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» в рамках конкурса «Учитель–Ученики» 2010–2011 гг. (проект № 10-04-0014).



не только определенным материальным обустройством, но и нравственным сознанием населения, чувством уважения к сакральным местам. В докладе обосновывается, невозможность проведения четкой границы между сакральным и несакральным ландшафтами.

**МАКАРОВА Вероника Юрьевна**

*Санкт-Петербургская государственная консерватория  
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

### **К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВ: ИСПОВЕДЬ, ПРИЧАСТИЕ И СОБОРОВАНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ**

Предлагаемый доклад тематически соотносится с той предметной областью, которую Т. А. Бернштам предложила называть «церковной этнографией».

До последнего времени из семи церковных таинств, главным образом, лишь два из них привлекали к себе внимание антропологов: крещение и исповедь. Крещение традиционно рассматривалось в связи с институтом восприемников и как составная часть родино-крестильной обрядности; исповедь – почти исключительно как прогосударственная и дисциплинарная практика.

Предлагаемое выступление будет также посвящено исповеди и связанному с ней причастию (в том числе их предсмертной комбинации – так называемому *напутствованию*), а также соборованию. Однако в отличие от моих предшественников меня будут интересовать, прежде всего, специфика крестьянского отношения к церковной обрядности. Какие «народные» представления были связаны с указанными таинствами? Какие приметы, запреты и предписания их окружали? Какое место занимали те или иные таинства в иерархии таинств и треб? Можем ли мы на примере этих таинств говорить о процессах адаптации и др.?

**МУХАМЕТШИНА Наталья Семеновна**

*Самарский государственный архитектурно-строительный университет, г. Самара*

### **РЕГИОНАЛЬНАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ УММА: ВЕКТОРЫ ПЕРЕМЕН**

В докладе рассматривается современное состояние мусульманского сообщества Самарской области. Основное внимание уделяется факторам, под воздействием которых происходят количественные и качественные изменения региональной уммы. Анализируются следующие факторы:

- религиозный ренессанс российского общества, в том числе среди представителей народов, традиционно исповедующих ислам;
- изменение государственной политики в религиозной сфере, в том числе деятельность органов власти и местного самоуправления Самарской области по развитию сотрудничества с религиозными организациями;

– приток культурно отличимых (им)мигрантов из государств Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа, в том числе активное освоение (им)мигрантами территории и социального пространства Самарской области.

В итоге суммарного воздействия выделенных факторов изменения региональной мусульманской уммы происходят по следующим направлениям:

- увеличение численности прихожан, количества общин-махалля и мечетей;
- увеличение штата и изменение качественного состава мусульманских священнослужителей;
- развитие системы духовного образования и просвещения;
- развитие системы управления;
- развитие социальной деятельности и сотрудничества;
- изменение этнокультурного состава мусульманских общин-махалля;
- появление в мусульманской среде последователей нетрадиционного для региона ислама;
- использование религиозного ресурса в политике.

При подготовке доклада использованы статистические источники, материалы социологических и этнологических исследований, экспертные интервью с активистами мусульманских и национально-культурных организаций, газеты «Азан», «Салам», «Ислам нур», «Очаг», «Эне тил», «Ак жол».

**НИКИТИНА Серафима Евгеньевна**

*Институт языкознания РАН, г. Москва*

### **КОМПРОМИСС КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ**

При рассмотрении функционирования устной традиции в трех конфессиональных культурах – старообрядческой, духоборческой и молоканской – можно отметить разные виды и способы взаимодействия традиции и инновации. Конфессиональная традиция, включающая в себя в качестве ядра вероучение и богослужебные обряды, оказывает влияние на остальные традиции культуры, производя в них изменения, в частности, стимулируя инновации, необходимые для сохранения традиции конфессиональной. Так, некоторая часть духоборцев Грузии, переселившись в конце XX в. в Тульскую область, была вынуждена для сохранения богослужения учить псалмы по «Животной книге», изданной в начале XX века В. Г. Бонч-Бруевичем, хотя до этого традиция «твердить» псалмы была исключительно устной. Молодые молокане, переселившиеся в Тульскую область из Армении, начали осваивать богослужение, используя вместо трудных в музыкальном отношении псалмов духовные песни, ранее в богослужении не употреблявшиеся. В одном из сел Забайкалья старообрядцы на похоронах вместо забытого сложного обряда отпевания поют духовные стихи. И у старове-

ров, и у молокан во многих общинах женщины выполняют роль наставников или пресвитеров, нарушая тем самым установленные традицией правила. Во всех случаях усматривается компромисс, необходимый для согласования насущных конфессиональных или бытовых потребностей с правилами жизнеустройства конфессиональной группы. Для оправдания изменений в деталях богослужения или легитимации использования современных технических средств в быту лидеры конфессионального сообщества обращаются, как правило, к прецедентным религиозным текстам.

#### **ОСИПОВ Виктор Иванович**

*НП «Центр по изучению истории и культуры старообрядчества им. Ф. П. Морозовой», г. Боровск*

### **ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ В XX в. (НА ПРИМЕРЕ БОРОВСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ)**

Большую часть населения г. Боровска, находящегося в 90 км на юго-западе от Москвы, еще в начале XX века составляли старообрядцы. Здесь, в Пафнутьевом монастыре, во второй половине XVII в. находился в заточении идеолог старообрядчества протопоп Аввакум, были казнены боярыня Ф. П. Морозова и её сестра Е. П. Урусова. Жители Боровска не сразу приняли нововведения патриарха Никона. Но старообрядческая традиция сохранялась, несмотря на церковные репрессии и государственную политику, существенные трансформации произошли в ней уже в XX веке.

Современной молодежью, пробующей искать свои корни в старообрядчестве, привносится множество новых элементов, которые ранее не были свойственны старообрядческому сообществу (крестные ходы, почитание святых, преобладание на клиросах женщин и т. д.). Боровская община – яркий показатель того, как одни традиции старшего поколения изменяются под давлением внешних факторов и молодежных движений, а другие остаются неизменными.

#### **ПОДРЕЗОВА Светлана Викторовна**

*Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

### **«ПРЕПОДОБНЫЙ БАТЮШКА, ОТЧЕ НАШ МАТФЕЕ». О ПОЧИТАНИИ СВ. ПРП. МАТФЕЯ ЯРАНСКОГО ЧУДОТВОРЦА**

Канонизация Преподобного Матфея Яранского чудотворца состоялась в 1997 году. В г. Яранске Кировской области и его окрестностях параллельно функционируют и развиваются несколько самостоятельных традиций почитания этого святого: 1) официальная церковная, взявшая под свою юрисдикцию мирскую традицию почитания, и все более укрепляющаяся и расширяющая свои позиции. Во время мероприятий по канонизации был составлен акафист и житие Св. Прп. Матфея Яранского, на могиле святого была построена часовня – и таким образом его захоронение и

место почитания было локализовано официально; 2) традиция почитания в среде т.н. «истинных православных христиан» – людей, не принявших «советское» священство. Место почитания этой многочисленной группы имеет альтернативный тип локализации – крест, дерево и часть могилы рядом с часовней – именно они, в глазах представителей этой группы являются истинными святынями. 3) мирская традиция почитания – самая мобильная и находящаяся в стадии формирования. Она объединяет уже сложившиеся нормы почитания или создает свои путем заимствования из традиций почитания других местночтимых святых (например, появление записок, обращенных Матфею, и сложение духовных стихов корреспондируют с формой почитания Ксении Петербургской). Как «уживаются» между собой эти традиции, из чего складываются, какие используют формы почитания и какие применяют стратегии для обоснования истинности святыни – те вопросы, которые будут освещаться в предлагаемом сообщении.

#### **ПРИГАРИН Александр Анатольевич**

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, г. Одесса (Украина)*

### **«ИННОКЕНТЬЕВЦЫ» И «МУРАШКОВЦЫ»: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП**

Начало XX века стало «осевым временем» для возникновения и распространения целого ряда мистических религиозных движений среди народов России. Среди них можно назвать и последователей «св. Иннокентия» (в рамках официального православия) и «Евангельских христиан святых сионистов» (евангелисты-пятидесятники). Эти конфессиональные группы сформировались не столько за счет специфики догматических воззрений и ритуальной практики, сколько имели ярко выраженные этнические компоненты: молдавская (романская) направленность деятельности иннокентьевцев и украинно-белорусская – мурашковцев.

В докладе предпринята попытка сравнить этапы развития этих этноконфессиональных общностей минимального таксонометрического уровня (общины-группы) на протяжении XX в. Анализируется самобытность мировоззрения, в котором четко выделяется общность в эсхатологических взглядах и социально-утопической нормах организации. Прослеживается выразительность в социальных практиках – жизнь коммун в «подполье» в советское время. Особое внимание уделяется сакральным текстам (житие св. Иннокентия и устав, псалмы и др.) и их функционированию в данных общинах. Демонстрируется инновационный потенциал адаптации к условиям как атеизма, так и плюрализма.

На основе этого анализа рассматривается проблема воспроизводства традиции в элементарных общностях. Такой предметный подход позволяет четко выделить творческий потенциал в опыте генерализации и трансляции мистических воззрений.

**САВОСТЬЯНОВА Ольга Петровна**

*Государственный объединенный  
музей-заповедник «Коломенское», г. Москва*

**ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ КРЕСТЬЯН  
СТАРООБРЯДЦЕВ СЕЛА КОЛОМЕНСКОГО  
НАГАТИНСКОЙ (ЦАРИЦЫНСКОЙ) ВОЛОСТИ  
МОСКОВСКОГО УЕЗДА  
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.**

Дворцовое село Коломенское во второй половине XIX в. входило в состав Царицынской, а затем Нагатинской волостей. На протяжении этого периода село Коломенское было центром для местных старообрядцев-беглопоповцев, а деревня Новинки – старообрядцев-поповцев неокружников.

Религиозная принадлежность жителей села Коломенского определяла жизненный уклад, культуру, традиции коренных крестьян-старообрядцев и в частности отражалась в одежде. Эти особенности сохранялись вплоть до 60-х годов XX в. Источниками по изучению темы стали беседы со старообрядцами и членами их семей, фотографии из семейных архивов и чрезвычайно редкие сведения из архивных документов за период с 1880-х по 1910-е и позднее, до 1930-х гг.

**СЕЛЕЗНЕВА Ирина Александровна**

*Сибирский филиал Российского института  
культурологии, г. Омск*

**КНИГА В КУЛЬТУРЕ МУСУЛЬМАН СИБИРИ:  
ПОДДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИИ  
И ФАКТОР ИННОВАЦИИ**

В докладе рассматривается роль и значение книг в культуре мусульман Сибири (сибирских татар) на протяжении длительного исторического периода с точки зрения их магической, ритуальной, обрядовой, идентифицирующей функций, а также образовательной миссии. Особое внимание уделяется современному состоянию книжной традиции, которая является одним из каналов транслирования новых (не традиционных для мусульман Сибири) религиозных знаний и практик. Традиционные религиозные практики вступают в противоречие с новыми знаниями и перед населением встает проблема выбора между ними. В конечном итоге, следствием таких инноваций может стать изменение религиозной традиции в регионе.

**СЕМЕНОВА Валерия Николаевна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

**НА ПУТИ К СОВРЕМЕННОЙ ЭФИОПСКОЙ  
ЖИВОПИСИ: СВЕТСКАЯ КАРТИНА  
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.  
И ЕЁ ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА**

Эфиопская изобразительная (художественная) традиция конца XIX – начала XX вв. включает в себя как сакральную, так и светскую живопись. Ос-

новные сюжеты, иконография и композиционные принципы последней формируются под влиянием религиозной традиции христианской средневековой в историческом и культурном плане Эфиопии. Читаемый в изображении канон делает светскую картину доступной и понятной эфиопскому зрителю, включая её в оборот эфиопской традиционной культуры. Впоследствии эволюция религиозной и светской картины этого периода привела к возникновению «туристической» картины. В современной Эфиопии в условиях глобализации «туристическая» картина приобретает статус этнического и даже национального символа. Доклад иллюстрируется фотоизображениями икон из собрания МАЭ РАН (Кунсткамера).

**СЕРЕБРЯННИКОВА Наталья Ивановна**

*Международный гуманитарный университет,  
г. Одесса (Украина)*

**ИСТОЧНИКИ ЗНАНИЙ  
О РУССКИХ-СТАРООБРЯДЦАХ  
В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ  
(НА МАТЕРИАЛАХ ОДЕССЫ)**

Исследования русских-старообрядцев в современных экономических и культурных условиях становятся все более актуальными в последнее время. Полиэтнический и поликонфессиональный город, где такие исследования могут быть особенно интересными, предоставляет широкий диапазон источников знаний о различных народах. Но функционирование и передача их в урбанистической среде существенно отличается от традиционных моделей коммуникации. Эти знания формируются в большинстве случаев СМИ (чаще всего сюжетами и статьями, рассказывающими о неоязыческих общинах), рассказами друзей или знакомых, а также научной и учебной литературой. На примере представлений о русских-старообрядцах в г. Одессе в настоящем докладе будут рассмотрены основные характеристики специфической этноконфессиональной группы (религиозные и социальные), существующие в восприятии городских жителей.

**СЕРИН Павел Александрович**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

**ЖИЛИЩЕ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ  
(«ЛИПОВАН») РУМЫНИИ В XX–XXI вв.**

Доклад посвящен трансформационным процессам в жилищном строительстве русских старообрядцев-липован, проживающих компактными группами на территории южной Румынии (Добруджи). В XX в., насыщенном политическими, экономическими и социальными изменениями, трансформационные процессы в культуре русских старообрядцев усилились, что нашло отражение в их жилищном строительстве, терминологии, понятиях удобства, моды и достатка.

Планировка всех русских сел региона – уличная, традиционное положение жилого дома («хаты») – узкой торцевой стеной к улице. Усадьба («домовля») делится на три части: передний («чистый») двор, задний («скотный») двор, огород. Это основные черты липованских сел, сохранявшиеся почти неизменными до конца столетия.

Происходившие в XX–XXI вв. изменения можно разделить на несколько этапов, в течение которых усиливалось городское, румынское и общеевропейское влияние.

1. Первая половина XX в. (до 1950-х гг.). Жилище – «традиционное»: трехкамерная постройка из саманного кирпича под двускатной крышей, крытой камышом, земляной пол («зем»). Полный набор крестьянских хозяйственных построек.

2. 1950–1960-е гг. («коллективизация») – тенденция к многокамерности, проникновение новых строительных материалов, сохранение традиционных черт жилища, сокращение числа хозяйственных построек, уменьшение площади усадьбы.

3. 1970–1980-е гг. – появление двухэтажных («этажных») и «круглых» домов, более широкое использование новых строительных материалов, городской интерьер, «восточная» ориентация переднего угла.

4. 1990-е гг. XX в. – начало XXI в. – полная ориентация на городское коттеджное строительство и планировку земельного участка.

**СОКОЛОВА Анна Дмитриевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

### **ПОХОРОНЫ БЕЗ ПОКОЙНИКА: ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА У РУССКИХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

На протяжении XX века ряд факторов оказывал влияние на изменение семейной обрядности русских, в первую очередь – изменение социальной структуры населения и проводившаяся в СССР государственная кампания по разработке и внедрению новой социалистической обрядности. В этой ситуации похоронный обряд оказался самым консервативным в комплексе семейной обрядности. В сельской местности он в основном сохранил свою структуру до наших дней. Ситуация изменилась в последнее десятилетие. Вместе с общей тенденцией к централизации власти произошла централизация процедуры записи актов гражданского состояния, и в большинстве случаев эта функция была отчуждена у сельсоветов, что оказалось хорошим стимулом для развития похоронного бизнеса. Как выяснилось, эти, казалось бы, далекие от собственно похоронной обрядности факторы, оказались сильнее факторов, влиявших на семейную обрядность в прошедшем столетии, и под их воздействием похоронный обряд за несколько лет полностью изменил свою структуру. Доклад посвящен

анализу этого феномена на материале Селивановского и Меленковского районов Владимирской области.

**СТЕПАНОВ Владимир Юрьевич**

*ФГУ Российская государственная радиоккомпания  
«Голос России», г. Москва*

### **РАСЦВЕТ И ЗАКАТ БЕГИНОК: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УПАДКА УНИКАЛЬНОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

Автор доклада исследует причины возникновения, роста и упадка движения бегинок – полусветского-полумонашеского женского ордена, широко распространенного в Средние века на территории Западной Европы. Как своеобразный общественный статус членов ордена (нечто «среднее» между мирянкой и монахиней), так и новаторские для того времени мистически-богословские идеи бегинок поначалу вызывали конфликты при попытках нового движения интегрироваться как в традиционную-консервативную средневековую общественную структуру, так и в не менее строго иерархизированную структуру Католической Церкви. На протяжении всего XIV в. Католическая Церковь преследовала бегинок как еретичек. Преследования прекратились лишь в XV в. Тем не менее, именно на XIV в. приходится как наибольший рост и популярность движения бегинок, так и «золотой век» бегинского мистического богословия. Причины последовавшего затем упадка движения бегинок, по мнению автора доклада, следует искать в социально-экономической сфере, а также в переменах в господствующих в обществе умонастроениях, в результате которых популярность движения бегинок упала.

**ТЮРЕНЕВА Наталья Николаевна**

*Хакасский государственный университет  
им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан*

### **НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ ХАКАСОВ В НАЧАЛЕ XXI в.: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В условиях глобализации этнические религии испытывают серьезный прессинг со стороны массовой культуры, в то же время в национальных республиках отмечается всплеск интереса к религиозным корням, особенно в среде интеллигенции. В докладе будут рассмотрены, каким образом сложившиеся к настоящему времени формы религиозности (христианство) сосуществуют с более древними формами (шаманизм и тенгрианство), формируют этноконфессиональную идентичность населения Хакасии и определяют пути его социально-культурного развития в ценностном контексте.

**ХИЛАЗЕВА Гульдар Фаритовна**

*Институт социально-политических и правовых исследований  
АН Республики Башкортостан, г. Уфа*

### **УРОВЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

С конца 1980-х – начала 1990-х г., в условиях переходного состояния общества, стал расти уровень религиозности населения. Религиозность стала выступать одним из факторов, который способствовал более «мягкой» социально-психологической адаптации населения к сложившимся реалиям российского общества.

По данным социологического исследования, проведенного среди жителей Башкортостана в 2009 г., около 70% населения республики, считают себя верующими, из них только 10% указали, что соблюдают все религиозные обряды. Относят себя к мусульманству 42,6% всех верующих, к православию – 35,5%, к другим религиям – 3,3%. Надо отметить, что религиозность несколько выше у женщин, чем у мужчин.

Исследование не показало значительных различий между уровнем религиозности различных этнических групп.

**ЦЕРЕТЕЛИ Тамара Константиновна**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
г. Москва*

### **РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРЦЕВ ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ**

Горная восточная Грузия исторически характеризовалась тенденциями к самоизоляции в силу отдаленности от политических центров и труднодоступности региона. Восточно-грузинские горцы с трудом поддавались христианизации. Распространение новой религии шло путем наложения культа христианских святых на культы местных божеств, порождая религиозный синкретизм, до сих пор характерный для этого региона. Почти полное отсутствие христианских храмов и священнослужителей способствует сохранению этого своеобразного феномена.

**ШЕВЧЕНКО Юрий Юрьевич**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **ГОТСКАЯ МИТРОПОЛИЯ И ХРИСТИАНСТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

Наследие Готской державы – «королевства Германариха» на Юге Восточной Европы – явление, коснувшееся всего склада жизни обитателей этих громадных территорий. К предполагаемому территориальному континууму Лесостепного Подонья во время постготского и постгуннского господства ака-

циров – савилов, следует добавить Поволжье, где также имеются погребения данных периодов, условно называемые «княжескими». С другой – западной стороны – в ту же зону входит Днепровское Левобережье (с правобережной Киевской зоной), где во времена Готского союза располагалось «королевство Винитария», «примучившего антов». Гунны, освободившие антов от готской зависимости, после своего разгрома в 452 г. оставили антские территории под протекторатом болгар-савилов. О болгарском (гуннском) князе Алп-Илитвере, владевшем столь обширной территорией (от Днепра до Волги) и принявшем христианство в 682 г., сообщают источники [Артамонов 1962]. В Донском бассейне (Костомарово, Шмарное, Малые Дивы, Белогорье, Шатрище, Холки) и в Поднепровье (Китаево, Зверинец, Чернигов-Подол) зафиксированы девять пещерных христианских памятников, престол в которых примыкает к стене апсиды и предназначен для проведения литургии *перед престолом*. После введения правил Трулльского собора (692 г.), сделавшего обязательной службу *вокруг престола* в Двенадесятый праздник Благовещения престолы предназначенные для службы перед ними более не возводились.

**ШИЛОВ Николай Владимирович**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
г. Москва*

### **ТРАДИЦИОННЫЕ КОНФЕССИИ И НОВЫЕ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВИИ**

Процессы «религиозного ренессанса», охватившие российское общество в конце 1980-х – 1990-е гг., в полной мере затронули Республику Мордовия. Сегодня здесь зарегистрированы религиозные организации, представляющие 10 конфессий. Это Русская православная церковь, ислам суннитского толка, баптисты, иудаисты. Есть также адвентисты седьмого дня, пятидесятники, церковь Ингрии, евангельские христиане, свидетели Иеговы, кришнаиты. Отдельные граждане Мордовии исповедуют католицизм, ислам шиитского толка, христианство армяно-григорианской церкви, религию бахаи и даже неоязыческие культы.

Современная конфессиональная ситуация в Республике Мордовия характеризуется относительной стабильностью, весьма перспективным представляется развитие отношений социального партнерства государственных структур и традиционных конфессий (православия и ислама). В то же время, сохраняются сложные отношения между Саранской епархией РПЦ и протестантскими общинами, продолжается организационный раскол среди мусульман. Кроме того, на территории Мордовии была отмечена деятельность эмиссаров радикальных исламистских группировок. Данные факторы, безусловно, содержат в себе определенный деструктивный потенциал, хотя в настоящее время их проявления носят локальный характер.

## Секция 4. ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ: ИСТОЧНИК СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ ФОРМА ЛЕГИТИМАЦИИ ИННОВАЦИЙ?

Руководители: д.искусств., проф. Разлогов Кирилл Эмильевич (Москва);

к.и.н., доц. Васильев Алексей Григорьевич (Москва);

к.и.н. Щепанская Татьяна Борисовна (Санкт-Петербург)

### I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ – ПРОБЛЕМЫ – ПЕРСПЕКТИВЫ

**БЕЛКОВ Павел Львович**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

#### ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК»: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В области исторических наук (они же: гуманитарные, социальные, антропологические, культуроведческие) проблема дисциплинарного самоопределения заключается не только в их совместимости с понятием науки. История изначально противопоставлялась науке как знание, основанное на неких иных принципах, отличных от собственно научных. В наше время это представление стало формулироваться в терминах отличия описательного («квалитативного») знания от математизированного («квантитативного»). До сих пор в философско-научных трактатах социальные науки характеризуются как «недоразвитые» в отношении естественных или точных наук. Это мнение строится на утверждении, что социальные науки якобы постоянно подвергают отрицанию самые свои основы. Одним из наиболее ярких проявлений такого отрицания оказываются непрерывные пограничные войны и стремление к захвату чужих территорий. Каждая отдельная наука пытается интерпретировать (классифицировать) другие науки в качестве собственных субдисциплин, согласно некоторому методу исследования. Добровольный переход в чужое подданство (опять-таки, в обмен на «метод») – более редкий случай. Так или иначе, дисциплинарные границы часто случайным образом перематриваются. В этом контексте важно понять, как это вообще возможно? Откуда необычная для науки аморфность, противоречащая самому понятию дисциплины? Ответ заключается в отказе рассматривать вопросы выделения предмета исследования имярек науки и в переключении внимания на метод, под которым, в свою очередь, понимается нечто расплывчатое, близкое к «подходу», или «взгляду». При более точной формулировке понятия предмета исследования, задача разграничения гуманитарных наук становится логически осуществимой. Перечислим основные традиционные отрасли: антропология (физическая), археология, востоковедение, искусствоведение, (нарративная) история, история культуры, лингвистика, социология, филология, этнография (этнология).

**БОНДАРЕВ Алексей Владимирович**

*Российский государственный педагогический университет  
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

#### ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ СОПРЯЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ КАК «ПОРОЖДАЮЩАЯ СЕРДЦЕВИНА» КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Глобальные кризисы и радикальные изменения, охватывающие все сферы жизнедеятельности современных обществ, ведут к селекции и отмиранию прежних систем ценностей, смыслов, форм, явлений культуры, но одновременно происходит и порождение новых. Это в высшей степени актуализирует необходимость научного изучения фундаментальных закономерностей культурогенетических процессов и обновления способов регуляции социокультурных отношений, поскольку процессы *перманентного порождения и диалектического самовозобновления культуры* являются неотъемлемой составляющей человеческого бытия, охватывая все формы, смыслы и результаты человеческой деятельности. *Культурогенетические процессы*, с одной стороны, порождают культуру, а с другой, – связывают факты и явления культуры в единую цепь развития. Поэтому *генетика культуры* как суперорганическая (внебиологическая) программа матричного кода культурных процессов обуславливает не только *связность* культурных форм и явлений *по генезису* (происхождению), но и их *перманентное* в рамках локальных общностей *порождение*. Изучение процессов культурогенеза находится на пересечении исследовательских поисков целого ряда наук о культуре, являясь для них одной из узловых проблем.

В докладе проводится компаративный анализ культурогенетических концепций Э. С. Маркаряна, В. М. Массона и В. С. Бочкарёва, в рамках которых диалектическое сопряжение традиций и инноваций рассматривается как основной механизм и «порождающая сердцевина» культурогенеза.

**ВАСИЛЬЕВ Алексей Григорьевич**

*Российский институт культурологии, г. Москва*

#### «ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ» В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ: ИТОГИ ТРЕХ ДЕСЯТИЛИТИЙ

Доклад посвящен рассмотрению основных направлений рецепции и критики идей, высказанных в

опубликованном в 1983 г. сборнике статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиций», в современном социально-гуманитарном знании. Основное внимание уделяется оценке эвристического потенциала конструктивистско-презентистского подхода, предложенного авторами книги, для понимания сущности традиции и ее роли в процессах функционирования культуры и культурной динамики. Выявлено значение данной концепции для memory studies в контексте современных дискуссий о соотношении понятий традиции и культурной (социальной) памяти.

#### **ГАБДУЛГАФАРОВА Ильгиза Мухаметгалеевна**

*Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург*

#### **ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ**

В недрах народной жизни всегда живёт культура, впитавшая в себя многообразный опыт совместной жизнедеятельности людей. Культура, включающая фольклор, традиции, нравственные устои, производство и быт, политику и право, выражает всеобщность человеческого существования. Традиции в культуре народа имеют ярко выраженную специфику, являясь элементами культурного наследия. Выделяются социальные функции традиции: стабилизация форм и способов деятельности; закрепление разрозненного опыта людей в производстве материальных и культурных ценностей, передача социального опыта старшего поколения в разных сферах деятельности и общественной жизни, сохранение преемственности человеческой памяти и истории.

В условиях модернизации традиция рассматривалась как явление отмирающее, неспособное ни реально противиться современным формам жизни, ни существовать с ними. Традиционные явления культуры оценивались как рудимент, который должен был исчезнуть по мере возрастания активности модернизационных процессов. Традиция под напором сил современности не сдавала своих позиций, она обнаруживала значительные адаптивные способности, порождая специфические национальные формы модернизации. К. В. Чистов в журнале «Советская этнография» (1981, № 2) писал: «Термин «культура и традиция» в определённом теоретическом контексте синонимичны». Термин «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» – механизм его функционирования. Проще говоря, традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причём при помощи этой сети совершаются определённый отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся.

Задача сохранения культурного наследия стоит перед каждой живой культурой, поскольку она существует во времени и, следовательно, вынуждена противодействовать его всепожирающему влечению. Традиции являются нравственными корнями культуры, и, по мнению В. Швебеля, «традиции часто ведут народ надёжнее, чем его самые умные головы».

#### **ЛАВРЕНТЬЕВА Людмила Сергеевна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

#### **ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛЕДНИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)**

В своем рассказе «Блины» А. П. Чехов высказывает мысль, которая как представляется, очень удачно раскрывает одну из насущных сегодня проблем в этнографии:

«Поддаются времена и исчезают мало-помалу на Руси древние обычаи, одежды, песни; многое уже исчезло и имеет только исторический интерес, а между тем такая чепуха, как блины, занимает в современном российском репертуаре такое же прочное и насыщенное место, как и 1000 лет тому назад. Не видно конца им и в будущем...».

Понятно, что культура не может оставаться неизменной, поскольку по мере развития производительной деятельности людей и усложнения их взаимоотношений с природой оказывается недостаточно выработанного когда-то набора традиций, обеспечивающих жизнеспособность общества. Изменения вносят миграционные процессы, межэтнические отношения и т. п. Обязательно появляются новации, но, как бы не изменялась культура, она существует за счет устойчивых компонентов, передаваемых через поколения. Культура и традиции не исчезают до тех пор, пока существуют носители.

В различные кризисные периоды возникает «тенденция возрождения» традиционной культуры для установления нарушенного баланса. В некоторых случаях происходит переосмысление тех сторон народной культуры, которые не всегда целесообразны, полезны, оправданы практическим опытом, но, несмотря на это превращаются в новые ценности и входят в жизнь.

#### **ЛЫСЕНКО Олег Викторович**

*Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург*

#### **ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ В ЭТНОМУЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В данном контексте музей это инновация, а традиция – операционная модель, адаптационная реакция социума на изменения среды жизнедеятельности, при помощи которой поддерживается равновесие между центробежными тенденциями культуры и центростремительными цивилизациями. Традиция как механизм, обеспечивающий диалог между поколениями не позволяет универсальным тенденциям нивелировать пространство жизнедеятельности человека и в то же время утратить каналы коммуникации в многообразии форм культуры.

Культура никогда не уничтожает предшествующие формы, и механизм этого процесса состоит, в сущности, в том, что новые объекты входят в пространство культуры благодаря существованию предшествующих

форм, ставших компонентами их структуры. С этой точки зрения реконструкция является не только операцией по восстановлению исчезающих форм, но является неотъемлемой частью культуры, ее внутренним механизмом, обеспечивающим адаптационные процессы самоидентификации явлений культуры и человека в постоянно изменяющемся пространстве.

Музеологический текст также как и мифологический организован из осколков предшествующего социокультурного дискурса, он составлен из бессмысленных с точки зрения прагматики вещей. В музейной коллекции вещи начинают жить своей собственной жизнью, и нам приходится заново производить раскопки в поисках тех смыслов и значений, которые привели их на полки хранилищ. В этом отношении функция этнографического музея как феномена культуры и опыт научного исторического мышления обращаться к методам реконструкции явлений и событий, по сути, восходит к архаичным традициям ритуальных практик.

**ЛЬВОВА Элеонора Львовна**

*Томский государственный университет, г. Томск*

#### **ФЕНОМЕН ТРАДИЦИИ И «ПЕРЕЖИТКИ»**

Ответ на формулировку секционного заседания, равно как и обсуждение феномена традиции, лежит, возможно, в двуликой природе самой традиции. Блестящим подтверждением тому могут быть две семантические пары в русском и итальянском языках — «передать и предавать», *tradizione* и *tradimento* (традиция и предательство). Их несомненная близость заключается не только в этимологическом родстве в каждом случае, но и в близости смыслов, за ним стоящих. Любая традиция, сколь бы древней по происхождению она ни была, передаваясь от поколения к поколению, частично меняет свое содержание. Во всяком случае, возможность «изобретения традиции» всегда лежит на некоем архетипическом основании, и только живая повседневность, сегодняшняя ее востребованность либо воспроизводит ее как генеалогическую культурную память, либо служит легитимным оправданием явлений, которые, по тем или иным причинам культурное сообщество предпочитает обозначать как инновацию. Пережиточные явления в культуре, которые всегда соотносятся с традицией, как правило, воспринимаются как некие предрассудки, по каким-то причинам сохраняющие свое бытование. Но как не вспомнить замечательную строфу Е. Баратынского:

Предрассудок! Он обломок  
Древней правды. Храм упал.  
А руин его потомок  
Языка не разгадал.

Но потомки иногда восстанавливают храм и то, что некогда считалось пережитком, становится культурным достоянием современной традиции. И чем она в таком случае является — собственно традицией или инновацией?!

**РАЗИН Альберт Алексеевич**

*Институт человека при Удмуртском государственном университете, г. Ижевск*

#### **КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ**

Культура — это то, что способствует очеловечиванию человека, то, что возвышает человека. Культура возникает благодаря традиции, начинается с преемственности поколений, **почитания старших**. Если в общности нет традиции, нет и культуры.

Ш. А. Амонашвили утверждает, что «общечеловеческие ценности не существуют как абстракт, они проявляются как национальный дух, национальное самосознание, национальная культура. Всё национальное есть источник общечеловеческого». Культура — тот, кто является носителем той или иной этнической культуры.

В культуре есть как прогрессивные, так и регрессивные составляющие, и она не может обойтись без новаций и инноваций.

Новации и инновации улучшают культуру как стройную систему только при определенных условиях: а) если осуществлены в меру (скажем на 5%); если не эклектичны и соответствуют духу данной этнокультуры; б) если осуществлены самими носителями этнокультуры, а не кабинетными конструкторами-волюнтаристами; в) если новации и инновации не противоречат природе человека.

**СЕЛЕЗНЁВ Александр Геннадьевич**

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск*

#### **ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА**

В докладе обсуждается традиционная культура (ТК) (включая региональные языковые диалекты), как особый, самостоятельный социо-культурный феномен. Аргументируется положение о принципиальном отличии и несопоставимости ТК с этнической (национальной) культурой, включающей в себя, в качестве составной части, литературный язык.

ТК порождает специфические нормы социальной жизни, ментальности, поведения. Существенным свойством ТК является ее социальная и территориальная замкнутость, самодостаточность, локальность. Родовые и общинные связи в рамках ТК являются наиболее актуальными и значимыми. Способом существования ТК являются специфические социальные объекты — локальные культурные комплексы, культурные диалекты, ареалы и т.п.

ТК, во всяком случае, ментально, поведенчески пронизывает современную действительность, является ее органической составной частью. В таком качестве ТК предстает важнейшим фактором современных культурных идентичностей и политического дискурса.



Особый смысл приобретают интерпретации культурных явлений, возникших на границе двух типов культур: с одной стороны, ТК, – коллективной, существующей в форме локальных комплексов, или диалектов; с другой стороны, – культуры идеологизированной, этнически или даже над-этнически ориентированной. Примером такого рода культурного феномена могут служить региональные (народные) формы мировых религий, практически всегда существующие в рамках целостного религиозного мировоззрения и одновременно в форме синкретичного комплекса верований, культов и практик.

**ТАРАСОВА Ольга Игоревна**

*Елецкий государственный университет им. А. Е. Бунина,  
г. Елец*

### **ФЕНОМЕН ТРАДИЦИИ В ДИСКУРСЕ ФИЛОСОФИИ, АНТРОПОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Весь спектр философско-антропологических и социокультурных интерпретаций феномена традиции возможен исходя из двух противоположных логик мышления: человеческого разума, как «способности к первоначалам» (М. Хайдеггер), или «технического интеллекта» (М. Шелер) и техноинформационной рациональности. М. Хайдеггер говорил о глобальной опасности, когда человек, как мыслящая сущность, открытая бытию подчи-

нен существу техники, которая сама по себе ничем техническим не является, об опасности, когда исчисление сущего останется единственно практикующим видом мысли.

Опасный поворот в антропологической традиции: от культуры масс к массовой культуре, массовому потреблению бытия. Машинная логика, стандарты, алгоритмы и тиражируемые стереотипы мышления, искусственная потребность в креативности, творчестве, инновациях.

Традиция как антропологическая преемственность, наследование бытия, образа мысли и образа жизни. Традиция и инвариант «экзистенциального единства, когда одно не поработает другое, а оттеняет его красоту» (Т. П. Григорьева). Онтология традиции – онтология образа в эзотерическом и экзотерическом вариантах. Как путь «того, кто идет», или путь «того, кого ведут» технологии.

Интерпретация традиции в «контексте прошлого времени» – былое, прошедшее, наследие и наследуемое. В контексте «живого (или «умирающего») настоящего» – культурное достояние, богатство, капитал, потенциал. Актуальность понимания феномена антропологической традиции в триединстве времени и всех онтологических планов бытия.

Футурология культуры и традиции бытия. Проективность традиции, ее культуротворческий и жизнетворческий потенциал. Традиция как *можествование*, как возможность управления образом жизни и своей эволюцией.

## **II. ТРАДИЦИЯ И НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ**

**АСТАФЬЕВА Ольга Николаевна**

*Российская академия народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва*

### **КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА «КОНСТРУИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ» В УСЛОВИЯХ ИЕРАРХИЗАЦИИ СЕТЕВЫХ ПРОСТРАНСТВ ЭПОХИ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ**

«Традиционализация» социокультурных пространств рассматривается как тенденция поворота к «проверенным» в истории культуры схемам организации и структурирования социальных систем – иерархической стратификации и практикам сакрализации традиций, преломленным через новую информационно-коммуникативную оптику. В усложняющейся организации социокультурного пространства и формированием в нем нового транснационального пласта культуры, связанного с глобализационными процессами, наметился переход к двухуровневой стратификации: первый уровень – это «глобальная элита» сетевого общества с множеством «центров управления»; второй уровень – уровень «бесмолствующего большинства» (А. Я. Гуревич), развитие которого основано на ризоматическом принципе самоорганизации.

Становление идентификационных моделей, опирающихся на политику возрождения культурных традиций, связывается с обращением к ресурсам информационно-коммуникативных систем через практики «репрезентации» и «создания видимости» в массмедиа- и Интернет-ресурсах. Тем самым культуротворческий процесс приобретает характер псевдосвободного саморазвития субъекта, являясь частью общего процесса конструирования социальной реальности. Манипулирование культурными символами осуществляется разными субъектами, включенными в транснациональный пласт культуры, в том числе не только «клубными интеллектуалами» (П. Бергер, С. Хантингтон) и «брокерами от культуры» (К. Янг), но и научными сообществами, международными экспертными сообществами. Наблюдения за усложненными «культурными пазлами» («обновленные традиции»), вбрасываемые гуманитариями в массмедийную реальность в качестве элементов для сборки нации, подтверждают идеи Э. Хобсбаума о распространенных практиках конструирования вымышленных традиций, которым поддерживается субъективная реальность отдельной личности, устанавливается особый порядок коммуникативных связей в обществах, легитимируются институты и социальные статусы. Понимание традиций как основы ус-

тойчивости культур в современном информационном обществе в условиях усиления сетевого и цифрового неравенства вступает в противоречие с динамикой инновационных процессов в транснациональной модели культуры.

**ГЛУШКОВСКИ Петр Адам**

*Университет им. Н. Коперника в Торунь, г. Торунь (Польша)*

### **ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОЛЬШЕ**

Польская Народная Республика перестала существовать в 1989 г. Республика Польша стала вполне независимой страной. Благодаря этому у поляков появилась возможность объективно исследовать историю своей страны. После того, как были пересмотрены события советско-польских отношений XX в. (Катынь, польско-большевистская война 1920 г., Варшавское восстание и др.), в Польше в 1999 г. был создан Институт Национальной Памяти (далее ИНП), в задачу которого входил сбор и интерпретация материалов периода 1944–1989 гг. Методы работы ИНП вызывают сомнения у многих историков XX в. Так, ИНП сосредоточился на описании «Чёрной истории» партийного и полицейского террора 1944–1989 гг., пропаганды и борьбы оппозиции с властью, забывая о культурной, научной, общественной жизни и миллионах поляков, которые политикой не занимались.

Объектом исторической политики стали также многочисленные польские восстания, практически все закончившиеся неудачей. Но из польской национальной памяти были удалены бессмысленные поступки многих повстанцев. В ней осталось место только для утопической идеи самостоятельного обретения независимости, авантюрных подвигов, романтизма и героев-повстанцев. Это видно на примере XIX в., и особенно – в отношении последнего польского восстания (Варшавское восстание 1944 г.) и созданного вокруг него культа (Музей Варшавского восстания).

В докладе будут рассмотрены следующие вопросы:

- определение понятия «Историческая политика»;
- компаративный анализ исторической политики в Польше и в других странах;
- особенности формирования исторической политики в Польше: проблема источников и «исторической правды».

**КУПЦОВА Ирина Александровна**

*Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, г. Москва*

### **КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**

Русская провинциальная культура обладает широким спектром объектов культурного наследия, включающим культурные ландшафты, памятные исторические места (связанные с жизнью и творчест-

вом выдающихся деятелей науки, культуры и искусства, а также с историческими событиями общероссийского и локального масштаба), историко-архитектурные комплексы (например, усадьбы, монастыри), произведения художественной культуры, семантический комплекс традиционной культуры, местные обычаи, традиции, обряды и др.

Культурное наследие может выступать в качестве инновационного потенциала развития территорий, который раскрывается путем включения провинциальных культурных ценностей в современные культурные индустрии и креативные технологии. При этом определяющую роль играют культурная политика, как на международном и федеральном, так и на локальном уровнях, а также возможности местной самоорганизации членов локального сообщества. В качестве основных инновационных направлений русской провинциальной культуры можно выделить: развитие туризма (сельского/агротуризма, этнотуризма, экологического, санаторно-оздоровительного, событийного, культурного и т.д.), формирование творческих кластеров на базе местных учреждений культуры и образования, использование творческого потенциала местного сообщества для формирования экономически эффективной и привлекательной социокультурной среды. Определяющую роль в освоении инновационного потенциала культурного наследия русской провинции играет экспертно-аналитическая и проектная деятельность культурологов. На основе комплексного системного подхода в контексте культурологической парадигмы возможна реальная оценка творческого потенциала провинциального пространства и разработка профессиональных практических рекомендаций по развитию локальных территорий и включению их в общекультурное поле современной социокультурной практики.

**СОЛОВЬЕВА Анна Николаевна**

*Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск*

### **ТРАДИЦИОННОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОТУРИЗМА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ**

На примере анализа специфики этнокультурного туризма на территории Архангельской области в докладе рассматриваются механизмы изменения и реконструкции культурных традиций, возникающие под влиянием желания удовлетворить запросы туристов. Динамика интеркультурного контакта туристов и местного населения отражает то, как в процессах манипуляции туристическим поведением создаются этнические стереотипы. Служит ли благом локальным сообществам консервация природной среды и культурных традиций ради развития туризма и как отделить истинность подобных традиций от их коммерциализированных подобию?

В докладе ставится задача определить эвристические границы использования понятия «туристическая этничность» для моделирования культурных механизмов понимания и оценки формирования этни-

ческой идентичности, отражающих специфику тематизации туристического дискурса. Брошюры и туристические агентства определяют свойственный туристу «первый взгляд» на местное население сквозь призму сформированных этнических стереотипов, которые потом либо объективизируются, либо разрушаются в ходе путешествий. По мере того, как изменяются ожидания и предпочтения туристов, этнокультурные традиции могут деконструироваться и реконструироваться снова и снова. Задача исследователя состоит не столько в борьбе с изобретенными формами культуры как неаутентичными, сколько в поиске путей понимания процесса либо обретения, либо утраты ими качеств «аутентичности».

**ТОМИЛОВ Николай Аркадьевич**

*Сибирский филиал Российского института культурологии,  
г. Омск*

### **СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИХ РОЛЬ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Культурное наследие человечества, сосредоточенное в народных и профессиональных формах в музеях, собраниях разных общностей, организаций, отдельных лиц в условиях внедрения инновационных явлений играет значительную роль. Оно выполняет следующие социальные функции: интеграции, идентификации, документирования, коммуникационную, консолидирующую, охраны и сохранности, дифференцирующую, созидательную, мировоззренческую, познавательную (научно-исследовательскую), образовательную, эстетическую, экономическую, политическую, воспитательную.

При рассмотрении роли функций культурного наследия в инновационном развитии общества под инновацией понимается новое явление (через определенный хронологический этап она может стать традицией), а под инновацией – внедренная в практику новация и сам процесс этого внедрения. Инновационный потенциал культурного наследия народов России имеется и во всех сферах традиционно-бытовой культуры – природно-средовой, материальной, соционормативной, духовной, а также в культуре жизнеобеспечения. В инновационных процессах в российском обществе представляется наиболее важным изучить и усилить действие таких социальных функций культурного наследия как коммуникационная (способствует взаимопониманию и общению людей в рамках глубины истории и культуры человечества), консолидирующая (сплачивает все виды общностей, в том числе и те, которые увеличивают объем общих культурных явлений), созидательная (увеличивает объем историко-культурных ресурсов и объем их участия в развитии общества), мировоззренческая (формирует систему обобщенных взглядов (установок) на историю и мир культуры), познавательная (дает возможность воспроизведения прошлой социокультурной деятельности в мышлении людей через новые знания), экономическая (увеличивает историко-культурные ценности и использование их в жизнедеятельности людей), воспитательная (вызывает уважение к истории и культуре народов). Возрастающие действия данных социальных функций историко-культурного наследия усилят и процесс идентификации жителей России на уровне осознания себя россиянами – членами единой социально-политической и социокультурной общности – российского народа.

### **III. «СТАРОЕ» И «НОВОЕ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: МЕДИАТИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ И ТРАДИЦИИ МЕДИАТИЗАЦИИ**

**РУСИН Дмитрий Владимирович**

*Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск*

#### **РОССИЙСКАЯ РАДУГА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Российская Радуга уходит своими корнями к американской Rainbow Gathering, откуда и были заимствованы основные традиции. В России это явление появилось в начале 1990-х годов. Первые собрания характеризовались большим количеством «индианистов» (как таковая, Российская Радуга была инициирована кришнаитской средой) и различного рода эзотериков, так называемых «космических бабушек». Но к концу 1990-х гг. они были фактически вытеснены из собрания Радуги.

На территории Радуги действует ряд правил, именующихся традицией. Суть этих традиций сводится к ненасилию, экологичности, отсутствию коммерческой деятельности, отказу от иерархии, отсутствию электрических приборов, запрету на пропаганду, запрету на алкоголь и наркотики. Центральным и свя-

зующим элементом традиции Радуги является ежедневное Пау-Бау и Круг.

Основной идейной базой движения является противопоставление Радуги «Вавилону», то есть миру обязанностей, принуждения и наказания. С концепцией «Вавилона» связано и традиционное приветствие на Радуге, ибо время осознается как элемент принуждения и является атрибутом «Вавилона».

На Радуге постоянно поднимается вопрос традиций, так как реальность не всегда соответствует манифестируемым принципам. Наиболее актуальны вопросы организации и запрета на употребление алкоголя и наркотиков. Выделение неформального лидера, привело в 2010 г. к расколу. Существуют лагеря, позиционирующие себя как алкогольные лагеря (Шайтан-Арба, Пеньки). Противоречие традиций и инноваций отображает процесс формирования Радуги как социальной структуры. Но традиции подчас носят ограничивающий характер, что противоречит утопическому принципу Радуги – свободе и отказу от принуждения.

**УСПЕНСКАЯ Елена Николаевна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КАСТООБРАЗОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРАДИЦИИ**

Кастовый строй индийского традиционного общества имеет квазиплеменную природу; он формировался и воспроизводится под влиянием индуизма (религии *дхармы*), этические императивы которого объективно направлены на консервацию и воспроизводство архетипических форм социального взаимодействия и общественного сознания. Институциональное преобразование «общинно-клановая структура капсулированная *джати*» является моделью формирования социальных сегментов кастового общества. Сегментация первобытных социумов на множество капсулированных *джати* и оформление их границ произошли под влиянием брахманического натурфилософского концепта *джати* и адресных религиозных наставлений *свадхарма*, сакрализирующих образ жизни «созданных Брахманом пород людей». Это явление приобрело системный характер в ходе расширения «территории дхармы» и присоединения пришлых и периферийных автохтонных этносов Южной Азии через аккультурацию (санскритизацию). Особенности культуры жизнеобеспечения и духовной культуры санскритизированных этносов рассматриваются как показатели кастового статуса и воспроизводятся в течение столетий благодаря развитым в индуизме механизмам поддержания традиции через религиозные императивы. Идентичность каждой отдельной *джати* основана на представлении о незыблемости ее богоданного «жизненного предназначения» в мозаичной гармонии мироздания.

Механизм формирования новых *джати* хорошо заметен, особенно в контексте развития культурных новаций, при появлении новых возможностей приложения труда. В индийских условиях любые достижения культуры имеют своего «хозяина» и привязаны к конкретной группе носителей как маркеры ее идентичности. Культура – сущностное понятие индийского кастового способа существования, а инновации и деградации всегда ассоциируются с конкретными социальными ячейками.

**ЧЁРНАЯ Людмила Алексеевна**

*Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова, г. Москва*

### **ЧИН КАК ФОРМА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В традиционной культуре Древней Руси «чин» был универсальной формой создания и закрепления традиции в обществе. Чин охватывал все области жизни средневекового человека: от «Чина венчания на царство» до «Свадебного чина». До настоящего времени в России чин как культурная форма сохранился лишь в

церковной сфере, где и поныне существует разветвленная система «чинов» (от чина венчания патриарха до чина крещения и пр.). Современная официальная светская культура, отказавшаяся от советских традиций, вынуждена была обращаться как к зарубежным образцам, так и к церковной сфере, сохранившей до-революционную систему «чинов», для создания «чинов» новой России. Самый яркий пример – чин инаугурации Президента Российской Федерации.

**ЧИКИШЕВА Анна Сергеевна**

*Российский институт культурологии, г. Москва*

### **НОВЫЕ ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: НОСТАЛЬГИРОВАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА**

Качественный и количественный скачок в развитии технических средств хранения, обработки и представления информации, свойственный современной культуре, заставляет по-новому взглянуть на проблему диалектического единства традиции и инновации. В частности, это касается формы репрезентации прошлого в пространстве повседневности. Безусловно, ретрообразы и символы присутствуют в любой культуре, даже самой модернистски ориентированной, это часть социального механизма запоминания-забвения. Однако современная ситуация существенно расширяет круг возможных форм представления прошлого, а также медиаторов, при помощи которых оно транслируется в пространство дня сегодняшнего. Так, в русскоязычном сегменте Всемирной паутины можно наблюдать тенденцию к созданию ностальгических по сути своей ресурсов. Это очевидно как на примере популярных социальных сетей (Одноклассники.ру), одной из целей существования которых является актуализация старых связей, так и в отношении сайтов, которые через объединение элементов быта, фотографий, музыки и иных артефактов, отсылающих к прошлому (например, к советскому периоду), создают особую среду, в которой происходит мифологическая реконструкция и коллективное ностальгирование по ушедшей (а возможно и никогда в таком виде не существовавшей) эпохе. Изучение процессов виртуализации ностальгических образов представляется значимым направлением современных *memory studies* и исследований механизма конструирования и воспроизводства идентичности «воображаемых сообществ» в пространстве медиакультуры.

**ЧИСТЯКОВА Виктория Олеговна**

*Российский институт культурологии, г. Москва*

### **МЕДИА «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ». О ВОЗМОЖНОСТИ «ТРАДИЦИЙ» В СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ КОММУНИКАЦИИ**

В области *media studies* часто можно услышать выражение «новые» (или даже «новейшие») медиа, как будто в противовес медиа «старым». Границу ме-

жду ними можно провести по-разному, но так или иначе у большинства исследователей она проходит не ранее 19-го (если делается привязка к изобретению фотографии) и не позднее 20-го века (если «новым» считать все, что связано с Веб 2.0). Однако, если медиа определить широко, – как средства коммуникации вообще, – то вопрос о том, что считать «новым» в культуре, становится проблематичным. Один аспект этого вопроса заключается в «памяти тела», которая лучше всего улавливается в устной речи: мы говорим, сидя перед компьютером, что нечто «вышло из-под пера» или находится «на последней стра-

нице», хотя письмо и печать как средства коммуникации не используются сейчас нами непосредственно. Мы «помним» ощущения пера или печатной книги в руках и переносим язык описания «старых» медиа на медиа «новые». И другой аспект – в связи с рассматриваемой возможностью «традиций» в области медиа – состоит в том, что новизна средств коммуникации есть не что иное, как ре-актуализация более ранних технологий в контексте и при помощи технологий более поздних: переизобретение средства (“reinventing the medium”) как выразилась американский теоретик искусства Розалинда Краусс.

#### IV. ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИИ: СУБЪЕКТ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И/ЛИ ОБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ

**ДНЕСТРОВСКАЯ Мария Владимировна,  
НУРКОВА Вероника Валерьевна**

*Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

##### РУССКИЕ БАБУШКИ: О ВЕКТОРЕ НАРАСТАНИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Культуры различных типов используют формирование автобиографической памяти в качестве стратегии создания личности, конгруэнтной доминирующему культурному профилю.

Автобиографическая память «европейского» типа направлена, в первую очередь, на формирование «базы данных» для персональной идентичности («Какой я?»), а память «азиатского» типа – для социальной идентичности («С кем я?»).

Наиболее исследованным параметром культуры, связанным с функциями автобиографической памяти, является параметр коллективизма/индивидуализма.

В культурном сценарии индивидуалистических культур преобладают события, ориентированные на личностную автономию (личные успехи и достижения), а в культурном сценарии коллективистских культур преобладают события, ориентированные на поддержание социальных связей (события, связанные с общиной).

Результатом проведенного исследования стало обнаружение того факта, что культурный жизненный сценарий может быть специфицирован относительно этапов жизненного пути. Анализ показал, что выраженность параметра индивидуализма в жизненном сценарии современной городской субкультуры максимальна по отношению к ранним периодам жизни человека, а затем планомерно снижается, оборачиваясь в нормативных требованиях к фиксации событий пожилого и старческого возрастов в свою противоположность – коллективизм.

В деревенском, т. е. коллективистском культурном жизненном сценарии наблюдается обратная динамика. Содержания включенных в него событий детства и юности максимально коллективистичны (общинные работы – «помогги»), а содержания событий пожилого возраста – индивидуалистичны (еди-

ноличное ведение хозяйства, религиозные ритуалы, подготовка к смерти).

Дополнительные данные в поддержку данной гипотезы обещают внести вклад в более дифференцированную разработку описания культурных средств регуляции автобиографической памяти и обогатить междисциплинарное взаимодействие между психологией и культурологией.

**МАЖЕЙКИНА Галина Геннадьевна**

*Российский институт культурологии, г. Москва*

##### ЧЕЛОВЕК КАК АРТЕФАКТ

Анализируется феномен перформативных акций российских художников актуального искусства.

Вопросы, рассматриваемые и методологически исследованные:

- Каково взаимодействие культуры и игры в контексте актуального искусства современности;
- Является ли игра необходимым (и необходимым ли?) элементом культуры;
- Проблема человека в эпистеме постмодерна.

Результатом метамифологического анализа является обнаружение в сообщениях перформеров глубинных инвариантов структур, восходящих к архаическим мифам и мифологическим нарративам.

Прагматика мифа и нарратива в перформансе предполагает вовлечение художника в создание определенной картины парадигмального пространства, которое, формируясь, начинает предписывать его создателю определенный стиль игры, поведения, таким образом, позиционируя им же определенную систему ценностей или художественных и социально-культурных амбиций.

**РЕЙФМАН Борис Викторович**

*Глазовский филиал Ижевского государственного  
технического университета, г. Глазов*

##### ПО ПОВОДУ СПОРА О «ЛИЧНОСТИ»

Важным событием «антропологического поворота» в российской исторической науке стал спор о «личности» между Л. М. Баткиным и А. Я. Гуревичем. Баткин полагает, что «индивидуальность и лич-

ность присутствуют <...> только в тех цивилизациях <...> которые пользуются этими <...> словами для обозначения идеальных регулятивных координат», «что <...> мы модернизируем историю, применяя это понятие к средневековью». Гуревич же уверен, что «с личностью <...> мы имеем дело на протяжении всей европейской истории» и выделяет «средневековую личность», признаками которой были «служение, жестко закрепленное место в иерархии, ориентация на христианские ценности ...».

Гуревич приводит «формулу В. С. Библера»: «Личность, это – индивид в той мере <...> в какой вся его жизнь, судьба могут быть представлены и поняты как единый <...> поступок ...». С этим согласен и Баткин, уточняющий данную мысль другой цитатой из Библера: «личность» – это <...> регулятивная идея ... Это история и индивид ...».

При том, что оба ученых исходят, таким образом, из приоритета *экзистенциальной адаптации* индивидом установок культуры, за их полемикой угадывается оппозиция двух борющихся за ценностное формирование «глобальности» концептов: горизонтально-ценностного «*нового средневековья*» с *толерантными* отношениями между не стремящимися за свою «очерченность» традицией и инновацией, и «*личностного*» *диалогизма*, выдвигающего на передний план ценность инновационного развития, которое понимается здесь как стремление к предельно-рефлексивному выходу к границам культуры.

#### **СИРОТИНА Наталия Валерьевна**

*Уральская государственная архитектурно-художественная академия, издательство «Архитектон», г. Екатеринбург*

#### **РОЛЬ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЛЕТОПИСЦА XIX в. (НА МАТЕРИАЛЕ «ОЧЕРКА ЛЕТОПИСИ ЗАШТАТНОГО ГОРОДА ЛАЛЬСКА» А. П. АВРАМОВА)**

«Очерк летописи заштатного города Лальска» (1862–1883) – рукописная книга чиновника А. П. Аврамова. Анализ языковой личности автора показал, что традиции древнерусской книжности сыграли для нее роль каркаса в создании произведения.

Аврамов избрал в качестве основы традиционную форму летописи. Следуя традиции анонимности древнерусской литературы, он не указал своего имени. Аврамов перенимает также манеру летописцев говорить о себе с подчеркнутым самоуничижением и призывает читателя «ошибки въ сей маленькой книжке <...> по благосклонности своей поправить, невежество <...> извинить».

Первая половина «Очерка» написана полууставом с использованием исключенных на тот момент из гражданской азбуки букв и надстрочных знаков. В дальнейшем автор переходит на скоропись: в скорописном почерке заметно старческое дрожание руки.

Повествование ведется хронологически (с использованием традиционных формул), начинаясь с рассказа о том, как новгородцы расселились по р. Лале, где раньше жили чудские племена.

Рассказывая о городском хозяйстве, или отвлекаясь на лирические пассажи о нравах лалечан, или метафорически описывая необычные природные явления, автор остается верен канцелярскому стилю. Видимо, Аврамов ассоциировал его с книжным стилем, которым писали древнерусские летописцы, что позволило ему легитимизировать стилевое новаторство.

#### **ТУТОРСКИЙ Андрей Владимирович**

*Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

#### **ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДАНИЯ О МИКЛУХО-МАКЛАЕ В XX ВЕКЕ**

Понятие традиция включает в себя множество различных феноменов и в частности устные предания. В своём сообщении мне хотелось бы представить трансформацию предания о Н. Н. Миклухо-Маклае в деревне Бонгу, округа Маданг Папуа-Новой Гвинеи.

Случай Бонгу представляет собой один из многочисленных примеров в этнографии (социальной антропологии), когда в одно и то же селение этнографы (антропологи) возвращались для проведения исследований каждые 10–20 лет. 1870–1880-е – Н. Н. Миклухо-Маклай, 1890-е – О. Финш, А. Ромили, 1900 – А. Ханке, 1940-е – П. Лоуренс, П. Уорсли, 1960-е – Т. Бодриге, 1970-е – Н. Бутинов, Д. Тумаркин, Б. Путилов, 1980-е – М. Меннис. В 2010 г. автор сообщения побывал в деревне Бонгу и записал три предания о Маклае. Предание о Маклае служит людям берега Маклая для осмысления взаимоотношений «с белыми» (европейской культурой).

Миклухо-Маклай в дневниках писал, что люди Берега Маклая считают его человеком с Луны. В 1906 г. в предании, зафиксированном О. Демпвольфом, Маклай выступает как культурный герой, принесший навыки земледелия, и авторитетом и словом Маклая обосновывалась необходимость переселения жителей острова Били-Били на континент. В 1930-е гг. он трансформируется в культурного героя, впервые познакомившего папуасов с железом. 1970-е в преданиях Маклай выступает как человек, «давший флаг» жителям острова Кранкет. Флаг символизирует независимость государства, за которую боролись многие народы Меланезии в 1960–1970-е г. В 1990–2010-е гг. идёт формирование папуасского самосознания. В легендах на первое место выступают братские отношения, родство Маклая с папуасами. Родство является исходной предпосылкой для налаживания тесных контактов (экономических, политических, культурных). Кроме того, в настоящее время актуализировались идеи о «русскости» папуасов Бонгу (использование рус-

ских слов, обмен сакральным знанием с Маклаем и др.), название побережья Рай (Rai coast) производится от «Russian coast».

Таким образом, предание о Маклае представляет собой живую, постоянно меняющуюся традицию.

## **V. РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ: ИМПЕРАТИВЫ САКРАЛЬНОГО И ВЫЗОВЫ ПРОФАННОГО**

**АЛЕКСЕЕВА Надежда Викторовна**

*Череповецкий государственный университет, г. Череповец*

### **ПАЛОМНИЧЕСТВО КАК ЧАСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОКАЯННОЙ ТРАДИЦИИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XIX ВЕКЕ**

Высокая концентрация объектов религиозного поклонения создавала условия для активной паломнической деятельности на Европейском Севере в XIX в. Богомолья носили подвижнический, часто, покаянный характер, при этом выполняя и коммуникативную функцию.

**ВИНОГРАДОВ Валентин Валентинович**

*Российский институт истории искусства, г. Санкт-Петербург*

### **ОБРАЗЫ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО: ПИСЬМА-МОЛИТВЫ К СВЯТЫМ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ**

Традиция письменного обращения к Богу и святым имеет в России давнюю историю. В последнее время она приобретает массовый характер в крупных городах России (Петербург, Москва). Такие послания оставляются в особых местах, находящихся, как правило, на территории кладбищ. Отметим, что не все они признаются Русской Православной Церковью «святыми».

Молитвенные послания существуют в двух видах – бумажная записка и надпись (граффити). В них находятся обращения к святому или подвижнику благочестия, содержащие конкретную просьбу. Перед нами специфический акт сакральной коммуникации, в котором приобретают форму сокровенные пожелания богомольцев. Таким образом, тайная просьба (в традиционных религиозных практиках она проговаривается про себя) оказывается явленной. Данный феномен требует всестороннего изучения. Один из аспектов – образы желаемого будущего, которое испрашивается у святого. Каково оно? При назывании (испрашивании) каких ценностей описывается это будущее? Например, в условиях городского пространства к таким святым местам часто обращается молодежь. Сюда, в основном, приходят девушки с просьбами найти хорошего мужа; сюда же обращаются и молодые люди со своими специфическими просьбами (например, «стать хорошим священником», «свергнуть правительство» и прочее).

Основа исследования – материалы, зафиксированные в 2000–2010 гг. на Никольском Кладбище Александро-Невской лавры у склепа Матфея Татомира (1848–1904 гг.) – затворника, местночтимого святого Санкт-Петербургской епархии.

**ВОЗДИГАН Ксения Михайловна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **О СООТНОШЕНИИ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ ТРАДИЦИИ ИНДУИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РИТУАЛЬНЫХ РОСПИСЕЙ МАДХУБАНИ)**

В культуре индуизма развито представление об «уровнях» традиции (Великой и Малой, или брахманической и «народной»), соотносимых с кастовой социальной иерархией. Их формирование связано с включением в кастовое общество периферийных этнических групп в качестве отдельных каст.

Росписи *мадхубани* (регион Митхила) стали известны науке в 1934 г.; они создаются только женщинами двух высших каст, брахманками и каястха, в ходе проведения брахманических ритуалов Великой традиции. Однако сегодня росписи *мадхубани* стали формой «народного искусства» и однозначно соотносятся с Малой традицией. В 1960-е г. Бихар страдал от голода. В рамках государственной кампании по спасению жителей региона художницы были обеспечены бумагой, им было предложено перенести на нее традиционные росписи, продавать их и тем самым обеспечивать свое существование. Наиболее одаренные художницы начали развивать индивидуальный стиль, интерпретируя канонические сюжеты, в которых главными персонажами были индуистские божеества, жених и невеста, изображались символы плодородия и процветания (лотос, бамбук, попугай, павлин, рыба, черепаха и т. д.), ведь роспись стен покоев новобрачных изначально являлась частью свадебного ритуала. Со временем, под влиянием возрастающих контактов с внешним миром, мастерицы освоили сюжеты из повседневной жизни, а в последние годы росписи все чаще посвящены проблемам современного мира, таким как терроризм или даже глобальное потепление. Видя финансовое процветание женщин, многие мужчины также начали создавать *мадхубани* в коммерческих целях.

**ЖУКОВ Алексей Юрьевич**

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### **ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ СТРУКТУРА СЕВЕРНОЙ РОССИИ КАК ФОРМА УТВЕРЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИННОВАЦИЙ (XV – СЕРЕДИНА XIX ВВ.)**

Церковно-приходская структура Северной России XV – середины XVIII вв. воплощала не только традиционные религиозно-нравственные потребности верующих, но и утверждала общественные инновации,

особенно в сферах самоуправления и этнокультурных процессов. Сложившийся во времена Великого Новгорода круг престольных праздников (свв. Николай Чудотворца и Георгия Победоносца, Христа Спасителя и Ильи Пророка) в московский период истории более гармонизировался, добавив массовое почитание Богородицы, св. Троицы и апостолов Петра и Павла. Приход новгородского времени воплощал успехи освоения крестьянскими общинами северных пространств, в основном соответствуя их административной разбивке на обширные районы-«погосты». В XVI–XVII вв. в погостах складывались волости, закреплявшие их «внутреннюю колонизацию». Но лишь с постройкой в волости церкви она становилась полноценной единицей погоста, оберегавшей общинные земли; священники входили в волостное самоуправление. С ним связана архитектурная инновация: самоуправление собиралось в трапезе церкви, заменившей собой притвор, – почти такой же обширный, как предназначенный для моления центральный объем храма. Наличие содержавшегося волостью храма убеждало государство в ее фискальной состоятельности, что вело к ее официальному признанию. Активный на Севере процесс складывания этнокультурных групп поддерживался видоизменением сложившегося на их землях круга престольных почитаний. К середине XVIII в. сложилась структура: 1 волость – 1 церковь – 1 престол – 1 приход; в XIX в. она облегчила замену в уездах погостов новгородских времен собственно волостной структурой.

**КОЧЕЛЯЕВА Нина Александровна**

*Российский институт культурологии, г. Москва*

#### **ТРАДИЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЧИТАНИЯ: ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ДЛЯ ИННОВАЦИЙ?**

Сакральная история и связанные с ней пространства и традиции почитания уже в первой по-

ловине минувшего столетия стали объектом исследования в работах ученых, специализирующихся в области *memory studies* (например, М. Хальбвакса).

Доклад основан на анализе становления и развития различных форм религиозного почитания, начиная от возникновения паломнических маршрутов, затем развитие кальварийских мистерий, и заканчивая созданием кинематографических произведений. В предшествующие веку кино столетия проблематика христианской истории и связанной с ней традиции памяти фокусировалась вокруг письменных, изобразительных, архитектурно-пространственных памятников и мистериальных шествий. С развитием киноискусства эта тема находит отражение и в художественных лентах, которые охватывают достаточно длительный временной интервал (от 1916 до 2004 года), обширный географический диапазон (страны Северной и Южной Америки, Европы) и богатое жанровое разнообразие (историческая драма, философская притча, киноверсия рок-оперы).

**ЛОГИНОВ Константин Кузьмич**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

#### **«ОКОЛОЦЕРКОВНЫЕ» СПОСОБЫ ДИАГНОСТИКИ И САМОЛЕЧЕНИЯ СГЛАЗА И «ОГОВОРА» У ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В докладе будут рассмотрены инновационные стороны диагностики сглаза и «оговора» при помощи церковной свечи (в сравнении с традиционными) и современные «околоцерковные» способы самолечения прихожан от сглаза и «оговора» православного населения Карелии и сопредельных областей.

### **VI. ИСКУССТВО: ТРАДИЦИЯ, КАНОН И СВОБОДА ТВОРЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ**

**ВЕНКОВА Алина Владимировна**

*Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии, г. Санкт-Петербург*

#### **«СПЕКТАКУЛЯРИЗАЦИЯ ПАМЯТИ» В КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ «МЕДИАЛЬНОГО ПОВОРОТА»**

Термин «спектакляризация памяти», предложенный американским теоретиком искусства Розалинд Краусс, встраивается в ряд других концептов, используемых медиафилософией и критической теорией для описания логики художественного мышления в ситуации, получившей название «медиального поворота». «Медиаальный поворот», сменяет в теоретической рефлексии «иконический поворот» и сопровождается такими явлениями как «медиатизация памяти», «трансгрессия и дематериализация медиа», «медиаальный перформатив». Особое место занимает

понятие «ностальгии медиума» имеющее непосредственное отношение к характеру изобретения и поддержания традиций в логике производства образов современной эпохи.

**ВИСЛОВА Анна Владимировна**

*Российский институт культурологии, г. Москва*

#### **ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТЕАТРЕ**

Современный театр и русская классическая театральная традиция находятся сегодня в сложных взаимоотношениях. Наблюдается не столько их взаимосвязь, сколько напряженное противостояние. Слом эпох и этапов художественного сознания, обрыв связи времен и поколений, смена ценностной ориентации последних десятилетий породили острый духовный общественный кризис. При этом инновационный процесс модернизации отече-



ственного театра и классическая традиция взаимодействуют, как правило, в пространстве провокативного культурного дискурса. Инновационные процессы, которые происходят сегодня в отечественном театре, сложны и противоречивы, как и их генезис. С одной стороны, эти процессы направлены на модернизацию театра, с другой, – очевидно несут в себе не столько созидательное, сколько деструктивное начало. В результате подобных инноваций на отечественной модернизируемой сцене сегодня происходит последовательное вытеснение и разрушение гуманистической реалистической основы русского театра и замена ее техногенным и чужеродным ей по своей природе новым театральным каноном. На самом деле культурное, а вслед за ним и театральное развитие сегодня все чаще подменяется искусственным технологическим развитием. Однако распространенное в эпоху глобализации всемирное внедрение новых технологий и инноваций на производстве и в культуре – процессы не идентичны один другому. В результате мы имеем технический прогресс, но при этом ужасающий многих культурный регресс. Театральным деятелям необходимо не только глубоко понимать сложную диалектику традиции и инновации в современной культуре, но овладеть искусством их бережного взаимопроникновения.

#### ГАФУРОВА Зинаида Рузвиновна

Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов», г. Москва

### СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ИГНОРИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ

В современную эпоху жизнь не просто усложнилась. Все подчинено ускоренному темпу жизни, в том числе – формы и характер современной чувствительности. Последнее имеет большое значение при выборе традиции или новации в театральном процессе. Иначе говоря, зрительское предпочтение определяет, в конечном итоге, традиционное или инновационное направление театральной деятельности.

Современный зритель зачастую предпочитает «не напрягаться» по поводу смысла и взаимоотношений персонажей, он просто *получает удовольствие от формы театрального действия*. Чем традиционнее эта форма, тем легче и быстрее зритель входит в сценический контекст. Здесь традиция не просто сохраняется, а сознательно поддерживается и конструируется.

Другая часть публики, имеющая определенную подготовку: знакомство с языком пьесы, временем и местом действия, *постигает пьесу* как содержание истории на сцене. Этот зритель более внимателен к внутренним процессам театрального действия, нежели к внешним. И поэтому здесь традиционность/новационность формы не является преобладающим фактором представления.

Что касается третьей группы зрителей, чье знание языка и содержания сценического действия можно назвать совершенным, то они обладают *акцентированным восприятием* (выделение нового акцента в старой истории) театрального действия. Традиция (традиционная форма театрального действия) здесь игнорируется в пользу новации.

#### ГРИГОРОВИЧ Наталья Борисовна

Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, г. Москва

### ДИАЛЕКТИКА ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В ЯПОНСКОЙ МУЗЫКЕ: ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИИ ИЛИ НОВАТОР?

Традиционная музыка Японии – одна из самобытнейших музыкальных культур на земном шаре. Она уникальна не только особым звуковым миром, но и тем, что сочетает в себе бережное отношение к наследию прошлого и поразительную жизнеспособность. Так, зарождение многих видов музыкального искусства Японии восходит к VI–VIII вв, когда с материка на японские острова был передан громадный социокультурный комплекс. Именно с тех пор на японской земле непрерывно развиваются такие традиции как церемониальный оркестр *гагаку*, искусство игры на флейте *сякухати*, люте *бива*, тринадцатиструнной цитре *кото*, песнопения *сэмё* и др.

Долголетие большинства форм японского музыкального искусства обеспечивается двуединством устойчивости и изменчивости в развитии. Верховный глава традиционной школы, имеющей жесткую вертикальную иерархию, выступает гарантом сохранения искусства клана: строго контролирует соответствие подчиненных профессиональным требованиям, следит за соблюдением запрета на передачу традиции непосвященным. Однако этой главенствующей тенденции периодически противопоставляется энергия внутреннего обновления. Никогда окончательно не порывая с традицией, выдающиеся музыканты личности декларируют новые законы японской музыки. Приверженность традиции, в частности, проявляется в том, что любой «бунтарь» неизбежно приходит к созданию собственной школы. Таким образом, меняя соотношение старого и нового, но никогда не нарушая целостность музыкального явления, новаторы-хранители дают жизнь новым побегам традиционной японской музыки.

#### ИВАШКИН Сергей Николаевич

Центральная библиотека № 3 им. Н. А. Добролюбова, г. Москва

#### ПАНОВ Сергей Владимирович

Российский институт культурологии, г. Москва

### ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ, ДИНАМИКА РЕДУКЦИИ И СЛЕД ЗАБВЕНИЯ

Романтический гений создает в русской культуре XIX в. форму житетворения – романтическую

поэму как способ авторского выстраивания субъекта аффекта и самообладания (Алеко): «страсти роковые» в основе своей уже обнажают автоматизм желания, воплощенный в авторской политике повествования: «и от судеб защиты нет». Герой подчинен выстроенной автором судьбе аффективно-интеллектуального становления, поскольку сам автор в изначальном мимесисе игры «равнодушной природы» является подчиненным произносителем «диктата музы». Концептуальная метасюжетная ситуация «романа жизни» – возвращение реплики «учитесь чувствами владеть» в переоценивании формы самообладания, которая реализована в Онегине: Татьяна как русская маркиза де Мертей сообщает ему новую более высокую перспективу самообладания во всеобщей сценографии жизни как формы воли-к-аффекту, формы контроля над желанием, отношения воли-к-власти. В «петербургской повести» выявится концептуальная основа «романа жизни» – само жизненное становление, во имя которого автор будет выстраивать судьбу героя в исходной метасюжетной ситуации «передачи пламени восстания», рождения романтического революционного гения из духа имперского принципа и памятника, гения, который у Гоголя превратится в духа мщения и возмездия, в галлюциногенную иллюзию и раздвоение авторского тона. Из «петербургской повести» пропишется проект так называемого «русского классического романа» как формы жизнестворения, основанной на сведении индивидуальных ценностно-волевых миров к надындивидуальной основе существования в исходной ситуации становления героя автором собственного обновления. Классический русский роман как форма жизнестворения станет предметом рефлексии в феноменологическом письме романной прозы XX в., где сосуществование автора и героя не будет больше определено трансцендентальным горизонтом авторского обзора и позиции, а выявит интенциональную форму бытия героя автором принципиально недописываемого шедевра, автором всегда уже и все еще не состоявшего кругозора, который оказывается прерывен в самом способе производства интеллектуальных актов самонаблюдения и рефлексии собственных созерцаний.

**КЛОБУКОВА Наталья Федоровна**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Московская государственная консерватория  
им. П. И. Чайковского, г. Москва*

#### **ВЛАСТЬ ТРАДИЦИИ ИЛИ ВЛАСТЬ НАД ТРАДИЦИЕЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ МУЗЫКИ**

В каждой отдельно взятой социокультурной общности пути развития современной музыки представляют собой извечный конфликт между старым и новым, передовым и «отсталым», традиционным и новаторским. Музыка Японии не является исключением. Общество, звуковая культура

которого формировалась в течение более чем десяти веков, смогло сохранить многие из инструментальных и вокальных жанров как грани музыкальной традиции, существующей в нынешней Японии. Однако, несмотря на кажущуюся неизменность, на внешний облик и внутреннее содержание традиционной музыки неизбежно влияют процессы, происходящие за пределами традиции. Японские композиторы и музыканты, являясь гораздо в большей степени «людьми мира», чем их предшественники, в своем творчестве идут на смелые эксперименты, используя традиционный инструментарий в произведениях самых разных музыкальных жанров. Они «заставляют», например, духовую раковину воинственных горных монахов ямабуси играть в джазовом коллективе, сочетают в одном ансамбле древнюю лютную бива и ирландскую арфу, имитируют, наконец, звучание придворного оркестра гагаку с помощью инструментов рок-группы образца 1970-х гг. Подрывают ли подобные эксперименты традицию или способствуют возбуждению интереса к ней? Является ли новаторство одной из форм проявления уважения к традиции, которая не боится выявления ее скрытых возможностей? Где проходит та грань, за которую эти эксперименты не должны заходить из опасения размыть традицию? Японская традиционная музыка как одно из интереснейших акустических явлений на музыкальной карте мира является неиссякаемым источником вопросов, привлекающих исследователей к поиску ответов на них

**МЕДВЕДОК Татьяна Владимировна**

*Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск (Беларусь)*

#### **ИРОНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

В настоящее время понятие иронии оказывается одним из ключевых понятий в структуре философского знания, будучи при этом, как ни парадоксально, мало проясненным содержательно. В немалой степени это объясняется полисемантизмом, характеризующим данную категорию, а также – непосредственной вариативностью историко-философской традиции в отношении понимания и оценки самого феномена иронии. На современном этапе ирония активно осваивает новый статус – она выступает в роли культурной категории, поскольку в культурной динамике, особенно в переходные периоды истории, ирония приобретает мировоззренческое значение в сознании общества.

Иронию нередко отождествляют с сомнением: как правило, и у скептика, и у ироника отсутствует эксплицитованное утвердительное итоговое предпочтение. Однако иронику присуща уверенность в своем сомнении относительно и себя самого, и окружающей его действительности. Таким образом, ирония обладает некоторым положительным потенциалом, поскольку, во-первых, она борется с той дейст-

вительностью, которая теряет свою актуальность и приобретает характер уже изжитого; во-вторых, она, не навязывая некоторых новых установок, ценностей, дает возможность личности стремиться к собственной реализации и самовыражению.

Современная культура оказалась вовлеченной в ситуацию перманентного самопародирования, в котором творчество нацелено на игру метафор и самореализацию, а не на получение некоторого универсального результата. В таких условиях позитивный статус иронии не очевиден; максимальную угрозу представляет не столько возможная аксиологическая утрата, сколько исчезновение самой личности, способной видеть и создавать какие-либо ценности.

**МЕНЬШИКОВ Леонид Александрович**

*Санкт-Петербургская государственная консерватория  
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

### **ТРАДИЦИЯ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ: ЕДИНСТВЕННОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА**

В одном постмодернистском романе поэт-неудачник, испытывавший всевозможные способы создания шедевра, избирает последний – вытаскивает наугад по одному кубики с буквами. Складывается всем известное стихотворение. Постмодернизм иронически относится к традиции, но осознает, что преодолеть традицию невозможно. Постмодернистский взгляд на традицию неоднократно актуализи-

ровался в истории общественной мысли. Традиция является необходимым, но не неизменным элементом культуры (в постмодернистской терминологии – текста); за нововведением стоит неизменная, в прошлом сформулированная традиция. Постмодернизм возвращает теории культуры осознание амбивалентности традиции и новации, которые не могут быть отделены друг от друга и существуют только в единстве. Попытки трактовать культуру как только традиционную, основанную на неизменности традиции, равно как и только авангардную, как абсолютную новацию, преодоление и «сбрасывание с парохода современности», одинаково неприемлемы для постмодернизма. Поэтому невозможно создание абсолютной новации, не имеющей прототипов и источников; в этом смысле традиция есть вся культура, укорененность творца в культуре, предопределяющая его способность к творчеству. Традиция в постмодернизме есть замысел, предшествующий любому творческому акту, как бы ни трактовали последний – как перестановку или комбинаторику, или как случайное соединение фрагментов. Этому всегда предшествует культурный толчок, который задается неожиданным возникновением, соединением или поворотом опыта – всего массива общечеловеческой культурной традиции. Поэтому постмодернизм сохраняет традицию – как необходимую движущую причину творческого акта, а не стремится от нее избавиться, как вышеупомянутый поэт.

## **VII. СПАТИАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИИ И ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТИ**

**ЗОСИМОВ Геннадий Иванович**

*Государственный институт искусствознания, г. Москва*

### **СООТНОШЕНИЕ НОВЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДАХ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)**

Москва – это совершенно спонтанный город, рождённый не изначальным замыслом, а последовательным расселением людей на территории, примыкавшей к стенам кремля, которая формировала свою дорожную сеть по радиусам дорог до принятия ею радиально-кольцевой структуры. Так возникали тогда многие города Европы, когда на пересечении двух так называемых «дорог ослов» начинало ютиться «коренное» население будущих агломераций.

Однако срок функционирования структур такого типа ограничен как первоначальной шириной дорог, так количеством транспорта, что связано с темпами цивилизации. Таким образом, нажитая городом культура со всеми её памятниками и средой обитания неизбежно подвергается всякого рода посягательствам, иногда непреодолимым.

**КОНЬКОВА Ольга Игоревна**

*Центр коренных народов Ленинградской области,  
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МИФОЛОГЕМЫ И РЕАЛИИ**

В докладе будут рассмотрены мифологемы, возникающие в современной культуре коренных малочисленных народов Ленинградской области – води, ижоры, ингерманландских финнов и вепсов. Особое внимание будет уделено реалиям современного состояния культуры: выборке сохраняемых традиций, способам передачи традиций, традиционализации инноваций.

**КРЫЛОВ Павел Валентинович**

*Санкт-Петербургский институт истории РАН,  
г. Санкт-Петербург*

### **ТРАДИЦИОННАЯ ФИННО-УГОРСКАЯ КУЛЬТУРА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Интерес к традиционной культуре финно-угорских народов Ленинградской области вызвал в настоящее время в указанном регионе, а также в Санкт-Петербурге деятельность по формированию «новой ингерманландской идентичности». Последняя осуществляется группой людей различного этнического происхождения и вероисповедания, объединённых интересом к историческому и культурному (художественному, музыкальному) наследию воды, ижоры и ингерманландских финнов, активной позицией в деле охраны окружающей среды и памятников архитектуры. Региональная самоидентификация в представлении группы приобретает приоритет перед этнической или религиозной. Тем не менее, в качестве одного из важнейших маркеров данной идентичности является самоотнесение к одному из малых финно-угорских народов Ленинградской области. Анализ представлений «новых ингерманландцев» посвящён указанный доклад.

**ПШИР Александра Михайловна**

*Журнал «Антропологический форум»,  
Европейский университет в Санкт-Петербурге,  
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **«СТАРЫЙ» И «НОВЫЙ БЫТ» ЛЕНИНГРАДСКИХ ДВОРОВ**

Первые десятилетия советской эпохи считаются периодом активного конструирования нового быта и изобретения новых «традиций». Однако некоторые стороны жизни невольно выпадали – как менее важные, периферийные, или хуже поддающиеся переустройству. Такой сферой долгое время оставалась жизнь городских дворов. В значительной степени она складывалась и менялась «естественно», под воздействием изменившегося социального контекста, а не путем намеренного конструирования. При этом самими горожанами повседневные нормы и практики воспринимались как существовавшие «еще до революции» и мотивировались обычаем. Даже дворы новой застройки, которые планировались как очаги нового быта, впускали этот быт с трудом. Именно эти годы стали «золотым веком» дворовой жизни, тогда как осуществленное к концу 1950-х гг. благоустройство дворов (нередко при активном участии жителей) привело к изменению их прагматики и закату дворовой жизни.

В докладе предполагается обратиться к дворовой «традиции», которая успела сложиться и при-

йти к своему закату в течение 40 лет; к тому, как сочетались «старые» и «новые» элементы дворового быта, что воспринималось в качестве «традиционного» и к вопросу о долговечности искусственно создаваемых практик и «новых традиций».

**СВЕШНИКОВА Екатерина Евгеньевна**

*Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова,  
г. Москва*

### **ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.**

В докладе освещается проблема традиции в культуре губернского города конца XIX – начала XX (на примере г. Орла). Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что наследие является функциональным элементом современной культуры данного города.

**ФИНЧЕНКО Александр Евгеньевич**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **МУЗЕЙ В ЛАДВЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ**

Рассматривается проблема музеефикации элементов традиционной культуры в условиях современных экономических (становление частного бизнеса в таких сферах, как сельский туризм, образовательные программы, бизнес-туризм) и демографических условий (изменение демографического состава села, в частности, рост доли таких категорий населения, как пенсионеры, переселенцы из городов, дачники – владельцы домов, использующие их как места летнего отдыха, а также владельцы сельского бизнеса).

Основа доклада – демонстрация фильма (20–25 минут) о сельском музее в с. Ладва Подпорожского района Ленинградской области (Музей вепсской народной культуры и быта им. Т. В. Станюкович, частное собрание А. Е. Финченко, ок. 6 тысяч экспонатов). Этот фильм предполагается включить в работу секции как стимул к дискуссии об институтах локальной памяти, среди которых сельские музеи занимают ключевое место. Затрагиваются проблемы изменения условий функционирования этих музейных собраний: если в советский период это были, в основном, школьные музеи, базировавшиеся на краеведческой и учебно-педагогической работе, то теперь на первый план выходят частные собрания. Как это изменение экономического контекста повлияло или способно повлиять на их вещественное наполнение, формы сохранения, описания, условия доступа и проч.? Все это должно стать предметом для дискуссии, нацеленной на лучшее понимание конкретных механизмов современного функционирования сельской традиции.

# **ЩЕПАНСКАЯ Татьяна Борисовна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

## **ТРАНСЛОКАЛЬНЫЙ ЗАПРОС: ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)**

В работе предпринята классификация институтов локальной памяти и внелокальных институтов, в контексте которых они функционируют в условиях современного российского села. На этнографических материалах, собранных автором в ходе экспедиционных поездок, преимущественно в областях Северо-Запада России (Ленинградская, Новгородская, Вологодская области) и Западной Сибири (Омская, Тюменская обл.), рассматриваются процессы функционирования и изменения механизмов сельской культурной традиции.

А) Институты локальной памяти, становление или трансформация которых наблюдаются в наши дни. Среди них: местные сельские кладбища, сакральные центры (почитаемые места, обетные кресты и часовни, почитаемые камни, деревья, рощи, источники, другие объекты ландшафта), местные музеи (общественные – при библиотеках, школах, домах культуры, а также частные – в дачных и гостевых домах, при охотничьих и рыболовных, туристических базах), центры краеведческой работы (школы, кружки при ДК, Центры традиционной народной культуры и ремесел), религиозные центры (монастыри, храмы, церковные общины). Предмет изучения – про-

цессы коммуникации, каналы, обеспечивающие аккумуляцию и трансляцию локальной памяти.

Б) Внелокальные институты, в рамках которых формируется запрос на локальную традицию, ее концептуализация, отбор тем, артефактов, практик, признаваемых как традиционные, а также происходит легитимация локальной традиции и финансовая поддержка каналов ее трансляции. Среди них наиболее значимыми (по нашим материалам) оказались институты образования и туризм; дачный отдых и обратная (пенсионная) миграция из мегаполисов и городов областного и районного значения (институционализация села как рекреативной базы для населения городов); религиозное строительство (становление монастырских и примонастырских порядков жизни, формирование прихрамовых общин), а также неформальные сетевые структуры, объединяющие представителей местной интеллигенции, администрации и бизнеса. Все большее значение приобретают спонсируемые государством, а также бизнесом и религиозными организациями программы сохранения культурного наследия в области традиционной народной культуры. Предмет изучения – конкретные формы влияния этих институтов на функционирование и трансформацию систем организации локальной памяти, на формы трансляции и содержание локальной традиции.

В) Более подробно рассматриваются два cases/случая: институциональные контексты современного функционирования локальных сакральных центров (святых мест) и местных ремесел. Предлагаются методы и техники полевого исследования и анализа транслокальных контекстов и детерминант локальной традиции.

## **VIII. ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ, ИЛИ НАСКОЛЬКО ХОЛОДНЫ «ХОЛОДНЫЕ» ОБЩЕСТВА?**

### **АЛИЕВА Вилоят Ренатовна**

*Институт философии и права  
АН Республики Узбекистан, г. Ташкент (Узбекистан)*

### **НАЗАРОВ Равшан Ринатович**

*Институт истории АН Республики Узбекистан,  
г. Ташкент (Узбекистан)*

## **ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ**

В условиях традиционного взаимодействия этнических культур и напора инноваций в эпоху глобализации актуальной становится проблема этнокультурной маргинальности, когда индивид находится в двух (или более) этнокультурных измерениях. Причины могут быть различны.

Во-первых, проживание диаспор в иноэтническом окружении. При затрудненности/отсутствии контактов с основным массивом проживания этноса происходит сильная маргинализация диаспоры (если не ассимиляция), утрата ею значительной части традиций этнокультурного наследия.

Во-вторых, этнокультурная маргинальность характерна для субэтносов внутри этносов. Субэтническим группам часто свойственна двойная идентифи-

кация: мингрел и грузин, гуцул и украинец, памирец и таджик, хорезмиец и узбек, русский и казак.

В-третьих, широчайшая база для маргинализации – межэтнические браки. Правда, генетический метис – не всегда метис этнокультурный. Степень влияния обеих родительских культур зависит от ряда обстоятельств – социального окружения, его этнического состава, традиций, отношений и др. Метис может явно тяготеть к одной из родительских культур, а может не иметь четкой этнокультурной ориентации.

Четвертый вариант – парадоксален. Человек может быть стопроцентным представителем этноса, жить в родном этноокружении – и быть маргиналом. Пример тому – широкие слои титульной по этносу, но русскоязычной по культуре интеллигенции (научной, творческой, производственной) во всех странах СНГ. Способность восприятия инноваций, ценностей иноэтничной культуры – отличительная черта подлинного интеллигента. В современном мире с его развитой системой информации и коммуникаций, разнообразными и обширными культурными связями интеллигент-маргинал выполняет посредническую функцию, способствует взаимообогащению, взаимопониманию, сотрудничеству, вносит посиль-

ный вклад в процессы интернационализации мышления, образа жизни.

**АРХИПОВА Марьяна Николаевна**

*Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

### **ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА У РУССКИХ КРЕСТЬЯН XX ВЕКА**

Трудовой коллектив является важным аспектом в экономической, социальной и культурной жизни традиционного общества, в том числе и русского сельского населения. В центре внимания докладчика – динамика модели взаимоотношений внутри трудового коллектива. С точки зрения соционорматики – модели поведения, которая признаётся в обществе правильной – во взаимоотношениях членов трудового коллектива русской деревни можно выделить три периода:

1. Дореволюционный период (нижняя граница 1917 г. является условной), на протяжении которого главенствующую роль в трудовом коллективе и при распределении заработка или добычи, как правило, играл владелец орудий труда (например, хозяин лодки и снастей во время совместной рыбалки).

2. В советский период в условиях официального запрета подобных промыслов и отсутствии «богачей» в сельской среде своеобразными руководителями неофициальных трудовых коллективов становились люди деловые, те, которым доверяли.

3. В современном сельском обществе произошёл своеобразный синтез двух первых моделей. Владелец основного производящего орудия труда также получает важную долю заработка, даже если лично не участвовал в работе. Однако происходит попытка разделения добычи прямо пропорционально вложенным усилиям, хотя и здесь есть оговорки (например, если охотник подстрелил мало добычи, его товарищи делятся с ним своей, также поступит и он).

Так инновационные введения в определённой степени способствуют сохранению традиций трудовых коллективов в сельском обществе.

**КВИЛИНKOVA Елизавета Николаевна**

*Институт Культурного наследия АН Республики Молдова,  
г. Кишинёв (Молдова)*

### **ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ГАГАУЗОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ – ОДНОГО ИЗ ВАЖНЫХ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕЕ УСТОЙЧИВОСТИ/ИЗМЕНЧИВОСТИ**

В духовной культуре гагаузов отчетливо отражается процесс интенсивных межэтнических контактов, происходивших на протяжении длительного периода времени. Сравнительно-сопоставительное изучение основных областей традиционной культуры у разных групп гагаузов, проведенное нами в ряде монографий (Квилинкова, 2005, 2007, 2010) позволило

рассмотреть степень устойчивости/изменчивости каждой из них. Так, в ходе выявления этнорегиональных особенностей в традиционной культуре гагаузов Молдовы и Болгарии (более 200 лет проживающих раздельно) стало очевидным, что влияние соседних этносов на гагаузскую культуру в большей степени проявляется в области фольклора, календарной обрядности и в меньшей степени в семейной обрядности, терминологии родства, народной медицине.

Региональные особенности ярко выражены как в репертуаре народных песен, так и в ладово-интонационной и ритмической структуре песенных мелодий. У гагаузов Молдовы отчетливо прослеживается влияние народной музыки болгар и молдаван, в то время как у гагаузов Болгарии основная часть песен, исполнявшихся на гагаузском языке, имеет характерные восточные черты (благодаря сохранению турецкой языковой среды). Широкое распространение у гагаузов Молдовы песен религиозного содержания свидетельствует об усилении религиозности «бессарабских гагаузов», и, в определенной степени, объясняется восточнороманским этнокультурным влиянием. В рождественско-новогодней обрядности гагаузов Молдовы имеется ряд отличительных особенностей (новогодние колядки, хождение плугом, со звездой и др.), возникших у них после переселения в Бессарабию в результате адаптации к иноэтнической среде. Характерной чертой фольклора гагаузов Болгарии является билингвизм, а у гагаузов Молдовы – полилингвизм.

Выявленные региональные особенности позволяют говорить о том, что фольклор является областью, через которую в значительной степени осуществлялся процесс межэтнической интеграции. Основой для усиления данного процесса на территории Бессарабии являлось единство религиозной принадлежности (христианство), общие культурные ценности и длительное проживание в общем регионе.

Большей устойчивости у гагаузов Молдовы других указанных областей традиционной духовной культуры способствовал ряд факторов: замедленность темпов социально-экономического развития на территории Бессарабии, патриархальный уклад жизни, нормы обычного права, компактное проживание, сила общественного мнения и др.

**ЛАРИНА Елена Игоревна**

*Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

**НАУМОВА Ольга Борисовна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

### **ИЗМЕНЕНИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ У КАЗАХОВ**

Унификация образа жизни в обществе на стадии глобализации требует от этносов выработки новых адаптивных механизмов, поддерживающих самосознание и самоидентификацию народов. Наиболее стабильными оказываются социальные связи и их осоз-

нение этносом. Для народов бывшего СССР периодом активизации, кристаллизации таких связей стало время 1990-х гг. С началом перестройки и деидеологизации общественной жизни, а также в связи с реалиями становления рыночной экономики происходил резкий подъем национального самосознания, коренные изменения в жизнеобеспечении, рост девиантного поведения, и как следствие, в той или иной этнической группе складывались различные механизмы реакции на перечисленные процессы. Ярким является пример воссоздания традиционных институтов у казахов.

В 1990-е гг. вопросы формирования этических норм вообще, казалось бы, ушли из поля зрения общества, представления о социально допустимых нормах поведения размывались. Однако именно это размывание побуждало общество к самоорганизации. В казахской среде формой такой самоорганизации стали советы старейшин.

Совет старейшин как собрание наиболее старых и уважаемых людей, создаваемый для решения общественно значимых задач, – типичный институт для патриархального общества. Современные советы старейшин унаследовали некоторые функции традиционных социальных институтов. Речь идет не о возникновении каких-то совершенно новых по своей организационной форме институтов самоуправления казахов; наоборот, воссоздается традиционная для этого народа форма самоорганизации – собрание уважаемых людей. Вместе с тем очевидно, что нельзя проводить прямые параллели между судами биев и нынешними советами старейшин. Советы не выполняют судебных функций: они лишь передают представления о традиционных социальных нормах поведения и отчасти поддерживают общественный порядок в казахской среде. Совет старейшин – весьма эффективный орган формирования общественного мнения и воздействия на членов небольшой социальной группы; государство это понимает и использует его в своих целях.

В 1990-е же гг. у казахов массовым явлением стала кража невест. Фиктивное похищение (умыкание с согласия девушки) и реальная кража (умыкание без согласия девушки) – это два принципиально разных явления, и в современной жизни казахов встречается и то, и другое. Умыкание невесты раньше считалось нарушением традиции и осуждалось обычным правом. Однако на протяжении второй половины XX в. умыкание невесты по сговору (в случае реальной кражи мы говорим не о традиции, а о нарушении закона, которое при счастливом исходе обставляют элементами традиции) всё более легитимировалось и сегодня в сознании населения представляется «древней традицией», «вечным обычаем». Старое словосочетание «кража невест» приобрело новое содержание, но старые категории и понятия языка не успевают за развитием новых отношений между людьми.

Приведенные материалы демонстрируют как стабилизирующую функцию традиции, так и ее способность к легитимации инноваций.

**ЛЕБЕДЕВА Анна Витальевна**

*Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Творческое объединение “Культура”»,  
г. Ханты-Мансийск*

### **ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ СЕРЕДИНЫ XIX – XXI вв.**

Север – край самобытной архаической культуры – всегда был территорией, притягательной для художников, и территорией, вдохновляющей коренных жителей этой земли.

Количество художников из числа коренных народов – хантов, манси и ненцев, проживающих на территориях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, – очень мало, но именно их произведения рассказывают нам о прошлом времени, быте и культуре людей, об их неразрывной связи с природным началом. На примере творчества четырех столповых личностей изобразительного искусства обских угров – К. Панкова, П. Шешкина, М. Тебетева и Г. Райшева мы попытаемся проследить роль традиционных мифологических представлений народов и внесения новой струи временных преобразований в символику картин и творческий поиск авторов.

Стоит заметить, что на сегодняшний день не существует ни одного обобщающего исследования об исторических и культурных процессах развития изобразительного искусства коренных народов Севера, охватывающих **середину XIX – XXI вв.**

Фактически в докладе мы обозначим две параллели — как развивалось искусство коренных малочисленных народов Севера, перенесенное на землю культурной столицы, и как шло развитие без отрыва от культурной (архаичной) почвы.

Учитывая, что в 1920-е г. идет речь о создании собственного «северного стиля» художниками, то уже остро стоит вопрос о традициях, которые проявляются в исторической памяти, фольклоре и мировоззрении коренных народов Севера, а также в том есть ли перспективы развития «стиля» в сложившихся условиях современности.

**МУХОТИНА Нина Анатольевна**

*Гжельский государственный художественно-промышленный институт, г. Гжель*

### **СПЕЦИФИКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА И ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ**

В традиционном обществе социокультурный опыт передавался из поколения в поколение, авторитет старших составлял основу социализации. Народное искусство основано на преемственности традиций, точное и неукоснительное следование которым гарантировало успех деятельности. Из века в век передавались поэтические образы и символы, которые формировали картину мира, определяли взаимоотношения между миром и человеком.

Можно говорить о канонической целостности мировоззрения народных мастеров, органично объединенных единой традицией, образом жизни и творчества. Сокровищница народного искусства предоставляет молодежи систему формальных, композиционных и орнаментальных принципов создания предметной среды.

Народное искусство всегда испытывало влияние различных факторов – экономических, политических, научных, художественных, социальных, – но его обновление шло чрезвычайно медленно, с большим отбором: воспринималось лишь то, что обогащало искусство, не нарушая единую структуру; поэтому так высок был авторитет прошлого.

Жизнь в современном обществе определяется законами конкуренции, соперничеством в стремлении добиться в жизни определенных позиций. Ускорился темп исторического времени, стареет опыт, само понятие «традиция» вызывает подчас негативное отношение. В развитии личности возрастает роль возрастной субкультуры. Художники традиционных центров народного искусства не замыкаются в формах прошлого. Каждый выступает в искусстве как яркая индивидуальность и перестает быть носителем коллективного опыта.

Традиция в культуре – явление сложное, развивающееся, обостряющее чувство исторического прошлого и требующее от современника уметь откликаться на изменения в национальной психологии, духовных запросах, образе жизни народа.

**САМОЙЛОВА Елена Валерьевна**

*Фольклорно-этнографический центр  
Санкт-Петербургской государственной консерватории  
им. Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург*

#### **ПРЕДМЕТНЫЕ ПРОЕКЦИИ ПРАКТИК КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОМИНАЛЬНЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ ФИГУР В СЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА)**

В поле зрения исследователя попадают «предметы памяти». Это антропоморфные фигуры, изготавливаемые в память об умерших предках. Практика использования таких изображений сохранялась на территории Верхнеуфтыгского (с/п Нюксенского) района и Чарозерского (с/п Череповецкого) района Вологодской области до первой половины XX в.. Такие изображения прочитываются как реликвии коллективной памяти. «Знания» о способах их изготовления и хранения передавались из поколения в поколение. Заместители умерших помещались на почетном месте и служили утешением скорбящим родственникам. Деревянная фигурка «Тети Ани», одетая в одежды умершей женщины была местнотчима как покровительница женских рукодел. Происшедшие на протяжении прошлого столетия изменения в социально-экономической жизни северо-русской деревни привели к нарушению механизмов трансляции традиции и частичной утрате существовавших зна-

ний, (в т. ч. и об антропоморфных заместителях умерших).

Во время летней экспедиции этого года в д. Заречье, Верхнеуфтыгского (с/п, Нюксенского) района, Вологодской области мы увидели стоящую неподалеку от жилого дома «пару» – тряпичные фигурки «гармониста» и его «жены». Женская фигурка была сделана деревенским жителем в память о недавно умершей жене и одета в ее одежды. «Гармонист» – скорбящий муж, играющий в утешение для жены-песенницы. Интересен сам факт появления фигуры-заместителя покойного на территории, где еще шестьдесят-семьдесят лет назад существовали подобные практики. Утрата коллективного знания о ритуальном предмете привела к отрицанию возобновившейся практики, ее восприятию как неуместного чудачества, т. е. была воспринята как нарушение традиционных норм и канонов ритуального поведения. Графическое выражение происшедших перемен может быть выражено волнообразной кривой (синусоидой). Антропоморфная фигура, сделанная в память об умершем воспринималась в начале прошлого века как «традиция», аналогичная практика в начале XXI в. определяется как «новация».

**СЕСЛАВИНСКАЯ Марианна Владимировна**

*Федеральный институт развития образования, г. Москва*

#### **ПАРАДИГМА ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ЦЫГАН РОССИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI в. КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ РИСК**

Цыганское население – потомки средневековых мигрантов из Северо-Западной Индии, окончательно сформировавшееся в странах Европы, за столетия сохранили экстенсивную традиционную хозяйственную модель (ТХМ), восходящую к «индийскому» периоду его истории. Процесс трансформации этой модели в России XX – начала XXI в. можно условно разделить на несколько периодов, связанных:

- 1) с процессами оседания и модификацией моделей миграций (20–60-е гг. XX в.)
- 2) с модификацией моделей занятий при сохранении ТХМ (20–80-е гг. XX в.)
- 3) и, наконец, с существенными видоизменениями в самой ТХМ цыган (90-е гг. XX в. – настоящее время).

Особенности социально-экономического устройства России 20–80-х гг. XX в. явились причиной консервации ТХМ цыган, которая идеально «вписалась» в модель «экономики дефицита» советского периода.

С 1990-х гг. в цыганской культуре активизировались процессы маргинализации и криминализации. Ключевым в их развитии стало сочетание действия нескольких основных факторов:

##### **I. «Внутренних»:**

- 1) ТХМ и соответствующий низкий уровень образования
- 2) ТХМ реализуется в экономических нишах макро-общества



3) традиционные представления об авторитете и престиже

4) низкий уровень интеграции в макро-общество, небольшой процент этнической интеллигенции

II. «Внешних»:

1) эффект шоковой терапии

2) культ богатства и «легких денег», пропагандируемый СМИ

3) коррупция в правоохранительных органах

4) отсутствие государственной политики в отношении интеграции цыганского меньшинства.

#### **ХАБУНОВА Евдокия Эрендженовна**

*Калмыцкий государственный университет, г. Элиста*

#### **ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАЛМЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ\***

В отличие от календарных обрядов, семейные обряды сохраняют свою устойчивость. В условиях возрождения буддизма древние ритуалы калмыков приобрели новое звучание. В свадебной обрядности активизировался ритуал приготовления чая молодой невесткой, направленный на выявление ее хозяйственных способностей, знания ею этикета и др. Несмотря на то, что некоторые элементы традиционных обрядов постепенно утрачиваются или трансформируются, стержневые компоненты семейной обрядности сохранились до настоящего времени.

#### **ЭЛЬМУРЗАЕВА А. Д.**

*Дагестанский государственный институт народного хозяйства, г. Махачкала*

#### **НЕИЗУЧЕННЫЕ ШТРИХИ В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА**

При описании традиционной свадьбы у народов Дагестана исследователи нередко обращают внимание на обрядовые действия, призванные с первых же минут совместной жизни продемонстрировать

главенствующее положение мужчин в семье: символический удар по голове невесты, наносимый женихом, когда та переступает порог брачного уединения молодоженов, удар ногой по спине, снятие новобрачной обуви с ног своего суженого и др. Однако мимо внимания исследователей прошел тот факт, что нередко невеста в первые минуты и часы уединения проявляла характер, самолюбие, независимость, причиняя молодому физическую боль или насмехаясь над ним. Так, у лакцев сел. Вихли новобрачная, демонстрируя действительное или мнимое недовольство, могла чувствительно уколоть новобрачного заготовленной иглой или ущипнуть его. Обычай, в наше время основательно позабытый, нашел свое отражение в фольклоре. «Пусть невеста, входя в твою брачную комнату, захватит с собой не иглу, а шило», – поется в шуточных куплетах. В другом лакском селении Убра, молодой супруг мог проснуться утром с испачканным сажей лицом. У аксаевских кумыков новобрачная могла поколотить мужа за чрезмерную агрессивность прихваченной с собой скалкой. Хаджалмахинка (даргинцы) старалась окатить под утро спящего супруга холодной водой. У ахваццев молодая супруга, улучив момент, клала своему мужу в постель ветку с колючими шипами. У части цезов молодожен мог поесть и попить из того, что специально оставили в комнате для молодых, только с разрешения новобрачной. У гергебильских аварцев молодая, после первого сближения с супругом, могла отхлестать его одеждой.

Можно предположить, что традиционных действий подобного рода было много и у других народов Дагестана. Возможно, что в совокупности они представляли собой глухие отголоски периода, переходного от матрилокального к патрилокальному поселению. Может быть также, что какая-то часть подобного рода действий – это сохранившиеся до новейшего времени фрагменты какого-то религиозно-магического ритуала.

\* При финансовой поддержке РГНФ (грант 08-04-92305а/Г).

## Секция 5. ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА В РАЗНООБРАЗИИ НАУЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ, МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ

Руководители: д.и.н. **Винокурова Ирина Юрьевна** (Петрозаводск);  
к.и.н. **Золотова Татьяна Николаевна** (Омск)

**АНТОНОВА Марина Сократовна**

*Государственный университет культуры и искусств,  
г. Санкт-Петербург*

### ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ КОМУНИКАЦИЙ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО ЭТНОСА)

Празднично-обрядовые традиции – уникальный комплекс, в котором наиболее полно сосредоточены духовно-нравственные ценности традиционной культуры бурятского народа. Значимость *традиций* обусловлена тем, что их элементы *определяют* контуры этнической культуры и *составляют* социокультурное наследие, а также *сохраняются* в жизнедеятельности нации в течение определенного времени.

Празднично-обрядовые традиции – социокультурный институт, в основе функционирования которого заложены важнейшие предпосылки *межкультурной коммуникации*: формы традиционной этнической культуры как условие сохранения национальной идентичности; толерантность в диалоге этнокультур; проявление уважения к культуре другого этноса (на территории Бурятии переплелись культурные, бытовые, религиозные традиции разных народов). Создана система ценностей, выражающихся через художественно-творческое, «игровое» действо. Анализируя классификацию праздников по ряду признаков, можно выявить специфику бурятского традиционного праздника, в современных условиях бытования существенно изменившегося по содержанию: многие его элементы стилизованы, трансформированы, что обусловлено рядом причин.

В современных городских условиях праздник выполняет, главным образом, личностно-развивающие, этноидентифицирующие, эстетические и коммуникативные функции. С этой точки зрения, празднично-обрядовые традиции бурят могут быть определены как способ «текстуализации» этнической культуры, введенный в поле социальной коммуникации. Наиболее полное смысловое «прочтение» возможно лишь в естественном культурном контексте культуры, вне которого она заметно теряет свою символическо-смысловую наполненность и нормативно-регулятивную функциональность для этноса.

**БАРАНОВА Ольга Геннадьевна**

*Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург*

### УСТЮГСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ РЕЗНЫЕ КАЛЕНДАРИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди разнообразия научных источников, которые могут быть использованы для изучения празд-

ничной культуры, особого внимания заслуживают деревянные резные календари. Подобные календари были известны многим народам. Ими пользовались русские, болгары, карелы, финны, саамы, коми, якуты, эвены, эвенки, коряки, долганы, ненцы, чукчи, камчадалы и др. Через символическое обозначение в резных календарях праздничный годовой цикл, приуроченный к церковным святцам и переосмысленный народом, обретает в каждом отдельном случае заверченный характер праздничной локальной традиции.

Данное сообщение посвящено детальному описанию и подробной характеристике четырех деревянных русских резных календарей XVIII–XIX вв. из собраний Российского этнографического музея и Государственного Русского музея, привезенных из Устюгского уезда Вологодской губернии. В докладе на основании сопоставления архивных документов и фактического вещевого материала проведен анализ и сделана расшифровка знаков на календарях, которыми отмечены праздники и другие важные даты; выявлена праздничная обрядность и описаны дни почитаемых святых, характерные для данной территории.

**БЕЛКИНА Наталья Алексеевна**

*ФГУ Национальный парк «Водлозерский», г. Петрозаводск*

**ЛЫЗЛОВА Анастасия Сергеевна**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### ОТЖИНАХА НА ТЕРРИТОРИИ ВОДЛОЗЕРЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Водлозерье – территория, прилегающая к оз. Водлозеро, одному из наиболее крупных водоемов южной Карелии, расположенному в восточной части Пудожского района Республики. Удаленность, обособленность и труднодоступность способствовали сохранению здесь не только традиционного русского фольклора, но и праздничной культуры. До 1930-х гг. на островах и берегах указанного озера располагалось сорок населенных пунктов. В связи с применяемой здесь программой ликвидации «неперспективных» деревень многие поселения опустели к концу XX в., а их жители переехали в современный административный центр Водлозерья – д. Куганаволок. Старожилы помнят те времена, когда в каждом поселении отмечались свои престольные и часовенные праздники, на которые съезжались жители округи. В календарь любой деревни Водлозерья входил также особый праздник по случаю окончания жатвы под названием *Отжинаха*, сопровождаемый угощениями,

народными гуляньями, играми. Позднее он преобразовался в Праздник сбора урожая. В настоящее время словом *отжинаха* в Водлозерье обозначается завершение любого вида сельскохозяйственной деятельности (сенокоса, уборки картофеля и т. д.). Вместе с тем, вот уже три года подряд осенью в Куганаволоке отмечается праздник *Отжинаха*. В его современном проведении участвуют сотрудники Национального парка «Водлозерский», учителя и ученики местной школы, пенсионеры и заинтересованные жители.

#### ВЕЗИК Лийза

*Фольклорный архив Литературного музея,  
г. Тарту (Эстония)*

### ВАЛЕНТИНОВ ДЕНЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ТРАДИЦИИ

В докладе рассматривается изменение народного календаря в постсоциалистический период на основе базы данных эстонского народного календаря BERTA ([www.folklore.ee/berta](http://www.folklore.ee/berta)), содержащей обзор праздников приблизительно за 200 лет и ответы, полученные в ходе акции по сбору молодежного фольклора в 2007 и 2010 гг. Материалы для сравнения взяты из календарных традиций других постсоциалистических государств.

В конце XIX в. аграрная праздничная система народного календаря стала меняться. Многочисленные праздники исчезли вместе с потребностью маркировать сроки работ, их ритуальное начало или окончание. В начале XX в. (в основном до Второй мировой войны) в эстонский народный календарь при институциональной поддержке государства были интегрированы новые праздники, ставящие во главу угла личностные и семейные ценности, – День матери, День отца, День труда. После Второй мировой войны во время существования социалистического строя прежние государственные и новые календарные праздники были отвергнуты, а церковные праздники маргинализированы; но добавились, например, Международный женский день, военные знаменательные даты и – в течение более продолжительного времени (отчасти международные) – профессиональные праздники (День шахтера, День рыбака и пр.). Существенные символические ценности сохранил ряд праздников народного календаря (Иванов день, Мартынов день), но появились и новые праздники (Валентинов день, День святого Патрика). Быстрые изменения в постсоциалистический период сформировали при поддержке семейных традиций, средств массовой информации, школы, обществ и пр. новую уникальную систему знаменательных дат народного календаря, куда входит и новичок 1980-х гг. – Валентинов день.

#### ВИНОКУРОВА Ирина Юрьевна

*Институт языка, литературы и истории  
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### ВЕПСКИЙ ПЕТРОВ ДЕНЬ В СВЕТЕ КАРЕЛЬСКИХ И СЕВЕРНО- РУССКИХ АНАЛОГИЙ И РАЗЛИЧИЙ\*

В настоящее время многие вопросы, связанные с праздничной культурой населения Карелии, все еще остаются недостаточно изученными. Например, нет работ, посвященных сравнительно-историческому анализу календарных традиций коренных этносов, проживающих на этой территории и прилегающих к ней областях, который дает материалы к исследованию этнической истории народов, позволяет наметить генетические и историко-культурные связи. Доклад посвящен Петрову дню (29.06/12.07) у вепсов и его сопоставлению с традициями соседних народов. Петров день относится к великим праздникам, к тому же в вепском, карельском и северно-русском календарях он являлся аккумулятором разнообразных народных представлений, обычаев и обрядов.

При исследовании был выделен круг типологических явлений Петрова дня, характерный для вепсов, карелов и северных русских: время освящения творога и других молочных продуктов в церквях и часовнях, дарений (пастухам, священникам, односельчанам) и жертвоприношений (в сам день или в воскресенье от него совершались заклание быков или баранов и братчины); своеобразный рубеж в природно-хозяйственном цикле (начало сенокоса, укорочение светового дня, созревание зерна – «кукушка давится колосом» после Петрова дня).

Сравнение показало также, что у северных вепсов, карелов и русских Заонежья Иванов-Петров дни были границами летних святок с особыми названиями, в которые совершались девичьи обряды поднятия привлекательности. Это сходство объясняется карельским влиянием.

К числу самобытных вепских явлений можно отнести петровские обряды жертвоприношения творогом на ржаных полях, скотоводческие ритуалы.

#### ВИНТИНА Светлана Геннадьевна

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук  
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск*

### КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Происхождение праздников уходит своими корнями в древнюю эпоху. Ритуалы каждого из них прочно держались в народном быту. По поводу праздников русский народ говорил: «Всякая душа празднику рада». Среди большого количества праздников у русских особо выделяются Рождество Хри-

\* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

стово, Крещение Господне, Пасха и Троица, которые отмечаются до настоящего времени, но с некоторым упрощением совершаемых во время этих торжеств обрядовых действий. Святки сопровождались ряженьем, играми, песнями, плясками и т. д. В новогодние дни основное место занимали приметы и гадания, которые затрагивали две важные темы: во-первых, земли и урожая; во-вторых, личной жизни, судьбы человека и его брачного союза. Следующим праздником русских было Крещение Господне, которое отмечали 6(19) января. Большинство русского населения в этот праздник запасали освященную крещенскую воду для оздоровительных целей, купались в проруби, устраивали гулянья. Большая группа обрядов сосредоточивалась вокруг Святой Пасхи. В этот праздник крашеные яйца освящали в церкви. Яйцо от первого христосования сохраняли в течение года, оно являлось оберегом от болезней и пожара. Весенние обряды и праздники завершались Троицей. На праздник украшали дома ветками березы, девушки водили хороводы, плели венки, гадали на судьбу в будущем. Будучи неразрывной частью быта и обрядовой жизни русского народа, значительное место на русских календарных праздниках занимала баня.

**ВЛАСОВА Виктория Владимировна,  
ШАРАПОВ Валерий Энгельсович**

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар*

### **СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ: ЗАВЕТНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ УДОРСКИХ КОМИ**

Для христианской традиции удорских коми остаются значимыми обряды, приурочиваемые в селах на р. Вашка к девятой пятнице от Пасхи (*Заветной лун висьысьясло́н*). В период притеснения православной церкви происходит актуализация «периферийных» обрядов: внехрамовые службы, крестные ходы, обряды, связанные с местнотимыми святынями, нередко, проводились тайно за пределами села и были единственно возможными для функционирования религиозных общин. В 1970–1990-е гг. в селах на Удоре зафиксированы случаи появления «зеркальных» заветных праздников, сценарий проведения которых был заимствован из д. Кривое. С начала 2000-х гг. часовня св. Параскевы в д. Кривое после реставрации вновь становится «центром» праздника, намечается тенденция «стягивания» локальных групп вашкинских и мезенских коми к данной святыне, которая становится своеобразным символом района. Расширился половозрастной состав участников за счет людей среднего возраста и мужчин, как местных, так и приезжих. Для многих жителей Вашки участие в заветном празднике, купание в освященной воде, равно как и вода, набранная в этот день, по-прежнему остаются одним из способов «лечения» различных болезней. Активное вмешательство местной администрации и работников культуры в традицию проведения крестного хода в д. Кривое приводит к разрушению

местного «праздничного» канона и, в тоже время, к повышению официального статуса заветного праздника и его дальнейшей секуляризации. Светские власти, а также неформальные региональные лидеры, рассматривают «новую» традицию проведения праздника, как один из эффективных социальных инструментов в конструировании регионального идентитета.

**ДИАНОВА Елена Васильевна**

*Петрозаводский государственный университет,  
г. Петрозаводск*

### **ПРАЗДНИКИ И КООПЕРАЦИЯ КАРЕЛИИ В 1920-е гг.**

После Октябрьского переворота 1917 г. в быт людей стали внедряться новые революционные и гражданские праздники и памятные дни. Праздники как форма ознаменования различных событий стали наполняться новым содержанием, соответствующим советской эпохе. Коренные изменения во всех сферах жизни общества привели к появлению гражданских торжеств и обрядов, соответствующих новым идеям. Под влиянием официальной пропаганды складывается резко отрицательное отношение ко многим старым традиционным праздникам, и делаются попытки заменить их новыми. В советской России в 1920-е гг. стали отмечаться такие новые гражданские праздники, как День работницы, или Международный день 8 Марта, Международный день солидарности трудящихся 1 мая, День Конституции, Международный юношеский день, Международный день кооперации, День Октябрьской революции и др.

В 1920-е гг. важное место в жизни общества занимала кооперация не только потому, что она была объявлена «столбовой дорогой к социализму», но и в связи с тем, что кооперация объединяла значительные слои потребителей и мелких товаропроизводителей города и деревни. Кооперативы участвовали в проведении праздничных мероприятий. В Карелии, как и по всей стране, отмечали международные праздники, которые означали солидарность жителей советской страны с рабочим классом капиталистических государств. С 1923 г. в нашей стране стал отмечаться Международный день кооперации. По решению Международного кооперативного альянса этот праздник проводился ежегодно в первую субботу июля.

**ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна**

*Институт языка, литературы и истории  
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### **СОВЕТСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ В КАРЕЛИИ (1918–1920 гг.)\***

Новые праздники, проводившиеся в городах и селах Карелии, были призваны актуализировать память о российской революции 1917 г. и предшествующих

\* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

революционных событиях. Согласно «Правилам об еженедельном отдыхе и праздничных днях», утвержденным Совнаркомом в 1919 г., к последним отнеслись даты, «посвященные воспоминаниям об исторических событиях»: 1 января – Новый год, 22 января (по н. ст.) – День 9 января 1905 г., 12 марта – День низвержения самодержавия, 18 марта – День Парижской Коммуны, 1 Мая – День Интернационала и 7 ноября – День Пролетарской Революции. В качестве нерабочих, но не праздничных дней были объявлены Пасха (пятница и суббота Страстной, понедельник и вторник Пасхальной недели) и четыре двенадцатых праздника.

Участники новых празднеств ориентировались на определенные образцы политического поведения и на революционную традицию. Исключительное значение общественного ритуала совместного освоения городского центра Петрозаводска, Пудожя, Олонца, Повенца в дни празднования Февральской и Октябрьской годовщин, Первомайских торжеств, годовщин введения института Всеобуча 22 апреля 1919 г. и др. проявилось в использовании всех знаковых средств политической культуры, включая язык жестов, пение, музыку, цвет.

Коллективное исполнение «Интернационала» и другие элементы революционной политической культуры (украшение зданий и арок кумачом, красные банты) создавали необходимый психологический эффект сопричастности новым ценностям. Использование хорошо известных символов позволяло подчеркнуть свою солидарность с десакрализацией рухнувшей монархической власти, разграничивая «своих» и «чужих» не по этнической принадлежности, а по отношению к новому общественному порядку (г. Олонец, с. Шелтозеро и т. д.).

#### **ЕРШОВ Виктор Петрович**

*Карельская педагогическая академия, г. Петрозаводск*

#### **ПРАЗДНИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ В ДОМЕ П. Т. АНАНЬЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА ЗАОНЕЖСКОГО БОНДАРАЯ 1932–1938 гг.)**

Заонежье славилось книжной традицией, но бытовала и другая – вести дневники. Дневник крестьянина П. Т. Ананьева из д. Красная Сельга (Заонежье) был найден в 1972 г. Он относится к 1930-м гг. и представляет собой уникальный памятник крестьянской письменной культуры эпохи коллективизации и начала умирания крестьянской цивилизации. Текст написан простым карандашом (102 страницы). Автор писал о своей семье, о ежедневных занятиях ее членов.

Дневник дает возможность увидеть колхозную жизнь, репрессии, трудовое воспитание детей, родственные связи, употребление алкоголя, праздничные традиции в деревне. Последней теме посвящен настоящий доклад.

1. О понятии «праздник». Праздниками автор называет воскресенья, например: «*Воскресенье. Праз-*

*новали, Митька ходил к черкасу за гостями...*». Здесь «праздник» выступает в своем изначальном смысле; «праздный» – свободный от дел (См. «Праздный» у В. И. Даля). День отдыха противопоставлен будням. «Празднику-воскресенью», как видно из контекста, присуща некоторая ритуальность – обязательно отдыхать, не работать, ходить в гости.

2. Автор записывает в дневнике все религиозные праздники – двенадцатые, престольные. Фиксируется, сколько вина куплено, сколько гостей пришло, как относится к ним молодежь.

3. Семейные праздники. Дается описание свадьбы сына.

4. Советские праздники. Из дневника видно, как непросто входили новые праздники в крестьянский быт, как постепенно происходила деградация религиозных праздников из-за работы в праздничные дни в колхозе, отхода молодежи.

#### **ЖУКОВ Алексей Юрьевич**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

#### **МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРЕСТОЛЬНЫХ ПРАЗДНИКОВ СЕВЕРНОЙ РОССИИ XV–XVIII вв.\***

Источниковедческая методология позволяет получить достоверные сведения и встраивает их в историческую действительность. В отношении престольных праздников Северной России мы сталкиваемся и с неполнотой сведений сохранившихся источников, и со сложной структурой предмета исследования как непрерывно эволюционировавшей системы. Система престольных праздников постоянно уплотнялась из-за появления новых волостей (и соответственно волостных храмов) внутри сложившихся с новгородского времени административных районов-«погостов». Переписи XV–XVIII вв. (основной источник) дают моментальные снимки волостной структуры, тогда как волости и их церкви появлялись между переписями. Поэтому источниковедческий ответ на «частную» проблему престольных праздников выливается в общее исследование эволюции административно-территориального устройства Севера, включая каждую волость, посредством учета всех данных вплоть до подписей священников на документах волостного самоуправления. За этот период все приходские церкви отстраивались заново, нередко – со сменой посвящений их престолов. Источниковедческий анализ обязан показать эволюцию престольных предпочтений населения, которая отражает изменение мировосприятия жителей, например, в тесной связи со сменой хозяйственного уклада, или генезиса новых этнолокальных групп, или из-за церковно-культурных взаимовлияний, но чаще – через сложную комбинацию хотя бы этих основных факторов.

\* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Тем не менее, данный собственно источниковедческий подход к сфере сознания все равно остается гипотетичным. Верификацией ему служит комплексный подход к изучению прошлого: включение в анализ положительных наработок других научных дисциплин, особенно этнографии, лингвистики, фольклористики, археологии и антропологии.

**ЗВЕРЕВ Владимир Александрович**

*Государственный педагогический университет,  
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

### **ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА РЕПРОДУКТИВНЫЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ)**

Репродуктивный календарь – составная часть народного календаря, устойчивый и распространенный в конкретной социальной среде способ хронологической организации в течение календарного года детородного поведения людей. В России второй половины XIX – начала XX в. доминировали традиционные формы культуры и образа жизни людей, и важную роль в организации репродуктивного календаря играл религиозный фактор. Церковь санкционировала половые отношения в одни периоды и запрещала в другие – в посты, большие религиозные праздники.

Исторические источники показывают, что население Сибири признавало церковные рекомендации, но следовало им не очень строго. По статистике, основанной на данных метрических книг, можно установить характер воздействия многодневных постов – Великого и Рождественского – на цикличность зачатий и рождений. Через 9 месяцев после того и другого поста – в ноябре–декабре и сентябре – наступал спад количества рождений. В ноябре–декабре спад в некоторой степени объясняется биологической причиной – снижением способности женщин к оплодотворению в феврале–марте примерно на 14%. У православных жителей Томской губернии в 1870–1880 гг., у казачества Петропавловского уезда Акмолинской области в 1878–1887 гг. снижение рождаемости в конце года не превышало биологической нормы.

Однако в других случаях репродуктивная «яма» в ноябре–декабре была более глубокой: обнаруживается некоторая доля лиц, практиковавших абстиненцию во время Великого поста. В Барнауле в 1871–1874 гг. она составляла 13%. В 1902–1903 гг. великопостного воздержания строго придерживались в Тобольской губернии 10% всех жителей (11% сельчан, 5% горожан, 12% православных). В Енисейской губернии в те же годы показатели были меньшими: 6% всех жителей, 7% деревенских, 7% православных. В данном случае подсчеты производились путем сопоставления уровня рождаемости не в ноябре–декабре и январе, как предполагает известная методика Б. Н. Миронова, а в декабре и июле. Дело в том, что в 1902 и 1903 гг. Великий пост охватывал целиком

март и значительную часть апреля. Абстиненция понижала рождаемость в основном в декабре, но также и январе. Значит, в два этих года январь для сопоставления с декабрем не годится, и мы выбрали июль, в течение которого рождались младенцы, зачатые в октябре, не затронутым ни одним из многодневных постов.

**ЗЛАТАНОВИЧ Саня**

*Этнографический институт Сербской академии наук  
и искусств, г. Белград (Сербия)*

### **СВАДЬБА (ЧАСТНЫЙ РИТУАЛ НА СОЦИАЛЬНОЙ СЦЕНЕ) И АРТИКУЛЯЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ**

Свадьба является наиболее важным, разработанным и богатым по содержанию ритуалом жизненного цикла. Она в сжатой форме отражает общественную реальность – экономические, родственные и гендерные отношения, религиозные убеждения, и может быть охарактеризована как парадигматическое событие в культуре сербов. Свадебный ритуал, как особенно чувствительный инструмент, подмечает и выражает общественные тенденции и изменения.

Центральной темой в современной свадьбе, которая проявляется в самом ритуале и в сообщениях информантов, является проблема идентичности. Понятие идентичности непосредственно связано с понятием ритуала, так как ритуалы встроены в идентичность сообщества и служат для актуализации его сущностной характеристики. С другой стороны, оба понятия неразделимо связаны с понятием традиции, которая отражает прошлое и передает ценности от поколения к поколению. Современная свадьба является точкой пересечения этих трех понятий, так как по форме, по своему содержанию и важности она является подходящей для проблематизирования через нее разных видов идентичности (этнических, религиозных, местных, гендерных). Свадьба (частный ритуал на социальной сцене, сильно структурированный и разработанный, долго планирующийся и готовящийся) является подходящей формой для связи с традицией, а также для артикулирования и утверждения через неё этнической принадлежности.

Полевые исследования, которые лежат в основе этой работы, проведены в городе Вранье (южная Сербия).

**ЗОЛотова Татьяна Николаевна**

*Сибирский филиал Российского института  
культурологии, г. Омск*

### **МЕТОДИКА СБОРА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ**

В начале XXI века особенно актуальным становится вопрос об источниках этнографического исследования и методах сбора новых материалов по тра-

диционной и современной культуре различных этносов. Методы полевого сбора для этнографов многие годы остаются неизменными: интервьюирование, непосредственное включенное наблюдение, метод фиксации явлений культуры, который подразумевает запись на диктофон, фото- и видеокамеры, зарисовку предметов и явлений культуры.

В качестве информаторов для реконструкции праздничной культуры 30–40-х гг. XX в. выступают пожилые люди 70–90 лет, сохранившие в своей памяти картину событий из детских и юношеских воспоминаний. Существует также и пласт «вторичной» информации, относящейся к более раннему периоду существования явлений традиционной культуры. Эта информация поступает к нам от этих же информаторов, но со ссылкой на устные рассказы их родителей, бабушек и дедушек. К этому виду информации следует относиться более осторожно, поскольку она могла быть искажена при восприятии в детском возрасте и при длительном хранении в памяти. Для создания благорасположенности респондента по отношению к интервьюеру существует целый комплекс приемов, который у каждого этнографа свой и складывается годами. Этнограф в период работы с пожилыми людьми выполняет важную социальную функцию: он не только избавляет пожилого человека от чувства одиночества, но и помогает ему почувствовать свою значимость и необходимость его знаний для следующих поколений.

Методы традиционной полевой работы в сельской местности не всегда срабатывают в городских условиях. Для массовых опросов здесь следует использовать этносоциологический метод и метод углубленного интервью с представителями референтных групп. Нами разработана методика опроса среди городских жителей во время проведения городских праздников и праздничных богослужений, являющаяся наиболее эффективной вследствие особого психологического настроя информаторов. Достоверность собранных в ходе полевых сборов материалов должна быть обеспечена их массовостью и повторяемостью, а также – множественностью вариантов, которые способны коррелировать друг с другом.

Источниками информации по традиционным праздникам, помимо материалов опросов, выступают также данные районных, областных, всероссийских государственных и ведомственных архивов и музеев. Для исследования современных праздников могут стать полезными архивы районных и областных отделов культуры и образования, публикуемые ими отчеты, сценарии праздников и отчеты об их проведении студентами факультетов культуры и искусства различных вузов, а также – данные средств массовой информации (периодических изданий, радио, телевидения, Интернета). Новым источником информации по праздничной культуре становятся сайты сетевых сообществ. Появление новых видов источников информации требует выработки особых приемов их критики и верификации.

**ИВАНОВА-БУЧАТСКАЯ Юлия Валерьевна**  
*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **БАМБЕРГСКАЯ «ЗАНДКЕРВА»: ИЗУЧЕНИЕ НОВЫХ ПРАЗДНИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ\***

Темой сообщения выбран праздник, проводящийся ежегодно в августе в южнонемецком городе Бамберг (Верхняя Франкония). Название праздника (Sand-kirchweih, франконское диалектное -kerwa) и составные элементы (праздничная служба в церкви, шествие городских и ремесленных объединений, установка дерева-шеста с профессиональными знаками, обряд убивания петуха и т. д.) обнаруживают его принадлежность к кругу традиционных народных праздников годового цикла и одновременно – религиозных праздников: день освящения церкви, храмовый праздник.

*Зандкерва* впервые состоялась как праздник одной улицы г. Бамберг и расположенной на ней церкви в 1951 г. и с этого времени отмечается ежегодно. Уже год спустя праздник улицы расширился до масштабов города и за 60 лет своего существования превратился в один из символов идентификации с Бамбергом и регионом Верхней Франконии. Всего лишь полувековая история праздника позволяет отнести его к т. н. «изобретенным» или новым традициям.

Исследования культурных (в том числе праздничных) мероприятий в XX в. в Европе показывают, что их возникновение (или возрождение) правомерно рассматривать как феномен реализованной творческой инициативы узкой группы лиц в сочетании с финансовыми и рекламными интересами города или субъектов, расположенных в зоне проведения праздника. Этнографическое изучение подобных праздничных традиций и их функционирования в современном городском обществе ставит на первый план вопросы о причинах изобретения новых традиций; легализации инноваций через обоснование их «историчности»; роли праздника в формировании и демонстрации локальных и социальных идентичностей. Исследование построено на архивных документах и полевых материалах автора 2008–2010 гг.

**ИВАНОВИЧ-БАРИШИЧ Милина**

*Этнографический институт Сербской академии наук и искусств, г. Белград (Сербия)*

### **СЛЕДЫ ПРОШЛОГО ИЛИ ПРАЗДНИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В СЕРБИИ**

В докладе рассмотрены праздники, бытовавшие в Сербии во второй половине XX в., причины их возникновения, а также некоторые факторы, повлиявшие на их исчезновение.

\* Исследование было поддержано грантом немецкого фонда *Gemeinnützige Hertie-Stiftung*.

В последние шесть десятилетий праздники в значительной степени были согласованы с потребностями югославского/сербского сообщества. Этот период можно подразделить на несколько этапов: 1) доминирование традиционных праздников календарного цикла; 2) новые праздники, которые учредило социалистическое правительство; 3) отмена некоторых праздников, которые существовали во время социализма; 4) реконструкция традиционных праздников и маргинализация праздников бывшего югославского государства; 5) очередное доминирование традиционных праздников и установление новых государственных праздников.

Праздники, которые вошли в календарь в 1950-х гг., были в значительной степени связаны с городской средой, проникнутой духом индустриализации. В разработке содержания новых праздников стремились к тому, чтобы оно, как полагали, стало адекватной заменой традиционным праздникам. В деревне, однако, традиционные праздники продолжали доминировать. Образ жизни и повседневные перемены были причиной значительного адаптирования празднования к новому быту.

#### **КОНКА Алексей Петрович**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

#### **ЛЕГЕНДА И ОБРЯД: КАЛЕНДАРНЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА\***

На обширной территории севера Восточной Европы еще во второй половине XIX и начале XX вв. происходили календарные жертвоприношения животных, носившие общественный характер.

Временем проведения обряда были лето и осень, особенная концентрация наблюдалась в июле и августе. Жертвоприношения, как правило, проводились в почитаемых жертвенных рощах, частью которых были старые кладбища, или в «священных местах» на берегах озер и рек или на островах. Среди причин возникновения обряда называют жертвоприношение по обету в связи с эпизоотиями, гибелью скота от хищников, несчастьями в семье и роде, болезнями людей, неурожаями, засухой, пожарами и др., а также действия, направленные на охранение от этих бед в будущем.

Заклание животных (ими могли быть быки, коровы, бараны, овцы, лесные птицы) происходило в роще или на берегу водоема, на рассвете (кровь выливалась на стену часовни или под крыльцо), после чего в котлах варилось мясо, которое расхватывалось участниками («хватание мяса»). Остатки трапезы и кости животных зарывались в землю, вывешивались на деревья или топились в воде. После трапезы, на которую се-

мы могли приходить со своей посудой и котлами, устраивались увеселения (танцы, игры), иногда скачки на лошадях. Для многих обрядовых действий было характерно соревнование (добыча «доли»).

Обряд жертвоприношения зачастую сопровождался легендой о приходившем (иногда – приплывавшем) на место проведения обряда белом олене (лосе), который добровольно отдавался на заклание. Упоминались также лебеди и другие крупные птицы. В своей мифологической основе праздник восходил к периодическим церемониям по установлению контакта с высшими природными силами (характерный цвет жертвы – белый, т. е. небесный) и был направлен на восстановление поголовья промыслового зверя. Кроме того, жертва символизировала Мировое животное и всю Вселенную, которая перерождалась через жертвоприношение. Иллюстрацией подобного мировоззрения могут быть карельские руны о жертвоприношении Большого быка или Большой свиньи (кабана).

#### **КОРНЕВА Валерия Юрьевна**

*Институт искусств и культуры Томского государственного университета, г. Томск*

#### **ЗНАКИ ЗЕРНОВОГО КОДА В ТРАДИЦИОННОМ РУССКОМ КАЛЕНДАРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI В.)\***

Ритуальный «текст» календаря русских центрального и Сибирского регионов пронизан функционированием совокупности знаков зернового кода. Он представлен в двух разновидностях: ботанической, т. е. с использованием зерновых растений (пшеницы, ржи, овса и др.), не обработанных для потребления в пищу и представленных в форме зерна, колоса, соломы, нивы, стерни; и кулинарной – зерновых блюд. Многообразие действий с зерновыми охватывало все сезонные циклы и большинство праздников народного календаря.

Знаки, функционирующие в ритуалах, – этнодифференцирующие признаки культуры. В силу своего земледельческого происхождения она наделила смыслообразующей ролью зерно и его обработанные человеком производные – хлеб, кутью, кашу, блины, снопы, сено и др. Их бытование в календаре служило средством существования и трансляции культуры. Попадая в ритуал, знаки передавали в символической форме смыслы и суть культуры. Доминирующая область традиционного мировоззрения, обслуживаемая знаками кода, касалась антропосоциальной сферы – нужд человека и коллектива. В меньшей степени знаки были задействованы в земледельческой сфере, минимально – в скотоводческой. Мировоззренческие темы, обслуживаемые знаками, – покровительство предков, социальные переходы в коллективе, узнавание будущего и его моделирование,

\* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

\* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ проект №10-01-64104 а/Т.



положительное воздействие на урожай и его защита, обозначение циклов земледелия, позитивное воздействие на животных и их защиту и др.

В большинстве случаев символика зерновых имела «положительное» поле значений, связанное с достатком, жизненностью, новой долей и т. п., кодировавшееся в ритуалах и реализовывавшееся магически по отношению к человеку и тому, что было важным для него.

#### **КРАСИКОВ Михаил Михайлович**

*Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», г. Харьков (Украина)*

### **НОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ: ПРАЗДНОВАНИЕ СОРОКАЛЕТИЯ**

Сорокалетие – дата, которую повсеместно в Украине и России побаиваются: отмечать ее не рекомендуется, а если где-то и допускается празднование, то не «день в день» и очень тихо. Считается, что «40 лет – как 40 дней»: ассоциация с поминальной обрядностью породила рассказы о том, как человек отметил 40 лет и вскоре умер.

Однако в течение последних 20 лет в некоторых регионах Полтавщины и Сумщины сложилась новая традиция: 40 лет отмечается как кардинальный момент сексуальной жизни человека. После изрядного угощения происходит шуточное театрализованное действо, причем разное по содержанию при праздновании дня рождения мужчины или женщины. Оба гендерных варианта основаны на популярных в этих краях поговорках: «Сорок літ кабаці – викинь її собаці» и «Сорок літ пізді – держи її в узді». Согласно заложенным в этих максимах противоположным интенциям (конец сексуальной жизни для мужчины и расцвет сексуальной активности для женщины) строится и семантика обряда: мужчине отрубают топором «детородный орган» (привязанную к трусам колбасу или другой аналог), что сопровождается стеланиями супруги. В ряде случаев проводится ассоциация с обрезкой дерева, то есть смысл «обрезания» видится в притоке новых сексуальных сил. Женщину «взнуздывают», как бы запрягая ее (она, естественно, вырывается), и при этом непременно вешают замок (амбарный) там, «откуда ноги растут».

#### **КУРМАНОВА Сулушаш Рахимжановна**

*Государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск*

### **ПРАЗДНИЧНАЯ ПИЩА НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Одним из важных аспектов питания является символичность, знаковость. Многие блюда немецкого населения Западной Сибири имеют статус этнических символов, заключающих в себе определенное смысловое содержание.

У немцев Сибири необходимую принадлежность праздничного стола составляли хлеб, блюда из сви-

нины, квашеная капуста и другие, имевшие символическое значение. Хлеб – сакральный предмет, обладающий многозначной символикой. У немцев хлеб во все времена был символом богатства и благополучия. Семантика хлеба включала в себя также представления о жизни и воскрешении. В той или иной форме хлеб присутствовал во всех праздниках немцев. К примеру, в свадебной обрядности он символизировал богатство и счастье будущей семьи.

Употребление немцами свинины на немецких праздниках весьма обширно. Во всех немецких населенных пунктах Западной Сибири к праздничному столу подают жирную свинину. Согласно народным представлениям, блюда из свинины должны способствовать магическим образом плодородию, хорошему приплоду скота, так как из всех животных именно свинья является наиболее плодородной. Кроме того, блюда из свинины отвечают более общей идее достижения счастья и благополучия. У немцев даже есть пословица: «Schwein haben», что переводится как «иметь свинью», а означает «иметь счастье».

Квашеной капусте (*Sauerkohl, Sauerkraut*) немцы приписывали целебные свойства и обязательно ставили ее на стол. По поверью, тот, кто ест кислую капусту в Рождество Христово, весь год будет здоровым. Когда хотят пожелать кому-нибудь счастья, говорят «Leb wohl, ess Kohl» («Живи хорошо, ешь капусту»).

#### **КУХАРОНАК Татьяна Ивановна**

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

### **КАЛЕНДАРНЫЙ ПРАЗДНИК КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ)**

На основе разнообразных материалов, в том числе записанных в экспедициях, исследованы традиционные календарные праздники и обряды белорусов, являющиеся самобытными памятниками историко-культурного нематериального наследия. Нами охарактеризовано нематериальное наследие как правовая категория, проанализировано современное состояние и перспективы улучшения законодательной охраны нематериального историко-культурного наследия в Беларуси.

Республика Беларусь, одна из первых подписавшая «Международную конвенцию об охране нематериального культурного наследия», принятую в октябре 2003 г. в Париже на Генеральной ассамблее ЮНЕСКО, стремится следовать наметившейся общемировой тенденции по охране культурного разнообразия. На примере восьми обрядов: «Калядныя цары», «Шчодрок», «Жаніцьба Цярэшкі», «Намскі Вялікдзень», «Тураўскі карагод», «Юр'я», «Ваджэне і пахаванне страль», «Варвараўская свечка», получивших статус историко-культурной нематериальной ценности Республики Беларусь и взятых под охрану государства, рассмотрены критерии выделения, перспективы сохранения и полноценного функционирования календарных праздни-

ков и обрядов в современных условиях белорусской деревни.

**ЛОГИНОВ Константин Кузьмич**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### **ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СВЯТОЧНОЙ ОБЯДНОСТИ У НАРОДОВ КАРЕЛИИ\***

В традиционный святочный празднично-обрядовый цикл карелов, вепсов и русских Карелии входили такие основные компоненты, как запреты на некоторые виды повседневной деятельности, обрядовая пища, гостьба девушек на выданье в чужих деревнях, специфически «святочные» беседы, хождения ряжеными, гадания, прославления Христа, обряды повышения девичьей славы и приближения замужества, а также очистительные действия в ночь на Богоявление (Крещение Господне). Каждый из указанных компонентов обнаруживает в себе как черты несомненного сходства, так и весьма существенные различия. Наименьшие черты сходства проявляются в народных представлениях о святочных духах, с одной стороны, русских, с другой – вепсов, а особенно карелов. Народные представления о длительности пребывания этих духов на Земле определяли длительность периода зимних святок у разных групп коренных народов Карелии. Вместо «классического» для православных крестьян двухнедельного периода, у поморов святочные увеселения молодежи продолжались 5 недель, у русских южной Карелии и некоторых групп карелов – 4 недели. Черты сходства и различий внутри каждого из основных компонентов святочной обрядности выявляются методом сравнительного анализа. Исполнение обрядов и обычаев любого из указанных компонентов однозначно указывало, что святки уже начались или еще продолжаются.

**ЛУГУЕВ А. С.**

*Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

### **О ТРАДИЦИОННОМ ПРАЗДНИКЕ «ДЕНЬ БАЗАРА» В ДАГЕСТАНЕ**

Полевой этнографический материал позволяет создать представление о традиционных праздниках у народов Дагестана, приуроченных ко дню условного открытия базара.

На кумухском базаре (лакцы) через 10–15 дней после наступления нового года по народному календарю, в начале апреля, с раннего утра устраивались увеселения: песни в исполнении певцов и певиц, танцы, выступления ряженных. Местный чауш (глашатай) призывал юношей и молодых мужчин испытать ловкость и силу в единоборстве с кумухскими борцами. Показать свои умения в танцах и в исполнении песен могли любые посетители базара, любой нацио-

нальности. В этот день было принято раздавать пришедшим на базар в небольших количествах лепешки, чуреки, мясо, курдюк, сыр, сухофрукты и проч. Незадолго до полуденной молитвы кто-либо из кумухских старейшин объявлял праздник закрытым, благодарил собравшихся за участие в нем и призывал к честной торговле, к соблюдению взаимного уважения между продавцами и покупателями. После этого начинался обычный базарный, торговый день.

Подобного рода праздничные увеселения проводились и на акушинском базаре (даргинцы), они приурочивались к периоду окончания сельскохозяйственных работ. У ботлихцев в «день базара» веселье и развлечения длились весь световой день: до полудня – на площади, а затем – в домах местных жителей, приглашавших к себе в гости приезжих и пришедших. Особенно большое оживление и веселье царило на большом андрейаульском базаре, куда стекались торговцы не только из различных районов Дагестана, но и из Северного Кавказа и Закавказья.

Вероятно «базарные праздники» организовывались и в других торговых центрах Дагестана, но сведения о них в дагестановедческой литературе не встречаются.

**МАРДОСА Йонас**

*Педагогический университет, г. Вильнюс (Литва)*

### **СОВРЕМЕННЫЙ АРЕАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВИЛЬНЮССКИХ ВЕРБ**

*Вильнюсские вербы* – плетенный из высушенных растений религиозный символ и изделие народного искусства. Истоками традиция изготовления *Вильнюсских верб* уходит в середину XIX в. Традиционно *Вильнюсские вербы* распространяли во время ярмарки *Казюкаса* (в день святого Казимира 4 марта) и во время Вербного воскресенья. Продолжительное время вербы функционировали в Вильнюсе и окрестностях Вильнюса как образец локальной католической религиозной и народной культуры поляков Юго-Восточной Литвы. В ходе антирелигиозной пропаганды во второй половине XX в. усилился подход к *Вильнюсским вербам* как народному декоративно-прикладному творчеству литовцев. Поэтому ареал изготовления и применения в быту *Вильнюсских верб* расширился. Как религиозный символ в постсоветский период, *Вильнюсские вербы* во время Вербного воскресенья стали символом праздничной культуры и в других регионах Литвы.

В последние десятилетия XX в. ареал функционирования *Вильнюсских верб* расширился: за пределами Литвы их стали активно изготавливать в Польше и, в меньшей степени, – в Западной Беларуси. В контексте Вербного воскресенья данные вербы имеют спрос в католической среде как символ религиозной культуры поляков Литвы. Таким образом, в условиях современности локальный образец праздничной народной культуры расширил ареал функционирования. Тем самым сохранилась тесная связь *Вильнюсских верб* с польской средой изготовления. Однако

\* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

факт существования вербы в качестве составной части литовского народного искусства позволяет судить о значимости *Вильнюсских верб* в формировании культурной и религиозной идентичности поляков и литовцев.

**МИРОНОВА Валентина Петровна**

*Институт языка, литературы и истории*

*Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### **ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)\***

Середина, а затем вторая половина XX в. внесли колоссальные перемены в жизнь карельского населения. В первую очередь эти изменения связаны с ассимиляцией коренных народов, происходившей в ходе коллективизации, эвакуации во время Великой Отечественной войны и укрупнения деревень. В этой связи огромный интерес представляет праздничная культура карельской деревни, впитавшая в себя элементы архаичных языческих праздников, формы проведения церковных и советских праздников. В ходе полевых исследований удастся зафиксировать материал, отражающий традицию проведения «деревенских праздников» с институтом гостевания родственников. В народной памяти сохранились описания молодежных гуляний с песнями и танцами. Праздничный календарь каждой деревни включал престольные и часовенные праздники. В советское время они ушли из широкого обихода, отмечались, в основном, в узком кругу родственников или жителями некоторых деревень. Встречаются случаи, когда «деревенские праздники» приобрели новую форму. На подобных мероприятиях силами работников культуры устраивались концерты, организовывалась торговля. В послевоенные годы довольно стремительно широкое распространение получили новые праздники: Новый год, 1 мая, День Победы и т. д., которые стали неотъемлемой частью народной культуры в целом. В настоящее время праздничная культура переживает период расцвета: с одной стороны, наблюдается восстановление часовен и церквей и, как следствие, возобновление престольных и часовенных праздников. С другой стороны, отмечается реконструкция такой части «деревенских праздников», как коллективные гуляния, народные песни и игры.

**МИШУРИНСКАЯ Любовь Игоревна**

*Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург*

### **СВАДЕБНЫХ ТРАДИЦИИ КАЗАНСКИХ ТАТАР И МИШАРЕЙ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ (XIX – НАЧАЛО XXI в.)**

Традиционный свадебный ритуал татар Среднего Поволжья и Приуралья из всех семейно-бытовых об-

рядов демонстрирует наибольшую вариативность. Каждая этническая, субэтническая или территориальная группа имела в прошлом свой свадебный комплекс с характерным для нее специфическим набором обрядов. В течение XX в., пройдя стадию почти полной деритуализации и вытеснения традиционной обрядности советской в 1920–1930-е гг. и частичного возрождения в 1950–1970-е гг., татарская свадьба вошла в современную фазу своего развития. Собранный в 2004–2008 гг. материал свидетельствует в пользу создания синкретической модели свадебного ритуала на базе однотипных в прошлом компонентов - религиозной стороны бракосочетания, сватовства и сговора, обрядов встречи невесты в доме жениха. Из ритуала исчезают компоненты, связанные с узкими локальными традициями. Начиная с 1990-х гг. в обследованных районах наметилась тенденция к образованию татарской свадьбы единого образца. Однако нельзя не учитывать роль городского интернационального влияния на организацию торжества. Темп отмирания отдельных локальных традиций сравним с темпом европеизации культуры в целом. Вопрос о том насколько новая модель окажется жизнеспособной и сможет противостоять урбанистическим тенденциям остается открытым.

**ПАЛИКОВА Татьяна Вадимовна**

*Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ*

### **ОТПУСК КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАЗДНИКА**

Любой отдых уже праздник. Особенно в России, где издавна любили и знали толк в празднествах. Данная аналогия, на наш взгляд, станет более выпуклой, если мы будем учитывать два обстоятельства: во-первых, во второй половине XIX – начале XX в. отпуск в Сибири полагался не более, чем раз в два года, а во-вторых – когда в отпуск увольнялся профессионал с ненормированным рабочим днем.

На основе теоретических построений М. М. Бахтина и исследователей-этнографов Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой, привлекая воспоминания современников (верхнеудинца М. В. Танского), находящегося в Национальном архиве Республики Бурятия (НАРБ), мы, проводя сравнительный анализ праздника и отпуска, выявляем совпадение позиций по ряду основных критериев.

Жизнь человека включает в себя два неравных по длительности периода: время работы и время отдыха. Любая концепция праздника рассматривает его как «выпадение» из общего ритма жизни. Праздничный комплекс второй половины XIX – начала XX в. состоял из торжественно-официального, массово-развлекательного, домашне-бытового компонентов. Праздник делился на несколько этапов: подготовка, «введение в торжество», празднество. Он закреплял социальное неравенство.

Отпуск требует предварительной подготовки, прерывает обычный трудовой ритм, наполняет жизнь беспечностью, вырабатывает определенную специфическую жизненную стилистику, карнально теат-

\* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

рален по сути, имеет сословный характер, многофункционален (эстетично-эмоционален и познавателен), оставляет долгую память о себе. Все это вместе взятое, позволяет рассматривать отпуск как разновидность праздника.

**ПЕТРОВА Елена Валентиновна**

*Национальный университет им. И. И. Мечникова,  
г. Одесса (Украина)*

**ВЕРБАЛЬНЫЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ  
ТЕКСТЫ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТОК  
КАК ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ИСТОЧНИК  
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ПРАЗДНИКОВ  
(НА ПРИМЕРЕ ЭКЗЕМПЛОВ XX–XXI вв.)**

Предметом данного исследования является описание одного из видов эпистолярных источников, сложившегося вокруг личных праздников – поздравительных открыток. Регулярное воспроизведение практик Дня рождения и именин закрепило за ними целый корпус специальных текстов, которые могут рассматриваться как контекст для современного ритуала и как фон для его изучения.

Наше исследование строится по хронологическому принципу: от появления первых карточек к указанным праздникам в начале XX века до современных экземпляров с выделением в отдельный блок реалий советского периода. В каждом историческом срезе (дореволюционный, советский и постсоветский) характеризуется структура и виды поздравительных текстов, мотивы пожеланий, выводится типология изобразительных стандартов, рассматривается роль и значение открытки в ритуале.

Материалом для анализа послужили тексты поздравлений и изображений 28 дореволюционных, 260 советских и более 400 современных открыток, собранных и обработанных нами в процессе исследования.

**ПОПОВА Елена Александровна**

*Государственный университет, г. Воронеж*

**СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД  
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕГО  
СОХРАННОСТЬ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ФОНДЕ  
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ**

Воронежский свадебный обряд является одним из вариантов южного архетипа русской свадьбы. До наших дней свадебный ритуал дошел в сильно измененном виде по сравнению с исконным обликом, были утрачены многие черты обряда. На сегодняшний день одним из основных источников информации о традиционном облике обрядов является живая речь диалектоносителей. Большую роль в изучении традиционной культуры играют областные словари, в которых обобщены данные региональных этнолингвистических исследований.

В нашем исследовании мы обратились к свадебному обряду и проанализировали лексику темати-

ческой группы «свадьба». В результате были выявлены лексемы и фразеологические конструкции, толкования которых в контексте живой устной речи помогают восстановить традиционный облик ритуала: наименования этапов проведения обряда, участников свадебного действия, символических предметов и атрибутов свадьбы. Многообразные семантические параллели с соответствующей лексикой Курской, Орловской областей органично вписывают воронежский ритуал в южнорусский архетип свадьбы, а параллели с лексикой северных областей свидетельствуют о всеобщем характере основ свадебной обрядности и об известном консерватизме традиций на территории России. Примечательно, что лексический фонд говоров зачастую является единственным местом бытования тех или иных элементов обряда, а значит, подлежит всестороннему изучению как средство сохранения нашего культурного наследия.

**ТЕУШ Ольга Анатольевна,  
ПОНУРКО Ксения Олеговна**

*Уральский государственный университет  
им. А. М. Горького, г. Екатеринбург*

**ОБРЯД ХОЖДЕНИЯ С ВЕРТЕПОМ:  
РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА  
(НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВА  
В. И. ПОНОМАРЕВА, ГОРОД ЛАЛЬСК, XIX в.)\***

Бытование обряда хождения с вертепом в заштатном городе Лальске до начала XX века отражено в материалах песенно-вокального архива В. И. Пономарева, уроженца Лальска. Тексты, относящиеся к лальскому святочному обряду хождения с вертепом, включают духовные стихи, канты, песни, стихотворения, былинку «Сокол-корабль». Имеются также несколько нотных записей, рисунок вертепного ящика, описание обряда. Сам обряд хождения, по материалам архива, представляет собой вечерний обход ярко освещенных домов группой людей, искусных в пении, в период от Рождества Христова до Нового года. Прежде чем делать обход, певцы зажигают свечу в вертепе. Подойдя к дому, один из певцов спрашивает у хозяина: «Не угодно ли с вертепом?» Получив согласие, начинают петь, за что по окончании получают различную плату.

Лальский обряд предполагал новую конструкцию вертепного ящика, который использовался не для кукольного театра, а в качестве атрибута при пении, по большей части, религиозных текстов. Имеется жанровое своеобразие исполняемых текстов, объединенных сферой нравственности. В лальском варианте обряда утрачена театральность представления: отсутствовали отдельные роли во время исполнения, которое стало хоровым.

\* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

**ФИЛИМОНЧИК Светлана Николаевна**

*Петрозаводский государственный университет,  
г. Петрозаводск*

### ГОРОДСКАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ 1920–1930-х гг.

Свидетельством стабилизации жизни в 1920-е гг. стало возрождение массовых праздников. Главными оставались церковные праздники. Новые праздники приурочивались к привычным дням отдыха. В их проведении использовались дореволюционные традиции. Официальная часть праздника включала торжественное собрание в правительственных зданиях, неофициальная – развлечения и зрелища в парках культуры, на городских площадях.

Верность революции символизировали массовые шествия горожан по украшенным красными флагами, транспарантами центральным улицам с посещением братской могилы павших борцов. Готовность к борьбе с мировым капиталом показывали военные парады национального егерского батальона. В демонстрациях участвовали сводные отряды участников Гражданской войны. Под крики «Долой!» на погребальных дорогах везли карнавальные фигуры капиталистов. В ночь на 1 августа 1929 г. в Петрозаводске прошла массовая инсценировка «В 15-й год мировой бойни будь готов защищать СССР!». Важным способом пропаганды достижений социалистического строительства стали юбилеи карельской государственности. К праздникам приурочивалось открытие новых предприятий и учреждений культуры.

Все больше горожан становились участниками праздников. В дни 15-летия Карельской автономии прошла олимпиада художественной самодеятельности, в которой участвовали театральные коллективы, агитбригады, оркестры, хоры. Премирование передовиков, подарки, продажа продуктов по сниженным ценам позволяли организовать домашнее застолье и сделать праздник семейным. Власти стремились широко вовлечь в праздничные мероприятия молодежь. Это делало праздники эмоциональными, зрелищными и давало надежду, что в будущем новые праздники станут неотъемлемой частью жизни народа.

**ХОДЖАЕВА Екатерина Анисовна**

*Государственный технический университет, г. Казань*

### ПРАЗДНИЧНАЯ КУХНЯ В ТАТАРСТАНЕ ПО ДАННЫМ МАССОВЫХ ОПРОСОВ 2000-х гг.\*

Праздничные блюда, являясь элементом повседневной жизни, могут служить индикатором разнообразных явлений и процессов. Например, в массовых социологических опросах, проведенных в 2001 г. и в 2010 г., задавая открытый вопрос «Какие блюда чаще всего готовятся в Вашей семье в праздничные и выходные дни?», мы хотели понять, про-

является ли этническая идентичность в бытовом поведении татарстанцев. Оказалось, что и татары, и русские в своем большинстве готовят на праздники очень схожие блюда, доставшиеся им «в наследство» от советской культуры (салаты, пельмени и пр.). Респонденты-татары в большей степени, нежели русские, оказываются ориентированными на этническую кухню. Также определенная часть русских (в 2010 г. до 13%) предпочитает готовить на праздник традиционные блюда татарской кухни, что может служить индикатором открытости границ между этими двумя культурами в повседневной жизни. Одновременно прослеживается готовность татарстанцев перенять восточную и западную кулинарию. Нами предпринята попытка представить эмпирическую типологию праздничной кухни, не только в зависимости от этнической принадлежности респондента, но и от стиля его жизни и социально-демографического портрета. В исследовании использованы результаты наблюдений за свадебными торжествами в Казани и интервью с организаторами свадебных торжеств с целью анализа «гибридизации» праздничной кухни.

**ЧЕТИНА Елена Михайловна**

*Государственный университет, г. Пермь*

### ПРАЗДНИК КАК «СОБЫТИЕ» И «ЗРЕЛИЩЕ» В СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИКАМЬЯ

В ходе полевых исследований на территории Прикамского региона нами зафиксирован ряд традиционных праздников, для которых характерна редукция ритуальной составляющей («Плэшка», Семик, престольные праздники). Несмотря на то, что культовый смысл коллективной обрядности часто утрачен, праздник воспринимается как одно из главных событий крестьянского мира. Ведущими элементами праздничной структуры являются не ритуальные компоненты, но рекреационный момент, существенный и для поминальных праздников, а также «разыгрывание» и закрепление гендерных и возрастных статусов, переживание которых актуализируется во время праздника, фактор локализации, демонстрирующий связь с природным ландшафтом.

Распространение в современном культурном пространстве реконструированных праздников (Иванов день, Ильин день, «Быкобой») и фестивальных обрядовых реконструкций помогает поддерживать интерес к родной культуре и представить культурную самобытность региона. В то же время, отсутствие коллективных обрядовых «метамеханизмов» (в том числе ритуализации «статусов» и «идентичностей») приводит к тому, что праздник не становится переживаемым событием, а превращается в демонстрируемое фольклорными ансамблями «зрелище», утрачивающее традиционные социальные функции. Праздник-«зрелище» активно используется в агитационных предвыборных практиках и становится одним из элементов политической реальности.

\* Тезисы подготовлены в рамках проекта «Многообразие в интеграции: этнокультурные и общероссийская идентичности в региональном контексте (на примере Республики Татарстан)», РГНФ, №10-03-00037а.

**ШАРАПОВА Ильдусья Рамзисовна**

*Башкирский государственный университет, г. Уфа*

**ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ  
ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА**

В 2010 г. увидел свет последний том научного свода «Башкирское народное творчество» на русском языке в 12 томах. В нем даны подробные описания как традиционных сезонно-временных праздников башкир («Нардуган», «Науруз», «Кукушкин чай», «Воронья каша», «Праздник щавеля», «Сабантуй», продолжающих бытовать и в наши дни, так и «забытых» типа «Медвежья свадьба».

О происхождении праздника у башкир имеется легенда и в книге «Легенды и предания» выше-названного научного свода.

Сведения о праздниках обнаруживаются и в текстах фольклорных произведений, в частности эпосах «Урал-батыр», «Кузыйкурпес и Маянхылу» и других, сказках.

**ШЕЙБАК Вадим Викторович**

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора  
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

**МОНАСТЫРСКИЙ ПРАЗДНИК  
В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ  
КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ**

В белорусской этнологии вопрос о том, какое место занимает монастырский праздник в системе традиционной культуры народа, является малоизученным. Вместе с тем, этнологические исследования религиозных, в том числе и праздничных, традиций не теряют актуальности. Рассматривая монастырский праздник в контексте культуры этноса, мы пытаемся заполнить одну из существующих лакун, предложить новый подход в исследовании проблемы, прежде относящейся к компетенции преимущественно церковных историков.

Отмечаемые в православных, католических и униатских монастырях Беларуси праздники (календарные, храмовые или престольные, дни памяти святых и явленных чудотворных икон) имели большое значение в равной степени как для общин монашествующих, так и верующих-мирян. Традиционно в народной среде к празднику в той или иной обители приурочивались паломничества (хождения на богомолье, крестные ходы, процессии), знаменующие выход из повседневности и движение к сакральному центру. Во время празднества паломниками (пилигримами, богомольцами) осуществлялось поклонение монастырским святыням (чтимым образам, мощам святых и пр.), выполнялись установленные церковью

обряды (таинства покаяния и причащения), вносились жертвоприношения. Очищение от грехов посредством исполнения ритуально-обрядовых предписаний в стенах обители (святом для верующих месте) в праздничные дни не только одобрялось общественным мнением, но во многих случаях признавалось необходимым. Стремление к спасению души или получению божественной помощи консолидировало в такие дни представителей различных социальных слоев и профессиональных групп (белорусских крестьян, мещан, священников, шляхтичей и др.).

**ШУТОВА Надежда Ивановна**

*Удмуртский институт истории, языка и литературы  
УрО РАН, г. Ижевск*

**ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК АКАШКА БЫДЗЫМ  
НУНАЛ ЗАВЯТСКИХ УДМУРТОВ:  
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Празднование начала нового года по народному календарю *Акашка/Быдзым нунал* (Пасха/Великий день) представляло собой целый комплекс обрядовых церемоний и существенно варьировалось среди разных локальных групп удмуртского населения по терминологии, срокам и последовательности проведения, по характеру и семантике отдельных ритуалов. К этой теме проявляли интерес путешественники и исследователи с конца XVIII в. (П. С. Паллас, И. В. Яковлев, Г. Е. Верещагин, Н. Г. Первухин, В. Е. Владыкин, Т. Г. Владыкина, И. М. Нуриева, А. В. Черных и др.). Наиболее полным выглядит описание и анализ празднования Великого дня закамскими удмуртами, проживающими в северных районах Башкортостана и на юге Пермского края (Т. Г. Миннихметова).

Праздник *Акашка* завятских (арских) удмуртов северных районов Татарстана продолжался примерно две недели и включал цикл взаимосвязанных и последовательных празднично-обрядовых мероприятий, направленных на очищение и воссоздание нового сакрального пространства и времени как залога будущего благополучия людей. В синкретичной по содержанию, структуре, акциональному и вербальному оформлению праздничных гуляний и обрядов, приуроченных к Великому дню, вычлениваются четыре хронологических пласта. Наиболее архаичные элементы восходят к традиции древнего лесного пермского населения; группа черт имеет истоки в тюрко-монгольской среде Саяно-Алтайского нагорья; отдельные параллели связывают удмуртский праздник с земледельческой праздничной культурой болгар; поздние наслоения являются собой результат воздействия русского православия.

## Секция 6. ЦВЕТ И КРАСКА В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Руководитель: д.культурол. Серов Николай Викторович (Санкт-Петербург)

**АЛЕКСЕЕНКО Евгения Алексеевна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### ЦВЕТ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ КЕТОВ

Основное ядро в хроматическом сегменте культурной традиции кетов составляют белый, черный и красно-желтый (охра) цвета. В картине мира они маркируют структурно различные положительные или отрицательные части мироздания. Направленностью силам того или иного мира определялся цвет жертвенного животного (олень, собака), прикладов тканей, даримых при обрядах обновления семейным охранителям, и т. п. Семантическая оппозиция белое-черное маркирует связь с верхним и нижним мирами.

До повсеместного распространения русского слова «краска» в этом общем значении употреблялся номинант с'ук («охра»). С этим же корнем использовался и глагол «красить», но лишь в том случае, если речь шла о красном цвете (Вернер, 1993, с. 197). Цвет охры в хроматическом варианте мироздания у кетов был, также как и белый, символом сакральной верхней сферы. С одним из месторождений минерала в береговых россыпях вблизи Осиновского порога на Енисее связаны базисные для кетов мифологические сюжеты.

Отражен в них и мотив красного цвета. Цвет охры обеспечивал ей большую культовую значимость, прежде всего, в шаманстве (знаки-изображения на бубне, колотушке, наддверных дощечках и т. д.). Слово «красный» (*сулем*) и близкие значения включают корневую основу *суль* – «кровь» (ср. *сулянг* – артерия, *анг* – «веревка»). Семантика цвета обусловила особую идеологию мифологического места красного. В числе жертвенных прикладов красная ткань исключалась. Неприязнь к красному цвету выделяла кетов среди сибирских соседей – тунгусов, самодийцев, угров.

**БРЕСЛАВ Григорий Эммануилович**

*Санкт-Петербургский институт гостеприимства,  
г. Санкт-Петербург*

### ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТО-АРОМАТИЧЕСКИХ СООТНОШЕНИЙ

Восприятие цвета происходит на нескольких уровнях психики: на бессознательном уровне цвет воспринимается как миф и символ, на уровне предсознания – как аллегория, и на вербальном уровне – как метафора.

Казалось, что восприятие цвета и запаха с возрастом меняется, в основном, лишь на сознательном и предсознательном уровнях, а бессознательно человек

воспринимает их всегда одинаково. Однако исследование цвето-ароматических соотношений в двух разных возрастных группах показало, что это не так.

Исследовались ответы 256 респондентов двух разных возрастных групп (до 25 лет и старше 40 лет), которые отвечали на вопрос: какие запахи ассоциируются у них с основными цветами спектра.

Как оказалось, более молодые респонденты менее четко связывали основные цвета хроматического спектра с различными группами запахов. С одним и тем же цветом они ассоциировали гораздо большее количество запахов, чем лица более старшего возраста. Особенно это касается активных секторов хроматического круга – красного и желтого. С ними связывались до шести самых разных запахов, причем из разных концов ароматического спектра – в частности, они нередко ассоциировали с красным цветом фруктовый и морской запахи.

В то же время более зрелые респонденты ассоциировали с каждым цветом не более трех запахов, причем из соседних секторов ароматического спектра. С тем же красным цветом, например, соотносились фруктовые и цветочные запахи.

**ВИТЕНКОВА Ирина Филипповна**

*Институт языка, литературы и истории  
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ КРАСОК ДРЕВНИМ НАСЕЛЕНИЕМ КАРЕЛИИ

Культурный слой древних поселений Карелии обычно окрашен в яркие цвета – от розовато-оранжевого до темно-красного. Анализы показали, что причина в проникновении в песок частиц охры (минеральной краски, состоящей из смеси окиси железа с глиноземом). Особенно ярко окрашены заполнения жилищных впадин, некоторые хозяйственные ямы, погребения. Кроме того, на многих поселениях каменного века встречаются такие артефакты, как куски твердой охры и абразивы – краскотерки.

На поселении бассейна Онежского озера Черная Губа IV, у очага обнаружен большой глиняный горшок, заполненный охрой. На соседнем памятнике, также у очага, найден сосуд, украшенный изображениями лебедей, со следами красной охры на стенках. Причем, на других сосудах этого поселения окраски нет. Неясно, использовалась ли охра для окрашивания тел обитателей (охра в смеси с жиром могла служить средством защиты от гноса).

Традиция использования красной минеральной краски для того, чтобы отметить какие-то особые объекты была широко распространенной и чрезвычайно длительной. Ее можно назвать одной из наиболее устойчивых традиций. Возникает вопрос – в чем ее смысл? По мнению большинства археологов,

красный цвет символизирует жизнь, кровь, силу. Использование охры способствовало и ее доступность в условиях Карелии.

Посыпка пола жилищ или погребений могла символически означать защиту обитателей или способствовать возрождению умершего к новой жизни. К сожалению, перейти от предположений к доказательствам в археологическом исследовании нелегко.

**ВОДОВОЗОВА Ирина Викторовна**

*Областной методический центр народной культуры,  
г. Астрахань*

### **ИЗМЕНЕНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

На основании пёстрой и неоднородной картины заселения Астраханского края (XVI–XVIII вв.) можно было бы ожидать бытования огромного разнообразия русских костюмов. Однако результаты этнографических исследований показали обратное. У русского населения нашего региона уже с первой половины XIX века началось полное вытеснение традиционных форм народного костюма одеждой городского типа того времени. Однако нельзя говорить о прямой трансляции городской моды в сельские районы. При сравнительном анализе одежды жителей разных сёл можно увидеть разные «любимые» фасоны и детали костюма.

Особого изучения, на наш взгляд, требует вопрос о предпочтениях в выборе городской одежды и, в частности цветовые предпочтения.

Преобладающий в традиционном праздничном русском костюме красный цвет с точки зрения цветоведения идеально дополнял весенне-летние краски русской природы. Цветовая гармония человека с зелёным лесом и лугов была идеальной.

Попав в условия пустынно-степного ландшафта с преобладанием охристых, серо-коричневых тонов, люди интуитивно начали отдавать предпочтение приглушенно-фиолетовым, синим, терракотовым оттенкам в одежде. Начала складываться новая традиция.

При этом экономические особенности развития региона были таковы, что у населения не было необходимости в домашнем производстве тканей для одежды. Развитое собственное текстильное производство и активная торговля с Индией, Персией и т. д., обеспечивали население доступными и разнообразными тканями.

Выявляемая локальная интерпретация городского стиля даёт основание говорить о рождении собственного стиля, в котором сочетались основанные на традиционных эстетических представлениях рациональность, практичность и своеобразный шик, питаемый обилием предлагаемых тканей.

**ГАЛУШКО Виктор Григорьевич**

*Санкт-Петербургский Государственный институт  
психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург*

### **ЦВЕТОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА**

Амбивалентность многих цветов и предпочтение их в различных культурах отражает и одновременно предопределяет векторы развития этноса. Цветовые предпочтения (проявленные в том числе и в цветах флага) с самого рождения человека оказывают на организм, нервную систему и психику человека объективное, непосредственное влияние, настраивая его в унисон с окружающим миром.

Однако эта идея о непосредственном воздействии цвета на психику человека, а тем самым, и имманентности цветовых значений, вызывала и вызывает активное неприятие сторонников социокультурного подхода в объяснении генезиса цветовых ассоциаций.

Основным в их подходе является утверждение об опосредованности цветового воздействия предметными связями цвета, необязательно представленными в сознании в развернутой форме, но каждый раз актуализирующимися, когда человек наблюдает тот или иной цвет. Отношение к цвету целиком и полностью определяется культурно-историческими традициями и обычаями.

Не отрицая роли предметных связей цвета в становлении его значений, следует признать, что ведущим фактором в формировании цветовых значений являются, отнюдь, не они, а объективный характер цветового воздействия на человека, как об этом свидетельствуют данные психофизиологических и психологических исследований.

**ДУБАШИНСКИЙ Роман Юрьевич**

*Институт языка и литературы им. Якуба Коласа  
и Янки Купалы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

### **ЦВЕТОВАЯ ГАММА ПРОИЗВЕДИЙ ВИКТОРА КОЗЬКО: ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СИМВОЛИКИ**

Виктор Козько принадлежит к той плеяде писателей, которые пришли в литературу в 1970-х гг. Первые годы его жизни выпали на Великую Отечественную войну, сохранившиеся воспоминания о которых будущий писатель изложил в автобиографической повести «Високосный год» (1974). Уже первые произведения В. Козько (повести «Високосный год», «Здравствуй и прощай» (1976) и др.) свидетельствуют о том, что белорусская, а также и мировая литература пополнилась талантливым автором с ярким индивидуальным почерком, стилем, манерой письма.

Один из центральных мотивов творчества В. Козько – поиск человеком себя, своего «Я», своей настоящей сущности. Писатель строит повествование таким образом, что обязательная в его произведениях мощная философско-психологическая струя



проникает в собственное «Я» читателя, вынуждая его не просто приостановиться, задуматься, а как бы пережить происходящее изнутри.

Большое внимание автор уделяет символике своих произведений, в частности, цветам. Проза Виктора Козько – это совмещение, взаимодействие, взаимопроникновение объективно-реального и символическо-аллегорического повествовательных уровней. Универсальное зачастую воплощается в конкретном, а конкретное – в универсальном. Поэтому почти в каждом произведении прозаика присутствует притчевое начало.

Цветовая палитра произведений В. Козько очень разнообразна. Например, в романе «Бунт невестованного праха» (1986–1999) наряду с доминирующими цветами – белым, красным и чёрным – встречается около 80 цветов, цветовых сочетаний и оттенков. Определённой ситуации, событию, эпизоду, характеристике персонажа соответствует свой цвет. Каждый цвет при этом содержит определенный информационный код, расшифровать который и следует читателю, а также выполняет в произведении соответствующую функцию.

**НИКОЛАЕВА Елена Валентиновна**

*Московский государственный университет дизайна и технологий, г. Москва*

#### **МОДНЫЙ ЦВЕТ И КУЛЬТУРНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ**

Феномен модного цвета может объясняться с нескольких позиций: как спланированная акция, иницированная ведущими игроками в области фэшн-индустрии, включая американскую Color Association; как результат «случайной выборки», сформированной личными пристрастиями кутюрье и массового потребителя; как отражение коллективного культурного бессознательного, раскрывающегося через знаковую систему модных цветов.

Независимо от механизма формирования модного цветового тренда, очевидно, что статистика модного цвета не подчиняется закону больших чисел, но представляет сложные процессы культурной динамики, выходящей далеко за пределы моды. В качестве катализатора модного цвета в XX в. часто выступали хроматические образы из кинематографа. В условиях глобализации значимым фактором, влияющим на культурно-психологическую цветовую картину мира, является общепланетарный социально-экономический и политический контекст. Модный цвет становится семиотическим резонатором культурного бессознательного.

Вызывает интерес популярность фиолетового цвета в массовой моде последних лет, поскольку фиолетовой «лихорадкой» оказалась захвачена не только собственно одежда, обувь и аксессуары, но и сфера дизайна в целом, начиная с канцелярских принадлежностей и сотовых телефонов и заканчивая корпусной мебелью, т. е. вся культура повседневности. Фиолетовый цвет и его оттенки облада-

ют особой культурной семантикой: от философской интеллектуальности до эзотерической духовности, от покаяния и смирения до неудовлетворенной сексуальности (женского вдовства), от гармонизации мира до отчуждения, от романтической страстности до траурного мироощущения. Особое место занимают появившиеся актуальные лингвокультурные маркеры фиолетового цвета (например, «мне все фиолетово»).

**ОМАКАЕВА Эллага Уляевна**

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста*

#### **ЦВЕТ И ЦВЕТОВЫЕ ТРИАДЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОНГОЛАЗЫЧНОГО МИРА: ОТРАЖЕНИЕ МНОГОКРАСОЧНОСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ\***

Восприятие цветового пространства во многом определяется сложившейся в данном обществе языковой и культурной традицией. Цвет в языке и культуре калмыков и монголов, не будучи объектом специального анализа, исследовался в контексте этнической традиции (Н. Л. Жуковская), фольклорной символики (С. Дулам) и др. «Цветовой словарь» этноса отражает традиции той или иной культуры, формирующейся в разных исторических и географических условиях.

Значительное расхождение в членении различными этносами лингвоцветовой картины мира объясняется разным количеством цветообозначений в языках. У каждого народа есть не только «основные» цвета, но и «периферийные». Последние наиболее рельефно позволяют увидеть национальную специфику этнической культуры.

«Основные» названия цвета, как правило, обозначают не весь спектральный участок, а закреплены в сознании носителей языка к определенному фрагменту цветового спектра. Особое значение желтого, белого и красного цветов в жизни калмыцкого этноса объясняется их тождеством с цветом солнца, луны, крови и огня. Имеют место и менее распространенные идентификации цвета, обусловленные спецификой жизнедеятельности и среды обитания.

В монгольских языках спектральный участок, охватывающий синие и зеленые цвета, обозначался одним термином хох (кок). Разграничение синего и голубого цветов более позднее явление, в слове хох можно проследить другое цветовое значение – ахроматическое («серый»), например, хох чоно «синий (серый) волк». Важность цветовых триад (например, белый, красный, желтый) объясняется, прежде всего, их преобладанием в окружающем природном мире (вода, растительность, небо, небесные светила, цвет металлов и драгоценных камней (золота и серебра)).

\* При финансовой поддержке РГНФ (грант 08-04-00449а).

**ПОЛИНА Наталья Ивановна**

*Институт истории НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

### **ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ БЕЛАРУСИ В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ**

Первоначально тест Макса Люшера был предназначен для изучения эмоционально-характерологического базиса личности и ее актуального состояния. В дальнейшем он получил широкое распространение и при исследованиях степени адаптированности, компенсаторных возможностей, сбалансированности вегетативной нервной системы. К. Шипошем был предложен коэффициент вегетативного баланса (КВБ):  $KVB = (18 - (Красный + Желтый)) / (18 - (Синий + Зеленый))$ , где в числитель и знаменатель подставляются места цветов в ряду выбора. При интерпретации результатов нормативными значениями КВБ являются 0,9–1,2 (оптимальное функциональное состояние, ориентация на действие). Низкие значения КВБ отражают тенденцию к минимизации усилий, потребность в отдыхе, при КВБ больше 1,5 возможно перевозбуждение и неэффективность деятельности.

Для изучения половозрастных особенностей вегетативной регуляции тестирование по методу Люшера было включено в программу комплексного антропологического исследования городских школьников, проведенного в Минске, Гомеле, Полоцке, Кричеве и Пинске в 1998–2003 гг. Проанализированы данные по 2137 учащимся – 8 (339 мальчиков и 350 девочек), 13 (392 и 417 соответственно) и 17 лет (276 юношей и 363 девушки). Применен краткий 8-цветный вариант теста Люшера.

Полученные результаты показали одинаковые значения КВБ у мальчиков в 8 и 13 лет (1,13), у 17-летних юношей индекс несколько увеличился (1,20). Возрастное повышение КВБ у девочек и девушек носит поступательный характер (1,09 – 1,13 – 1,27). Такая динамика вегетативного указателя свидетельствует о том, что окончательное формирование гормонального статуса к 17 годам еще не завершено.

**САМАРИНА Людмила Всеволодовна**

*г. Москва*

### **НАТУРАЛЬНЫЕ КРАСКИ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННЫЕ ЦВЕТОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ КAVKAZA**

Доклад посвящен вопросу о взаимосвязи между колористикой натуральных красок, которые использовались в ряде культур народов Кавказа вплоть до начала XX в., и цветовыми предпочтениями у представителей этих народов в 1990-е прошлого, и в 2000-е годы нынешнего века.

Выявление такой зависимости стало возможным в результате сравнения красок, которые использова-

лись в разных элементах костюма и ковроткачестве (это было сделано в основном на материале музейных коллекций Грузии) с помощью набора цветowych образцов, а затем с использованием тех же образцов при свободном опросе и анкетировании респондентов из республик Северного Кавказа, Дагестана и Грузии.

Оказалось что набор цветowych образцов, которым было отдано предпочтение, во многом совпал с набором цветов и оттенков цвета, которые были наиболее типичны для колористики одежды и ковроткачества в доиндустриальный период развития данных культур, - когда в окрашивании пряжи и тканей использовались только или преимущественно натуральные краски из местного, в основном, растительного сырья. Особенно отчетливо это проявилось у респондентов женского пола в старших возрастных группах.

Превращение натуральных красителей, органической части среды обитания народов с относительно автономной системой жизнеобеспечения, перешло из элемента природы в факт и одновременно фактор культуры. Причем фактор такой силы воздействия, что спустя почти столетие, после того как природные краски практически вышли из обихода даже в сельских регионах, он продолжает оказывать достаточно отчетливое влияние на современный ментально-цветовой ландшафт данных культур.

**СЕРОВ Николай Викторович**

*Санкт-Петербургский Государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург*

### **ЦВЕТ И ГЕНДЕР**

Семантика гендера как психологической характеристики личности, рассматривается в конкретных культурно-исторических условиях, которые принято подразделять на нормальные (N – более 75% времени – быт, работа, питание, отдых и др.) и экстремальные (E – менее 25% – праздники, свадьбы, секс, рождения, похороны, коррупция, войны и др.).

Как показал хроматический анализ памятников мировой культуры, при N условиях существования в женственном интеллекте доминирует «природно-белое» сознание (душа), а в мужественном – «незаметно-серое» подсознание (дух), тогда как в E условиях в женственном доминирует «непознаваемо-черное» бессознание (тело), а в мужественном – «социализированно-белое» самосознание (душа) и снова дух. Это объясняется тем, что мальчиков с младенчества общество подталкивает к принятию маскулинных стереотипов активности и отваги (духа) для поддержки будущих поколений женщин в E условиях.

Строго говоря, сочетание этих доминант женского интеллекта (как и «черно-белого» цвета), могут объяснить смысл и многовековую устойчивость такого известного во всех языках оборота, как

«женская логика». В свою очередь, мужское начало представляет собой границу между этими крайними проявлениями женского интеллекта: между «светом» его социализации и «тьмой» сексуализации. С позиций гендера это объясняет, почему при переходе от Е к N условиям личностными свойствами «наделяется» женщина, а не мужчина. Итак, репрезентативно все компоненты оказались связанными с хроматическими функциями интеллекта зависимостью от гендерных доминант и от граничных условий.

**СМОЛИЦКИЙ Виктор Григорьевич**

г. Москва

### ЯСНЫЙ СОКОЛ (К ВОПРОСУ О ЦВЕТЕ В ФОЛЬКЛОРЕ)

Большинство фольклорных постоянных цветowych эпитетов не являются иносказаниями и определяют предмет в своем прямом значении: «море синее», «леса темные», «луга зеленые», «снега белые». Казалось бы, исключением является «ясный сокол». В русском фольклоре это словосочетание встречается повсеместно: «он обернется ясным соколом», «как бывало мне, ясну соколу, да времечко», «поднимается млад, ясен сокол, выше лесу», «налетели ясны соколы».

Словари русского языка толкует слово «ясный» как «яркий, светлый; ничем не затемненный, светлый, чистый». Но соколы в большинстве случаев имеют темный окрас. Наиболее часто встречаемый на нашей территории сокол – «сапсан», называется также «чернаем». Многие фольклористы, обратив внимание на такое противоречие, увидели в словосочетании «ясный сокол» замысловатую метафорическую фигуру – «приятный», «легко схватывающий добычу», «зоркий» сокол.

Мы связываем происхождение фольклорного тропа «ясный сокол» с названием особой породы сокола – белый, полярный, или исландский кречет (*Hierofalco candicans*), – занесенной на Русь варяжскими князьями с Крайнего Севера. Охота с такими соколами была популярна среди князей как Киевской, так и в Московской Руси.

**УЛЯШЕВ Олег Иванович**

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

### КРОССЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ: ПРЕДМЕТ-ЦВЕТ-НОМИНАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КОМИ И ХАНТОВ

При переводе на другой язык перед любым исследователем возникает дилемма: передать выражение дословно или выразить только цветовым адекватом, что во многом зависит от характера текста (научного, научно-популярного или художественного). Так, к. «*кисьман мырпом тусяней*» букв. «зреющей морошки ягодка <моя>», х. «*мурэх сам хурассов*» букв. «морошкового глазка <семечка> цвет» одинаковы при переводе: «цвета морошки» или «жёлтый», вызывая зрительный образ жёлто-оранжевого. Хотя, в первом случае, при общем значении *морошковый* «золотой», в представлении коми возникает прозрачный красно-оранжевый цвет чуть-чуть не созревшей ягоды, связанный с девичеством. Во втором случае, при том же общем значении *морошкового*, в представлении ханта возникает дополнительный оттенок «стронцианисто-жёлтый», формирующий *ослепительный солнечно-золотой* образ богини-матери.

В процессе записи текстов приходится уточнять восприятие цвета информатором в сравнении с окружающими предметами, конкретизировать и сопоставлять терминологию, и его понимание терминологических адекватов на чужом языке. В ходе дополнений и комментирования выявляются этнокультурные семантические смещения и неполные соответствия даже устойчивых (не описательных) терминов, таких, как к. *виж* «жёлтый, зелёный», *шель* «синий+зелёный», х. *восты* «синий+зелёный+жёлтый», *хурассов* «жёлтый+серый+голубой+зелёный», значения которых во многом зависят от определяемых ими предметов.

Достоверность подобных исследований и точность перекодировки на иные языки зависят от знания собирателем не только языка, но и этнокультурного контекста, среды обитания, мифологических и повседневных представлений изучаемых народов и, в идеале, требуют обращения к методу погружения в культуру.

## Секция 7. НАРОДНЫЕ РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Руководители: д.и.н. **Чвырь Людмила Анатольевна** (Москва);  
к.и.н. **Успенская Елена Николаевна** (Санкт-Петербург);  
гл. спец. **Янес Мария Александровна** (Санкт-Петербург)

**АМАНЖОЛОВА Дина Ахметжановна**  
*Институт туризма и гостеприимства (филиал)  
ФГОУ ВПО «Российский государственный университет  
туризма и сервиса», г. Москва*

### К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ

Развитие народных художественных промыслов (НХП) отражает своеобразное и сложное взаимодействие традиционных ценностей и эстетики мировосприятия этнокультурных общностей современной России с модернизационными тенденциями в повседневной жизни, организации досуга и быта россиян, социализации молодежи и искусстве, интеракции социальных и этнических групп. Изучение народных художественных промыслов предлагается осуществлять путем сбора, систематизации и составления электронной базы данных о состоянии дела в регионах и субъектах РФ на основе оригинальной методики. Среди результатов подобной работы – гражданское и патриотическое воспитание студенчества, формирование у молодежи и других групп общества целостного и негомогенного восприятия мультикультурного пространства России, вовлечение ее в гуманитарную общественную и научную деятельность, создание интерактивной карты функционирования центров, деятельности мастеров и энтузиастов возрождения и развития народных художественных промыслов. Важной частью осуществляемого проекта является налаживание гуманитарного сотрудничества общественных и иных организаций, занимающихся НХП, предоставление возможности всем желающим ознакомиться с историей, этнокультурным содержанием, современным состоянием, представителями и произведениями НХП в разных регионах РФ.

**БАБИЧ Оксана Юрьевна**  
*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора  
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

### СОБИРАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОГО ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ БЕЛОРУСОВ В НАЧАЛЕ ХХІ в.

Собирательство является одной из форм традиционного лесопользования и включает в себя сбор грибов, ягод, трав, плодов дикорастущих деревьев, заготовку соков, живицы, мха и т. д.

В изменяющихся социально-экономических условиях данный промысел сохранил свою архаическую форму, индивидуальный характер ручной работы и не утратил своего значения в

хозяйственной деятельности белорусов. В то же время в начале ХХІ в. в нём наблюдаются некоторые изменения: отдельные виды собирательства отошли на второй план либо не используются вообще (например, сбор плодов дикорастущих деревьев), модернизируются способы обработки и хранения продуктов леса, меняется посуда для их сбора и хранения; происходит трансформация мифопоэтических представлений, связанных с промыслом. Наиболее востребованными на современном этапе являются такие виды собирательства как сбор ягод и грибов, что обусловлено коммерческой заинтересованностью населения в связи с ростом промышленных заготовок ягод (черники, брусники, клюквы, голубики) и грибов (лисичек). Такой промысел является существенным, хотя и сезонным, источником дохода для сельского населения Беларуси.

При сборе лесных даров в большей степени, чем в других промыслах, связанных с пространством леса, используются символические формы поведения (магические действия и вербальные формы защитного характера, направленные на достижение успеха в деятельности). Это обусловлено востребованностью данного промысла среди значительной части населения, а также тем, что собирательство сохранило роль дополнительного занятия, обеспечивающего материальные потребности населения.

**БЕСОЛОВА Елена Бутусовна**  
*Северо-Осетинский институт гуманитарных  
и социальных исследований им. В. И. Абаева, г. Владикавказ*

### О СОДЕРЖАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРНАМЕНТА

Этнокультурные контакты ираноязычных и тюркоязычных кочевников охватывали длительный хронологический период и происходили в условиях культурного мира Великой Степи. Быт кочевника издавна закреплял и хранил художественные достижения народа. Это даёт основание выделить в искусстве древних кочевников влияние их мировоззрения, а восприятие мира объяснить особенностями языческих верований. Вещь, взятая сама по себе, должна быть рассмотрена в контексте функциональной реальности, что позволит получить представление о её утилитарном и знаковом смысле.

Формы древних мотивов, отражённые в народном искусстве, жили и изменялись, воспринимая в своём многовековом существовании вновь возникающие элементы. В этих напластованиях имеется и влияние соседних культур, воздействующих на вкус народа. Несмотря на многообразную технику,

характерные особенности искусства и его стиль оставались независимыми от материала и потому могут быть рассмотрены по основным мотивам.

Несмотря на обилие орнаментального материала, до сих пор существует много неясного в отношении методов изучения орнамента, его происхождения и развития. Считают, что орнаментика содержит эстетическое осмысление деятельности человека, творчески преобразующей и упорядочивающей природу (1). Ряд учёных подчёркивает связь орнамента с магией, обрядами, верованиями и религией, выделяет в нём фольклорно-поэтическое отношение к миру (2).

### Примечания

1. Дзаттиаты Р. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ: Алания, 1992. С. 3.
2. Иванов С. В. Народный орнамент как исторический источник // Советская этнография. 1959. № 2. С. 5.

### БЕСОЛОВА Елена Бутусовна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, г. Владикавказ

#### О МОТИВАХ В НАРОДНОМ ОРНАМЕНТЕ ОСЕТИН

Мотивы, используемые в народном орнаменте, подразделяют на три группы: *геометрические, растительные и зооморфные*. Чаще встречаются комбинации различных орнаментальных мотивов, придающих изделию неповторимый облик.

Существовало до десяти видов вышивок: шитьё гладью, узелками, вышивка аппликацией и т. д. Находки образцов вышивки золотыми и серебряными нитями говорят о высоком уровне развития данного искусства у алан, от которых, очевидно, перешло к осетинам. А. Хохов и К. Берладина (1) анализировали технику и способы вышивки и доказывали связь осетинского орнамента на вышивках с зооморфной пластикой кобанской культуры. По мнению археолога Р. Г. Дзаттиаты, завитки и «рожки» поздних могильников эпохи бронзы повторяются в вышивке (2). Им же дана классификация мотивов. В сообщении будут приведены типичные образцы орнаментального материала горной Осетии с возможным их толкованием, но остаётся мечтой использование орнаментальных мотивов в качестве исторических источников. Нельзя ведь при их анализе сбрасывать со счетов продвижения носителей иных культур, миграции, влияния и др.

Многообразные орнаментальные мотивы и сюжеты сами по себе распадаются и группируются по характеру и теме изображения на особые художественные школы.

### Примечания

1. Хохов А., Берладина К. Осетинский народный орнамент. Дзауджикау, 1948.
2. Дзаттиаты Р. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ: Алания, 1992. С. 27.

### ВОДОВОЗОВА Ирина Викторовна

Областной методический центр народной культуры, г. Астрахань

#### ПЛЕТЕНИЕ ИЗ ЧАКАНА И ИЗДЕЛИЯ ИЗ РЫБЬЕЙ КОЖИ – ДВА ПОЛЮСА ПОДХОДА К ТРАДИЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, во всем мире становятся объектом поддержки и возрождения, о чем свидетельствует принятие ЮНЕСКО в 2003 г. Международной Конвенции об охране нематериального культурного наследия

Традиционный для нашего региона вид художественного промысла – плетение из чакана – находится сейчас в весьма сложном состоянии. В XX в. в него привнесены новые формы и приемы плетения, но традиционная технология изготовления изделий, в частности, знаменитых астраханских зимбилей, не сохранена, и сегодня нет ни одного мастера, способного их делать. Однако кое-что ещё можно спасти. Когда существуют убедительные доказательства, позволяющие реконструировать объект наследия на строго научной основе, когда традиция еще теплится, а если и угасла, то жива память о ней, возможна так называемая *ревитализация*. В селах области, в школьных и клубных музеях сохранились образцы традиционных плетеных изделий, ещё живы люди, которые хотя бы видели, как их делали. Есть мастера, которые знают материал (чакан) и принципы работы с ним, хотя и плетут они по-новому. Есть сохранившиеся сходные технологии и инструменты в других регионах, например, в Адыгее и Краснодарском крае. Изучив и собрав всё это воедино на научно-теоретической базе, мы можем восстановить, сохранить и возродить традиционную для нашего региона технологию плетения из чакана.

Второе интересное направление декоративно-прикладной деятельности отнюдь не традиционно для нашего региона, а является инновацией. Это – изготовление изделий из рыбьей кожи, традиционный промысел народов Западной Сибири и Дальнего Востока. Наличие достаточного количества экологичного сырья и возможность применения для него новых технологий открывает большие возможности перед этим направлением художественного промысла.

### ВОЗДИГАН Ксения Михайловна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

#### НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ РАТХВОВ ГУДЖАРАТА: РЕМЕСЛО ИЛИ РИТУАЛ?

Народное искусство Северной Индии в целом и ритуальные настенные росписи племени ратхва в частности никогда не являлись искусством в строгом смысле этого слова, акт их создания не мыслился носителями племенной культуры как творчество – скорее, росписи воспринимались как текст, создаваемый исключительно в контексте и в процессе совершения ритуала. В обозримом прошлом сакральная племен-

ная живопись была частью комплексных ритуальных церемоний, посвященных обрядам жизненного цикла или одному из локальных культов – в случае ратхвов, культу местного божества Питхоро.

Во второй половине XX в. создалась новая социокультурная реальность. Наряду с развитием коммуникаций и все большей открытостью территорий, заселенных племенами, прежде находившимися в относительной изоляции, пришла доступность новых материалов, достижений технического прогресса. В независимой Индии ремесленное искусство получило поддержку на государственном уровне как способ обеспечить занятость и средство к существованию маргинальных по своему статусу племенных общин.

Трансформация окружающей действительности привела к развитию индивидуального начала в образе мыслей племенных мастеров. Именно превалирование этого индивидуального момента вывело ритуальную живопись в плоскость искусства. Работы племенных мастеров широко экспонируются внутри страны на многочисленных выставках и ремесленных ярмарках. Анонимное сакральное искусство, постепенно утрачивая культовую функцию, получает своих авторов – современные росписи всегда имеют автограф конкретного художника. Переход к новым материалам – ткани, бумаге позволил сделать образцы искусства транспортабельными и востребованными у коллекционеров и в музейных собраниях.

**ВУКВУКАЙ Надежда Ивановна**

*Лаборатория комплексного изучения Чукотки  
Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, г. Анадырь*

### **СЕМАНТИКА ПРЕДМЕТА В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ НАРОДОВ ЧУКОТКИ**

Проблема развития декоративно-прикладного искусства на Чукотке стоит остро и рассматривается административными органами Чукотского автономного округа в различных плоскостях. Основными проблемами, как правило, считаются отсутствие рынка сбыта предметов сувенирного характера и недостаток сырья. Но, на наш взгляд, к проблеме надо подходить с других позиций, с позиций потребителя.

*История формирования декоративно-прикладного искусства лежит в плоскости духовного развития общества, поэтому надо в первую очередь рассматривать потребности общества традиционного характера. На современном этапе это вопросы возрождения и развития ценностей, которые были забыты в эпоху нивелирования национальных особенностей периода социализма.*

Символический аспект предмета был ведущим при его производстве, поэтому был незаменим. Особую роль играли предметы обрядового характера, поэтому оформление было особенным. Благодаря своему оформлению они выделялись из общего ряда предметов и находили спрос у пришлого населения. Так формировался перечень предметов сувенирного

характера, нашедший отголосок и в наши дни в виде эскимосских мячей и тапочек, вышитых яркими красками.

Детальное изучение истории предмета дает возможность поднять значимость его в глазах современного традиционного общества, и определяет его роль в дальнейшем развитии культуры.

**ВУКОВИЧ Ивана**

*Этнографический музей, г. Сплит (Хорватия)*

### **МЕТЕЛЬНИК ПРУТЬЕВИДНЫЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХОРВАТИИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО УПОТРЕБЛЕНИИ В СОВРЕМЕННОСТИ**

Метельник прутьевидный – растение, с которым хорваты встретились после прибытия на территорию нынешней Республики Хорватия, занимало важное место в традиционной культуре хорватского побережья Адриатики. Это растение активно использовалось и обрабатывалось до середины XX в., когда местные жители стали приспосабливаться к покупке дешевых материалов из хлопка.

Метельник прутьевидный использовался в необработанном или частично обработанном виде (в первую очередь для изготовления таких изделий как метлы, верши, рамки для сушки инжира, для получения различных веревок), а также в обработанном виде (одежда, мешки, матрасы, ковры, постельное белье и одеяла).

Обработка метельника прутьевидного являлась исключительно женским трудом. Собранные ветки связывали в пучки, погружали в море на мелководье на период около 20 дней, чтобы можно было снять используемый материал с наружной части ветвей. На следующем этапе обработки производится отделение волокон от внутренней части стебля механическим путем. В течение зимних месяцев приступают к этапу окончательного разделения волокон, и получается готовая к ткачеству «шерсть из метельника прутьевидного».

Этот доклад представляет будущий научно-исследовательский проект Факультета текстильной технологии в Загребе, в сотрудничестве с Городским музеем Шибеника и Этнографическим музеем Сплита. Цель проекта: изучить возможность возрождения ремесла и его использования в современной индустрии туризма путем создания оригинального сувенира – текстильного изделия из метельника прутьевидного, своей подлинностью удовлетворяющего принципам этнологической науки.

**ГАМЗАТОВА Патимат**

### **О ПРОИЗВОДСТВЕ ШЕЛКА У АВАРЦЕВ В XIX в.**

Производством шелка для семейных потребностей и частично на продажу занимались кумыки, даргинцы, дагестанские азербайджанцы, терекеменцы. О производстве шелка и изделий из него у авар-

цев существуют лишь упоминания отдельных авторов (О. В. Маргграф, Е. М. Шиллинг, С. Ш. Гаджиева, Г. А. Сергеева). По полевым материалам 2009–2010 гг., производством шелка у аварцев занимались не только в селении Тлох (Е. М. Шиллинг), но и в селениях Ботлих и Аркани.

В разгар весны, к концу мая, для оживления шелковичных червей «семена» на 7–10 дней оставляли в теплом помещении, дополнительно накрыв их овчинной шубой. Предварительно из айвового дерева делались плетенки 90х50 см, которые подвешивались к потолку на расстоянии до 1,5 м от пола; на них клали веточки шелковицы с листьями, куда и пересаживали полученных шелковичных червей. Хозяева следили, чтобы в помещение не проникли мухи, осы, шмели, пчелы, пауки, куры. Для поддержания нужной влажности в комнату помещали большой керамический сосуд с широким горлом, наполненный водой. В течение 40 дней червей подкармливали свежими листьями тутовника. Кокконы начинали появляться примерно через месяц. Для их завивки в плетенки клали пучки травы с жесткими стеблями, перевязанными веревочкой. Готовые кокконы собирали и выносили на свежий воздух, на солнце, чтобы они остались целыми и основательно просохли. После этого кокконы бросали в кипящую воду, в которую добавляли небольшое количество золы, что якобы способствовало лучшему разматыванию нити кокона. Конец нити находили с помощью длинной (до 1 м) заостренной палочки, нить наматывалась на специальную узкую раму – мотовило. Полученные нити скручивали и ткали на ткацком станке. Грены для шелковичных червей иногда покупались в г. Темир-Хан-Шуре. Готовое шелковое полотно шло на платки, покрывала, на платье. На привозном из Азербайджана шелке-сырце аварки союзов общин Гидатль и Карах готовили отрезы на покрывала.

Таким образом, какая-то часть аварцев занималась шелководством. Условия для этого были в горно-долинной зоне с развитым садоводством, где произрастали и тутовые деревья. Возможно, что производством шелка невысокого качества для собственных нужд занимались и в других аварских селениях.

#### ГЮЛЬ Эльмира

*Институт искусствознания АН Республики Узбекистан,  
г. Ташкент (Узбекистан)*

### ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЕСЛА УЗБЕКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Традиционные ремесла Узбекистана издавна являются объектом пристального интереса ученых многих стран и специалистов. Огромный интерес в этой связи обретает вопрос судьбы ремесел в XX в., их современное состояние.

Идеологическая политика независимого Узбекистана с самого начала была направлена на провозглашение ценностей национального наследия. Выявившийся приоритет традиционного искусства подтвер-

ждает выводы культурологов о том, что с обретением независимости в обществе актуализируются этнокультурные ценности, в том числе художественный опыт прошлых веков. Традиционная культура стала важнейшим фактором, формирующим идентичность нации, показателем процессов, происходящих в обществе, познающем собственную забытую историю и культуру.

Представители зарубежных фондов сомневались в необходимости поддержки традиционных ремесел. Они считали, что наследие консервативно, является имитацией отжившей традиции и не нуждается в реанимировании. Однако в наши дни художественные ремесла обнаруживают собственный потенциал для развития.

Особое внимание мастера уделяют восстановлению приемов ручного труда, натуральных материалов и красителей. Однако художественный уровень продукции зачастую остается невысоким. Погоня за количеством продаваемой продукции ведет к снижению качества, к появлению эклектики и ширпотреба. Противоречие между высоким уровнем технологической традиции и отсутствием нового «большого стиля» также является одной из больших проблем современного ремесла. Рынок ведет также к утрате понятий «локальная школа», «локальный центр». Все эти проблемы должны быть в центре внимания заинтересованных организаций.

#### ДАМАДАНОВА Саидат Рамазановна

*Дагестанский государственный педагогический  
университет, г. Махачкала*

### ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА ВОЙЛОКА В ИЗВЕСТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕНТРАХ ДАГЕСТАНА

С древности художественная обработка войлока, являющегося универсальным материалом для изготовления предметов материальной культуры, получила широкое распространение в овцеводческих хозяйствах Дагестана.

Известные художественные центры республики специализировались на производстве определенного вида продукции, в изготовлении и художественном оформлении которой достигли совершенства. Так, в ряде аварских селений производились высококачественные бурки, пользовавшиеся высоким спросом на всем Севером Кавказе. Следует выделить длинноворсовые андийские бурки, изготовленные из шерсти со специфическим блеском, свойственным исключительно местной породе овец.

Орнаментально трактованные войлочные изделия повседневного обихода нашли широкое применение в хозяйственной деятельности жителей даргинских селений: перегонные чабанские палатки, постилочный материал, узорные настенные ковры, накидка «тихалай», являющаяся надежной защитой от дождя, мороза и даже вражеских стрел и др.

Лачки славились мастерством в изготовлении остроносой белой обуви, входившей в обязательный

свадебный комплект многих народов Дагестана. Особенности декоративной отделки обуви этого типа относятся к древнейшим орнаментальным мотивам Нагорного Дагестана.

Кумыкские войлочные ковры «арбабаши» традиционно отличаются сложностью техники исполнения, высокими художественными достоинствами аппликативного узора.

Исследование художественно-стилистических особенностей дагестанского войлочного орнамента, взаимопроникновение отдельных элементов и композиционных решений проливает свет на культурные связи с соседними регионами. В результате установившихся межэтнических связей в Дагестане сформировались локальные центры выделки и художественной обработки войлока, образованные на стыке крупных художественных школ: местных самобытных традиций при значительном влиянии искусства соседних тюркоязычных кочевников-скотоводов.

**ДАМАДАНОВА Саидат Рамазановна**

*Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала*

### **ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВОЙЛОЧНЫХ КОВРОВ ДАГЕСТАНА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Традиционные войлочные декоративно трактованные кумыкские ковры «арбабаши», известные также у лакцев, аварцев, даргинцев, отличаются сложностью техники исполнения, высокими художественными достоинствами аппликативного узора, состоящего из пластичной трактовки разнообразных растительных, зооморфных и орнитоморфных мотивов. Очевидно сходство кумыкских «арбабашей» и ногойских, казахских, киргизских войлочных ковров, многие орнаментальные элементы которых носят идентичную смысловую нагрузку. Так, трактовка мотива «бараньи рога» часто фигурирует в декоративном оформлении войлока вышеупомянутых народов, широко представлена в русской народной вышивке. Вместе с тем, звучание изобразительных композиций у названных народов имеет черты национального своеобразия.

Художественное оформление старинных войлочных ковров Дагестана следует рассматривать как единую канонически сложившуюся схему, разбивающую плоскость на каймовое обрамление и широкое центральное поле, декорированное четырехсторонне-симметричным узором. Трактовка фона воспринимается в качестве узоробразующего контрастного декора. Каймовые узоры в основном составлены из динамичного растительного орнамента, представленного ритмичным чередованием цветка и плода: образно-аллегорическая символика «вечного возвращения» отображает народные представления о цикличности явлений природы.

Ногойские войлочные ковры «кийизы», в отличие от кумыкских арбабашей, выполнялись из неокрашенной шерсти, по которой разноцветными шерстя-

ными нитками вышивались традиционные орнаменты, отражающие космологические и эстетические представления народа.

Несколько обособленное положение занимает изысканное орнаментальное оформление ногойских войлочных ковров «юоз кийнэ» («узорчатый войлок»), основанное на самобытных художественных традициях.

Современное войлочное производство Дагестана характеризуется утратой преемственных связей с древними художественными традициями.

**ДИАНОВА Елена Васильевна**

*Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск*

### **КООПЕРАЦИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ НАРОДОВ КАРЕЛИИ В 1920-е г.**

Традиционные промыслы являются важной частью материальной культуры каждого народа. В Олонецкой губернии, а затем и в Карелии, были развиты различные промыслы. Широкое развитие промыслов было обусловлено природно-климатическими особенностями края. Проникновение кооперативных начал в крестьянские кустарные промыслы повлекло за собой образование различных промысловых кооперативных товариществ. Среди вепсского населения были развиты лесной промысел и гончарное производство на реке Оять, в карельских селах и деревнях действовали лесные и рыболовные артели. Повсеместно были распространены артели портных, сапожников, строителей, мастеров по обработке кости, рога, камня, дерева, металла, по производству извести, дегтя, смолы, скипидара и др.

В Карелии (Олонецкой губернии до 1917 г.) объединение различных кустарно-промысловых артелей осуществлял Олонецкий кредитно-производительный союз. В 1921 г. был создан Краевой союз сельскохозяйственных, производительно-промысловых кооперативов, который объединял товарищества кустарей и лесные артели.

В 1920-е гг. шла работа по кооперированию различных промыслов, в том числе по объединению в артели женщин-вышивальщиц в Заонежье. Кооперация способствовала сохранению и развитию традиционных кустарных промыслов народов Карелии, осуществляла преемственность хозяйственно-культурных традиций, распространение этих занятий среди местного населения.

**ДОНИНА Лариса Николаевна,**

**СУСЛОВА Светлана Владимировна**

*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань*

### **ЯКА ЧЫЛБЫРЫ КАЗАНСКИХ ТАТАРОК: ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

*Яка чылбыры* (воротниковая застёжка-пряжка с прикреплёнными к ней на цепочках бляхами) –



этноспецифическое украшение городских казанских татарок. Сложно и неоднозначно происхождение этого украшения. Прототипы его известны у древних булгар и финно-угорских народов Поволжья. Синхронные же этнографические параллели находим в аналогичном женском украшении *гердан* из Дунайской Болгарии, этнокультурная история которой связана с волжскими булгарами. Некоторая восточная помпезность в облике *гердан* и отдельных вариантов татарских *яка чылбыры* не исключает влияния и ювелирных традиций Османской империи.

Среди ранних материалов татарского ювелирного искусства (Казанское ханство?) имеются миниатюрные аналоги *яка чылбыры*, выполненные в технике литья с застежкой, напоминающей сдвоенные, симметрично расположенные головки баранов. Стилизация этих застежек включает два уровня прочтения: первый, построенный на доминировании природы ассоциативного восприятия, – цветок. Второй, аналитический уровень – схема, положенная в основу стилизации морды барана в фас. Она же проявляется и в силуэте плоских штампованных звеньев нагрудной цепочки, крепящихся друг за друга кольцами, стилизация уровня символа которых определена и усилена функциональностью. Баран – один из древнейших и самых распространенных символических знаков (агнец, золотое руно, голова барана, рога барана), значение которых в силу исторических причин весьма существенно различается у разных народов.

**ДУБОВА Надежда Анатольевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

### **ТУРКМЕНСКИЙ ТУМОР: ВЗГЛЯД ИЗ ЭПОХИ БРОНЗЫ**

Серебряные украшения с полудрагоценными камнями до сих пор являются важнейшим элементом одежды туркменской женщины. По большей части они являются амулетами, главная цель ношения которых обереечь от болезней, дурного глаза, бесплодия. Туркменские металлические туморы, обычно полые внутри, часто служат футлярами для записанных молитв, заклинания, либо веществ (например, золы, соли, особых растений), отпугивающих злых духов. Маргианской археологической экспедицией осенью 2010 г. в одном из мужских погребений на известном туркменском памятнике Гонур-Депе (середина II тыс. до н. э.), было найдено нагрудное мозаичное украшение, зажатое между кистями погребенного. По своей форме и функции оно напоминает любимый туркменскими женщинами тумор. На деревянной основе (наибольшая ширина 10 см), имевшей трапециевидную форму и окаймленную бронзовыми пластинками, имеется 8 рядов каменных миниатюрных мозаик. Шесть из них изображают горы. Верхний (самый короткий) ряд состоит из трех овалов с отверстием посередине, а нижний (самый длин-

ный) – из 10 полумесяцев. Сердцевины вставок центрального ряда имеют лазуритовое (частично каменное, частично порошкообразное) заполнение, остальные – красное (минерал определяется). В центре нижней части украшения подвешена крупная черная бусина из гематита. Изделие крепилось на искусно сделанных каменных бусах. Кроме подтверждения высочайшего ювелирного мастерства предков туркмен, эта находка позволяет ставить вопросы о современных и древних гендерных различиях в использовании украшений, а также древние корни символизма их формы и содержания.

**ЕРМИШИНА Анна Викторовна**

*Всероссийский музей декоративно-прикладного  
и народного искусства, г. Москва*

### **ЦЕНТРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ: ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ И ОБНОВЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ**

Центры традиционных художественных производств образуют особое пространство памяти, в котором консервативный и инновационный потенциал традиции реализуется в сложной структурной взаимосвязи уровней нематериальной и материальной культуры.

Комплексный анализ центров народных промыслов предполагает не только обращение к информации об эстетических и технологических особенностях, культуре трудовых отношений и трудовых практик, но и выявление пространственных связей промысла с учетом реакций сознания мастеров на культурно-историческую память места. Проблематика памяти и обновления традиции тесно связана с проблематикой среды, динамичных свойств повседневности, социальной идентичности, психо-эмоциональных и личностных связей, наконец, с пространством сознания. В языке художественной образности важно выделить архетипически укорененный и более подвижный пласт традиции, отвечающий за обновление.

Несомненный интерес представляет исторический опыт адаптации и изменения художественной традиции. В частности, развернувшиеся в конце XIX в. процессы, в которых проявилась вся неоднозначность профессионального влияния. В советский период новая попытка мобилизации традиции и осуществления идеологического контроля способствовала формированию не только механизмов адаптации, но и стратегий сопротивления народного искусства. В настоящее время динамическая модель развития традиции художественных промыслов испытывает сложное влияние факторов новой экономической и культурной ситуации. Ресурс центров художественных промыслов активно используется в различных локальных имиджевых инициативах, что, с одной стороны, способствует раскрытию инновационного потенциала традиции, а с другой, нередко оказывает дестабилизирующее воздействие на ее свойства.

**КАЗУРОВА Наталья Валерьевна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН г. Санкт-Петербург*

### **КИНОЛЕТОПИСЬ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ: МАСТЕРСТВО КОВРОТКАЧЕСТВА ПЛЕМЕНИ КАШКАЕВ**

С момента зарождения этнографического кино и до сегодняшнего дня одна из его центральных тем – народные ремесла и промыслы. Однако к данной тематике обращается не только документальное, строго говоря, этнографическое кино, но и художественный кинематограф (Л. Висконти «Земля дрожит» (1948), М. Махмальбаф «Тишина» (1998) и др.). Исследователи, работающие в рамках этнографического кино, стремятся зафиксировать и, следовательно, сохранить память о народных ремеслах, многие из которых сегодня постепенно исчезают. В свою очередь художественный кинематограф способен оживить традиции на экране путем реставраций или вкраплений документальных хроник в кинотекст. Так нередко игровые фильмы представляют высоко художественные картины, иллюстрирующие бытование традиционных ремесел и народных промыслов, которые не могут не вызывать восхищения у современников. В этой связи полезно обратиться к иранской кинематографии, для которой характерно освещение жизни различных народов, обитающих на территории Ирана. Неизменный интерес у антропологов вызывает племя кашкаев, мастерству ковроткачества которых посвящен не один этнографический видеоочерк. Ковровое ремесло племени легло в основу сюжета фильма М. Махмальбафа, снятого в жанре фольклорного кино и озаглавленного созвучно названию ковра кашкаев – «Габбе». В фильме с этнографической щепетильностью продемонстрирована технология ткачества ковра от изготовления натуральных красок и подготовки необходимых инструментов (станка, расчески, ножа, крючка, ножниц) до среза последней нити готового изделия.

**МАХМУДОВА Зоя Увайсовна**

*Московский государственный университет  
им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

### **ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ)**

Основное внимание уделено динамике соотношения серебряных и золотых изделий среди модных украшений, подарков и того, что можно назвать «символами достатка» и социального статуса на Кавказе в XX веке.

Традиция носить золотые украшения с драгоценными камнями (которые сегодня являются неотъемлемой частью образа кавказской женщины), сложилась только в 1960–1970-х годах. Это было частью процесса вытеснения традиционного костюма и свя-

занных с ним национальных форм украшений, изготовленных преимущественно из серебра.

В этой связи можно поставить проблему «*социокультурного замещения*» – то есть процесса замены одного вида украшений другим при сохранении общей типологии обрядов, в которых эти украшения играли особую роль (например, в свадебном дарообмене).

Переход от серебра к золоту, произошедший в регионе во второй половине XX в., внимание к стоимости изделия отражали не только и не столько эстетику и вкус, сколько придавали новые качества самой владелице предмета. *Манифестация обладания* – то есть почти постоянное ношение дорогих ювелирных изделий многими кавказскими женщинами, имела своеобразный, многогранный социальный смысл, ибо воплощала и особенности традиционного мировоззрения и «региональной моды», и приспособление первых двух качеств к условиям «советского образа жизни».

**МАМОНТОВА Оксана Сергеевна**

*Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул*

### **ГОНЧАРСТВО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Гончарство на Алтае в конце XIX – первой половине XX в. принадлежало к числу мелких промыслов. Параллельно с мелкотоварным производством было распространено домашнее гончарство, которое просуществовало вплоть до середины XX в. Такое производство посуды было характерно для районов, где компактно проживало старожильское, старообрядческое население, казачество. Устойчивость и длительность бытования домашнего гончарства связаны с религиозными и этическими воззрениями данных групп населения и другими факторами.

Характеризуя технико-технологические приемы изготовления посуды на Алтае можно говорить о существовании двух традиций: лепной и гончарной. Изготовлением лепной посуды в домашних условиях занимались преимущественно женщины. Ее ассортимент был не велик: корчаги, горшки, кринки, миски. Орнамент был скуден. Он состоял из прямых параллельных или волнистых линий, точек, крестов. В конце XIX в. с притоком переселенцев из Европейской части России большее распространение получили ножные круги, обжиг посуды в горне, разнообразие форм. Орнамент стал сложнее. Это были одиночные, повторяющиеся, чередующиеся прямые, волнистые и пунктирные линии, вертикальные и горизонтальные черточки, точки.

Наряду с общерусскими чертами (конструкция круга, технико-технологические приемы изготовления, обработка, обжиг, форма посуды), в гончарстве русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX вв. проявилось некоторое своеобразие, которое требует всестороннего изучения.

**КИРСАНОВА Александра Александровна**

*Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург*

### **СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ**

Результаты экспедиций Российского этнографического музея, проходивших в 2009–2010 гг. в Горномарийском районе Республики Марий Эл, позволяют оценить современное состояние ремесел и промыслов горных марийцев. Наиболее активно развивается направление, связанное с текстильной традицией. Повсеместно распространено изготовление тканых половиков. Гораздо реже встречаются образцы тканого холста. С начала XX в. до наших дней пользуются популярностью пояса, созданные на специальном ткацком станке. Однако цвет и фактура всех современных изделий несколько изменена. Традиция изготовления одежды, вышитой счетной гладью, была утрачена. Ее возрождение намечается в работах Ф. Н. Шестаковой, последние годы создающей копии элементов традиционного костюма горных марийцев.

Обретая новые современные формы, лозоплетение продолжает развиваться как в историческом центре промысла (с. Носелы), так и в других населенных пунктах. По-прежнему актуальным остается плетение лыковых лаптей, которые используют в качестве обуви и как сувенирную продукцию. К утраченным промыслам можно отнести изготовление деревянных простей, возникшее в 1960-е гг. в д. В. Шелаболки, а также творчество ювелиров с. Чаломкино, изделия которых были широко распространены в регионе в конце XIX – начале XX вв.

К сожалению, молодежь не торопится усваивать опыт предков: все мастера являются людьми старшего возраста. На основе экспедиционных материалов можно сделать вывод о том, что, занимая особую нишу в культуре горных марийцев, ремесла и промыслы всё же имеют перспективы для дальнейшего развития.

**МАЙКОВА Надежда Викторовна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

### **ЯПОНСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ ТЕКСТИЛЬ ИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ ВОЛОКОН И ТКАЦКИХ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В СОБРАНИИ МАЭ РАН**

Лубяные культуры (конопля, рами, глициния, пурария, липа и др.) издавна служили в Японии материалом для шитья повседневной одежды простого народа и летней одежды представителей высших сословий, а также для изготовления разнообразного технического текстиля (мешки, циновки, занавеси, ширмы, канаты, паруса). С XVII в., после распространения хлопка, который наряду с шелком, стал лидирующим материалом для создания текстильных изделий, растительный текстиль отходит на второй план. Тем не менее, такие качества лубяных волокон

как необычный блеск, ощущение прохлады, прочность, устойчивость гниению и воздействию морской воды позволили ремеслу сохраниться до наших дней.

В фондах Музея антропологии и этнографии представлено большое число предметов, при изготовлении которых использовались волокна растительного происхождения. Среди них: одежда, бытовой текстиль (мешки, сумки, сетки, занавеси и ширмы), предметы декоративно-прикладного искусства (свитки-какэмоно). Основной массив изделий и ткацких инструментарий представлены в коллекциях конца XIX – начала XX в., в том числе в собрании Николая II (например, образец пеньки из префектуры Тотиги, до сих пор известной как центр культивирования технической конопли; свиток-какэмоно и тканые части воинского доспеха из различных растительных волокон), а также в коллекциях конца XX в. (преимущественно кимоно), что позволяет проследить историю развития ремесла в один из наиболее сложных этапов его существования, когда машинное производство дешевых тканей практически уничтожило кустарные промыслы.

**МИРОНОВА Н.В.**

*Дагестанский филиал Российского государственного педагогического университета им. Герцена, г. Махачкала*

### **ОБ ИЗВОЗНОМ ПРОМЫСЛЕ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Об извозном промысле, игравшем заметную роль в развитии внутренней и внешней торговли Дагестана, известно мало. У кумыков было несколько торговых центров, связанных практически со всеми селениями Центрального и Южного Дагестана, а также с крупными рынками Северного Кавказа, Закавказья и Персии. Вывозились продукты полеводства, садоводства, животноводства, шелк-сырец, марена, рыба, предметы ремесла. Ввозились железо, медь, металлические орудия труда и кухонная утварь, сахар и бакалейные товары. Извозом занималось около 200 человек. Со всеми торговыми центрами Дагестана были связаны и базары даргинцев, которые продавали зерно, скот, молочные продукты, фрукты, железные орудия труда, украшения, а ввозили соль, железо, медь, бакалейные товары и т. д. Извоз осуществляли на арбах или на вьючных животных не менее 70 человек. В одном только Дербенте в начале XX в. насчитывалось 74 легковых и 182 ломовых извозчика, большей частью перевозивших марену или обслуживавших рыбные промыслы. В свободное от сельскохозяйственных работ время крестьяне-азербайджанцы, терекеменцы, лезгины, объединившись небольшими партиями, перевозили товары из крупных городов (Дербента, Баку, Гянджи) на внутренние рынки Дагестана и всего Северного Кавказа. Занятие извозом было для них подсобным промыслом, которым они занимались обычно поздней осенью и зимой.

**НОВИК Александр Александрович**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

**ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК  
ПО ЮВЕЛИРНОМУ ИСКУССТВУ АЛБАНИИ.  
МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИЙ 2009–2010 гг.**

Специалисты давно изучают изделия из серебра и золота у албанцев. Для этого используются самые разные источники – архивные материалы, воспоминания путешественников, музейные коллекции. Однако незаслуженно забывают о частных коллекциях, которые нередко дают исключительно богатый материал. В ходе экспедиций 2009–2010 гг. на западе Балканского полуострова автором были выявлены частные собрания в Шкодре и Приштине, значительно расширившие источниковую базу по теме.

Расцвет ювелирного дела в албанских землях приходится на XVII–XIX вв. Особенно больших успехов ремесленники добились в обработке серебра. Ассортимент продукции был широк: украшения для мужчин и женщин, домашняя и церковная утварь. Заслуженную славу снискали украшения в технике филигрании. Часто их орнамент содержит растительные мотивы, особенно цветы, зооморфные изображения (бабочек, стрекоз, других насекомых) или антропоморфные детали (рука, глаз, девичья голова, сердце или, например, руки супругов на обручальных кольцах). Интересное решение приобретали космические мотивы – луна, месяц, звезда и солнце (в виде свастики или концентрических лучей). Техника албанской филигрании разнообразна, самый распространенный вид – так называемая *тэлиш кафазэли филигран*. Для филигранных изделий ювелиры используют либо практически чистое серебро, либо его сплав с медью (в соотношении от 39:10 до 60:40). Албанские ювелиры использовали технику филигрании не только для украшений, но и для декора оружия, курительных принадлежностей, посуды, для оформления предметов интерьера.

**ОСИПОВА Марина Викторовна**

*Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск*

**МУЖСКОЕ ИСКУССТВО УЛЬЧЕЙ:  
СОВРЕМЕННОЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ  
ТРАДИЦИОННОГО**

Мужское искусство ульчей – неотъемлемая часть их духовной жизни. В декоративно-прикладном искусстве народа издревле существовало четкое гендерное разделение труда. Мастерство резьбы по дереву, художественная обработка кости и металла передавались мужчинами из поколения в поколение, порождая национальную культурную традицию. И сейчас формирование человека как личности, осознание себя членом своей этнической группы происходит через усвоение им этой традиции. Таково содержание традиции, а её функция в современности изменяется. Традиция не просто сохраняет и воспроизво-

дит смыслы, но и рассматривает человека как носителя новых смыслов. Постигая эти новые смыслы, человек изменяется сам и изменяет окружающее. Это – инновационный период развития традиции, когда целью служит не только возобновление и сохранение старого, но и порождение нового содержания и формы. Искусство ульчей свидетельствует о том, что постигая тайны традиционного народного ремесла, эстетически осмысляя искусство предков, современные мастера с успехом переносят их в сегодняшний день. Используя традиционные орнаментальные мотивы, шаманскую символику, авторы, многие из которых имеют уже специальное художественное образование, создают произведения, отличающиеся совершенством художественной формы. Мужчины-ульчи сумели создать собственные школы народных ремесел в рамках оригинальных национальных направлений (берестяная графика, линогравюра, объемная скульптура из дерева, изготовление коробов из гнутой древесины и т. д.).

**ПАВЛОВА Елена Юрьевна**

*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск*

**НАРОДНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
ПРОМЫСЕЛ «ТУРИНА ГОРА» –  
РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ  
НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ**

На современном этапе в культурной политике России важно исходить из понимания народного искусства, как особого типа творчества, сохраняющего основы традиционной культуры и целостность стиля. Народное искусство в современном обществе выступает как живая традиция и плодотворно взаимодействует с индивидуальным творчеством. Опираясь на непосредственную связь с материальным производством, народное искусство в современной культуре выступает как духовно-нравственное самосознание народа.

Художественный центр «Турина гора» (г. Барнаул Алтайского края) – предприятие по производству керамических изделий, основанное художником В. М. Москвитиним в 1988 г. «Турина гора» соединяет в себе мастерские, салон-магазин, художественную галерею. В настоящее время промыслом занимается около 60 человек. Технология мастеров «Туриной горы» заключается в изготовлении потечной глазури. Ассортимент изделий – от поточных до авторских. Мастера, осваивая ставшие классикой формы и декор изделий, привносят в производство своё оригинальное прочтение канона. При свободе каждого в выборе темы и в средствах ее воплощения, преемственность творчества сохраняется. Интерес к искусству древних народов Сибири и традиционному искусству современных алтайцев определяет художественное кредо промысла «Турина гора». Основные направления его деятельности – археологическая и этническая архаика, скульптурная пластика. Путем стилизации, условной трактовки образов мастера возрождают традиции народного искусства, и их изделия становятся своеобразным эстетическим знаком региональной культуры.

**ПЕТЛЯР Анастасия Павловна**

*Институт искусствоведения, этнографии и фольклора  
им. К. Крапивы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

**ОТХОДНИЧЕСТВО В БЕЛАРУСИ:  
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В Беларуси трудовые миграции в виде отхожих промыслов получили распространение в XIX в. После реформы 1861 г. участниками миграций были крестьяне, которые не имели собственного хозяйства и не могли найти работу по месту жительства. Среди занятий трудовых мигрантов в этот период – сельскохозяйственные работы, строительство шоссе и железнодородных дорог, каналов, лесозаготовки, извоз и т. д. К концу XIX в. возрос удельный вес мигрантов, отправлявшихся на промышленные предприятия. География миграций в к. XIX в. обширна: Петербург, Москва, Киев, Рига, значительная часть населения направлялась на сельскохозяйственные работы в Приазовские и Причерноморские районы, на Волынь и Подолье. Для занятия лесными промыслами ездили на заработки в восточные районы самой Беларуси. В середине XX в. в БССР трудовые миграции осуществлялись на сезонные работы: ремонт железнодорожных линий, подъездных путей и веток; разработка песчаных карьеров; работы по добыче и производству строительных материалов; лесозаготовительные и сплавные работы. В конце XX века большинство трудящихся-эмигрантов из Беларуси работали по договорам и контрактам в странах СНГ. В 1998 г. из Республики Беларусь на работу в Российскую Федерацию, Молдову, в Украину, Узбекистан, а также в Польшу выезжали преимущественно строители и сельскохозяйственные рабочие. Среди трудящихся-эмигрантов, занятых преимущественно умственным трудом, выделяются преподаватели и воспитатели.

**ПИВОВАРОВА Лидия Николаевна**

*Филиал Национального исследовательского  
технологического университета МИСИС  
(СТИ НИТУ МИСИС), г. Старый Оскол*

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУСТАРНЫХ  
ПРОМЫСЛОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

В хозяйственной деятельности курских крестьян кустарные промыслы, предполагавшие производственное использование свободного времени в домашней обстановке, занимали особое место. Часть продукции домашних промыслов удовлетворяла собственные нужды крестьян (сукноделие, изготовление телег, деревянной и глиняной посуды, ткачество, вязание, а также бондарное, скорняжное, кузнечное ремесла). Оставшиеся изделия поставляли на рынок. Согласно статистике в конце XIX в. здесь существовало 21 промысел. В Курской губернии существовало несколько центров иконописания. Своеобразные в художественном отношении местные иконы охотно раскупали даже за пределами губернии. Но росту благосостояния населения, прежде всего способство-

вал кожевенно-сапожный промысел. В конце XIX в. он давал хорошие заработки нескольким тысячам кустарей-сапожников, работавших на военное производство. Другой повсеместно распространенный еще с XVIII в. промысел – ткацкий, курские ткани имели сбыт далеко за пределами губернии. Курск был центром ковроткачества, местные ковры везде называли «курскими», хотя подобные изделия изготавливали также в соседних губерниях. В курских селах XIX в. получило распространение производство корзин, навыки их плетения принесли с юга России местные крестьяне-отходники. Удалось установить, что в каждом уезде выделялись села, население которых специализировалось на определенных ремеслах. К концу XIX в. наблюдался спад местной кустарной промышленности. Основные причины – сокращение лесных площадей, истощение глинищ, понижение производительности скотоводства, конкуренция со стороны крупной капиталистической промышленности, усиление отходничества на дальние заработки.

**ПОГОРЕЛЬСКИЙ Павел Иванович**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого  
(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ  
КЕРАМИКИ РИШТАНА  
(УЗБЕКИСТАН, ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА)**

Устойчивый интерес в российской этнографической науке к среднеазиатской керамике сформировался во второй половине XIX в. после присоединения этих территорий к Российской империи. Уже на рубеже XIX и XX столетий были составлены первые описания местного гончарного производства, а российские музеи и частные собиратели смогли включить в свои коллекции образцы расписной поливной керамики. Основоположающим исследованием в области изучения среднеазиатской керамики, основанном на полевых материалах автора, явилась работа Е. М. Пещеревой «Гончарное производство Средней Азии». Изданное в 1959 г. монографическое описание Е. М. Пещеревой охватывает период конца XIX – первой половины XX в. и дает нам обширный материал по всему спектру проблем, связанных с темой. Среди прочих, известных среднеазиатских гончарных центров, был описан и город Риштан, расположенный в Ферганской долине.

Сопоставление этнографических описаний, в первую очередь фундаментального труда Е. М. Пещеревой, полевых материалов автора, собранных осенью 2010 года у действующих мастеров-керамистов Риштана, и образцов керамики начала XX века из коллекционного фонда МАЭ (коллекции 2785, 2971, 3540, всего более 45 предметов) позволяет нам проследить на протяжении более, чем 100-летнего промежутка времени традиции и инновации риштанской керамики. Содержанием доклада станут такие аспекты темы как следование старинной технологии, применяемые красители, сохранение традиции выполнения кистью в стиле свободной живописи сложных растительных и натюрмортных узоров.

**ПРИВАЛОВА Вера Михайловна**

*Самарский научный центр РАН;*

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара*

### **СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА В СЕМИОТИКЕ КУЛЬТУРЫ. ЗНАКО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ РИТУАЛ В ГЕОМЕТРИЧЕСКОМ ОРНАМЕНТЕ**

Геометрический принцип построения орнаментальных композиций является общим принципом материальной культуры, создаваемой человеком, и орнаментальной культуры в целом. Геометрические фигуры и знаки имеют самостоятельную символическую нагрузку в культуре, искусстве и жизнедеятельности человека. Знак и соответствующий ему символ в орнаменте, а также символ, имеющий множество знаков для выявления и постижения его значения, отдалены от самих реальных вещественных носителей и заменяют их. Орнамент, обладая ритмической структурой, отражает «язык сознания» в predispositionности к отысканию порядка и системности в восприятии, оценке и понимании «пейсмейкеров культуры», что служит сознанию как «принцип самовознаграждения», поскольку упорядоченность, в отличие от хаоса, воспринимается как эстетически единое и красивое в воспринимаемом объекте.

В орнаментальной традиции реализуется ритуал, «как ускоренность бытия» посредством символов, поскольку «... ритуалы – это символы в действии». В то же время ритуалы не являются символами в формальном смысле; это скорее жесты, совершаемые индивидами и направленные на активизацию символов, которые поддерживаются и истолковываются мифологическими повествованиями.

Орнаментальная культура является полем действия символа в ритуале, чему способствует ритм орнаментальной культуры (как социальная природа биологической функции жизнедеятельности человека) и семантика знаков, которые, привнося свое значение, создают знаковое пространство культуры (семиотику культуры), где одни и те же символы отражают время их действия, а также индивидуальность их восприятия, оценки и понимания, а также устойчивость орнаментальной культуры как антропной традиции в культурно-историческом времени.

**РЫЖАКОВА Светлана Игоревна**

*Институт этнологии и антропологии РАН*

*им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

### **КУЗНЕЦ, ГОРШЕЧНИК И ДИРИЖЁР: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ ТРАДИЦИОННОГО РЕМЕСЛА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Обнаружение взаимосвязи между различными ремёслами и ремесленниками как на технологическом, так и идейном уровне, способно прояснить многие важные, хотя часто и неявные особенности культуры исследуемого человеческого сообщества. Так, якут-

ская пословица, гласящая «кузнец, горшеня и шаман – родом из одного гнезда», резюмирует сходство ряда существенных черт в гончарном, кузнечном и шаманском деле, их взаимозависимость, что отражается в мифах, обрядах и повседневности. Несмотря на то, что традиционная крестьянская культура в балтийских республиках уже давно сменилась современной городской и индустриальной, отдельные черты первой оказались закреплены в неофольклоризме и сохраняемых, а также и возрождаемых ремесленных традициях. В то же время уже более чем полтора вековое существование в латышском обществе традиции самодеятельных хоровых коллективов значительно повлияло на способы местной культурной самоорганизации. Особенности преобразования фольклорных текстов и мелодий по законам классической музыки в рамках местных хоров обнаруживают определенные типологические параллели с работой кузнецов, керамистов, ткачей, сохраняющих ряд самобытных латышских черт (форму, колористику, архитектуру предметов) в ходе неминуемой модернизации. Отчасти это связано с т. н. этнографизмом (как существенным признаком современного латышского искусства), но также и с активным восприятием модных и актуальных инноваций. Культурные и профессиональные контакты между музыкантами и мастерами материальной культуры Латвии демонстрируют прочные связи между на первый взгляд, далёкими друг от друга, но в социальной практике связанными сферами культурной деятельности.

**СУРГАНОВ Сергали Кабдрахманович**

*Евразийский национальный университет*

*им. Л. Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан)*

### **КАЗАХСКИЕ УЗОРНЫЕ ВОЙЛОКИ. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ТРАДИЦИИ**

Отмечая угасание народной традиции изготовления узорных войлоков в современном Казахстане, исследователи, тем не менее, выделяют несколько ареалов его распространения. Это – Западный Казахстан, Северный, Центральный и Восточный, Южный Казахстан, Сырдарья и Жетысу. За пределами основного этнического массива традиции изготовления узорных войлоков до настоящего времени сохраняются у казахов Российского Алтая, Монголии и Китая. В современном Казахстане в форме домашнего промысла эта традиция воспроизводится лишь в отдельных районах республики. Фактором ее воспроизводства, а порой «ревитализации» является реэмиграция казахов из Монголии и Китая, до настоящего времени сохраняющих основы традиционной культуры. Новой формой существования войлочного ковродея являются сельские кустарные (надомные) производства, организованные женщинами, прошедшими обучение в рамках курсов, организованных отечественными и международными организациями в целях обеспечения населения рабочими местами. Большая часть такого рода кустарных производств

ориентирована на рынок сувениров и связана с туристической инфраструктурой Казахстана. Особой формой воспроизведения традиции является профессиональное декоративное искусство. Ряд художников-прикладников современного Казахстана, работающих в парадигме этноарта, обратились к традиционным технологиям производства узорных войлоков. Стилистика авторских художественных войлоков связана с кочевническим искусством и одновременно отражает современные тенденции в развитии прикладных промыслов. Сосуществование домашних ремесел, кустарных промыслов и профессионального искусства определяет современное состояние практик изготовления узорных войлоков в Казахстане.

**СУРВО Вера Викторовна**

*Университет Хельсинки, г. Хельсинки (Финляндия)*

### **ЭТНИЧЕСКОЕ, ЛОКАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОБРАЗОВ ВЫШИВКИ КАРЕЛИИ**

С интенсивным развитием «этнического» и «деревенского» туризма, музейных и международных культурных проектов в Карелии стала актуальной этническая тематика в прикладном искусстве, представляемой как «карельский брэнд». Карелия представляет собой своеобразный полигон этнокультурных контактов двух этнических миров – прибалтийско-финского и русского. Локальная и региональная специфика прослеживается во многих сферах культуры, в том числе и в декоре текстиля. В традиционном орнаменте вышивки карел, вепсов и русских концептуально-образные модели и композиционные схемы являлись общими. Система знаков народной вышивки оказывается весьма адаптивной к внешним воздействиям. Представления об этнической составляющей в области декоративно-прикладного искусства сегодня меняются в зависимости от социальных, функциональных, возрастных факторов. Нередко при сохранении стиля меняется смысловая интерпретация. В докладе рассматривается ряд аспектов, связанных с актуализацией образов традиционной вышивки Карелии в работах современных мастеров: ориентированность на прошлое, преемственность/утрата традиционных технологий, способы переработки традиционных орнаментальных композиций, поиск новых форм, «цитирование» старинных образов и придание им новых смыслов. В качестве примеров анализируются работы карельских и финских дизайнеров, «реплики» и «копии» ремесленников, созданные по старинным образцам. В частности, рассматривается продукция фабрики «Карельские узоры», переименование которой интересным образом отражает динамику изменений, происходивших в отношении «пользователей» декоративно-прикладного искусства: на смену переименованиям локального уровня («Хашезерская вышивка», «Заонежская вышивка») пришло региональное «имя» («Карельские узоры»), более рефлексированное туристической аудиторией и в целом горожанами.

**ТИТОРЕВА Галина Теодоровна**

*Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, г. Хабаровск*

### **ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ МЕХА И КОЖИ У ЭВЕНОВ ПРИОХОТЬЯ**

За многие века развития этнической культуры эвенскими мастерами накоплен большой опыт в области художественной обработки природных материалов, выработаны разнообразные по технике приемы их орнаментации, многие из которых являются уникальными и присущими только северным жителям. Среди материалов, используемых в прикладных ремеслах, таких, как дерево, береста, рыба кожа, кость, а также текстиль и металл, основным, безусловно, является мех и кожа оленя. Кроме этого, применяется шкура лося, горного барана и пушных животных – соболя, белки, норки. Функциональные и декоративные свойства этого материала зависят от возраста животного, сезона, в который произведен забой, и способа выделки сырья.

В производстве традиционных изделий применяются два вида выделки шкуры: мех и ровдуга. Способы декоративной обработки меха разнообразны и способствуют максимальному выявлению фактурных, пластических, колористических свойств и качеств материала. Эвенские мастера используют стрижку, выщипывание ворса, меховую мозаику и инкрустацию. Изделия из ровдуги декорируют вышивкой хлопчатобумажными и шерстяными нитями, бисером и подшейнным волосом оленя. В некоторых случаях применяют тонирование ровдуги охрой.

Традиционный орнамент эвенов носит геометрический характер. Для вышивки нитями характерны криволинейно-ленточные и растительные мотивы, имеющие, вероятно, более позднее происхождение.

Сохранение и развитие самобытного искусства художественной обработки меха и кожи диктуется, не в последнюю очередь, актуальной потребностью нашего времени в использовании экологических природных материалов, адаптации рационального опыта этнических культур в современной экономике и культуре.

**ФАСХУТДИНОВА Луиза Фагимовна**

*Институт истории им. Ш. Марджани*

*АН Республики Татарстан, г. Казань*

### **К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЗОЛОТОМ ШИТЬЕ**

Различные аспекты взаимодействия двух соседних культур татарской и русской отмечаются в работах современных исследователей традиционных ремесел. В прикладном искусстве, элементах народного костюма и в орнаменте мы находим следы этнокультурных контактов татарского и русского народов. В данном сообщении впервые эти вопросы рассматриваются на примере искусства золотного шитья. Мы разберем некоторые моменты этого культурного обмена, такие как схожие технические приемы, идентичные мотивы в орнаменте, формы головных уборов.

Как известно, классические приемы искусства золотного шитья идентичны в творчестве многих народов, также как, например, в ювелирном искусстве, ткачестве. Тем не менее, у каждого народа золотошвейное искусство самобытно и оригинально. Особое сочетание технических приемов, композиционных построений, стилизации, орнамента и манеры исполнения вышивки того или иного народа делает его искусство самобытным. Естественно, соседние культуры татарского и русского народа взаимодействовали на протяжении столетий на разных уровнях. Данный доклад подготовлен в результате работы с источниками в фондах российских музеев и литературой на данную тему.

**ХАСАНОВА Зифа Фаритовна**

*Институт этнологических исследований  
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

### **ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ У БАШКИР ГОРНОЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА**

Согласно опубликованным источникам и полевым материалам, в конце XIX – первой половине XX вв. в хозяйственном комплексе башкирского населения горно-лесного района Южного Урала одно из ведущих мест занимали лесные промыслы. Зимой и летом рубили лес, а весной сплавляли его по р. Инзер до р. Сим. Из деревьев заготавливали дрова и уголь для заводов; из березовой коры гнали деготь.

Березы, дубы, ильмы применялись при производстве санных полозьев, колес, дуг, хомутов. Из липы делали батманы, кадки, лотки для муки. Шишковый нарост на березе-кап применяли для изготовления деревянных тарелок. Из больших деревьев выдалбливали лодки. Молодые деревья шли на изготовление инструментов для заготовки сена. Из ивы и черемухи плели различных размеров и форм корзины, рыболовные снасти, куриные и гусиные гнезда. Ветви черемухи использовались при плетении тарантасов. Из коры липы, березы делали утварь для сбора ягод и хранения масла и кислого молока. Особое место занимала заготовка лыка, из которого производили мочала, веревки, ткали рогожные кули, молочные попоны и циновки.

В настоящее время потребность изготовления многих таких предметов исчезла. Вместе с тем, в хозяйстве различных этнографических групп башкир, например, Белорецкого района, до сих пор используются орудия труда, приспособления для домашних птиц и ловли рыбы, мочала и веревки собственного изготовления как не имеющие промышленных аналогов и наиболее соответствующие потребностям жизнеобеспечения этноса.

**ХАЛИКОВ Наиль Альфредович**

*Институт истории им. Ш. Марджани  
АН Республики Татарстан, г. Казань*

### **ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР**

Эти виды хозяйственной деятельности народа в период середины XIX – начала XX вв. различались в субэтническом и территориальном аспектах.

Повсеместно, кроме районов Южного Приуралья, сельское население было занято отходничеством, сельскохозяйственными работами по найму, неземледельческими промыслами. Особенно часто к ним прибегали малоземельные татары-мишари западных губерний Поволжья. Казанские татары Предкамья и Среднего Поволжья активно развивали ремесленные кустарные промыслы. В кожевенном, шерстобитном, скорняжном, золотошвейном, ювелирном деле татары Закавказья достигли особенных успехов, по праву считаясь мастерами в этих ремеслах. В этом усматриваются многовековые традиции ремесленной деятельности, восходящие, по меньшей мере, к болгарскому времени. Для татар-кряшен характерным занятием было ткачество и шитье верхней одежды.

Традиционные национальные татарские ремесла: художественное ткачество, кожаная аппликация, ювелирное дело и др. в Татарстане, не только сохранились до наших дней, но и продолжают успешно развиваться.

**ЧВЫРЬ Людмила Анатольевна**

*Институт востоковедения РАН, г. Москва*

### **БУДУЩЕЕ НАРОДНОГО ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ**

Попытки выявить границы, смыслы и функции традиционного народного искусства в современном мире с неизбежностью возвращают нас к вопросу о его исходной природе и неотъемлемых свойствах. Будущее народного искусства представляют по-разному. Многие уверены, что уже в XX в. оно почти исчезло, прежние его формы, утратив привычные функции, переместились на периферию современной художественной жизни. Оптимисты спорят: популярные ансамбли народных песен и танцев, действующие художественные промыслы и ремесла суть реорганизованное и преобразованное народное искусство. Несмотря на то, что настоящих знатоков, мастеров осталось мало, их репертуар или ассортимент продукции сузился, изменилось качество и назначение их творчества, но всё же и в таком трансформированном виде оно продолжает существовать и пользуется определенным спросом.

Без сомнения продукция современных промыслов не всегда соответствует эстетическому уровню художественной традиции, часто являясь лишь её стилизацией. Встают острые вопросы – сохраняет или подменяет народное искусство каждая подобная трансформация, «воссоздаваемая» традиция уже погибла или ещё существует, но, возможно, в иных, ещё не узанных нами формах? Необходим поиск этих новых, уже «прорастающих» форм современного народного искусства, традиционных по сути, а не внешне. Поэтому весьма своевременно обсуждение вопроса о природе подлинно народного искусства, о критериях его отличия от псевдонародного (массового) искусства, о разумных пределах внедрения «народных» элементов в т.н. высокое («профессиональное») искусство и в современную жизнь. Вопросов много, наша задача – искать ответы.



# **ШАРИФУЛЛИНА Фарида Лутфулловна**

*Институт истории им. Ш. Марджани*

*АН Республики Татарстан, г. Казань*

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ У КАСИМОВСКИХ ТАТАР**

В конце XIX в. у татар, проживавших в Рязанской губернии (в г. Касимове и его уезде), промысловые хозяйства составляли 23%, а в начале XX в. – 37,1%. Местными промыслами являлись сапожный, кирпичный, ювелирный, а также обработка животного сырья и волокна (кожевенный, овчинный, шерстобитный). Значительное развитие в конце XIX в. получили отхожие промыслы. Татары уезжали в поисках работы преимущественно в центральные города России. В них было занято 14% всего татарского населения (58,3% взрослого мужского населения). Отходничество считалось более выгодным занятием, чем участие в местных промыслах. Часть касимовских татар (10,7%), проживавших в Касимове и уезде, была занята торговлей кожей, мехами и изделий из них. Они составляли 64% от общего объема товаров. Доля сельских и городских татар в неземледельческих промыслах и занятиях не была одинаковой. Для сельского контингента (10,3%) было характерно отходничество в виде содержания в городах различного рода заведений (трактиры, буфеты, рестораны, клубы, меблированные комнаты). Горожане отдавали предпочтение торговле (34,1%) и отхожим промыслам, связанным со сферой обслуживания (13,3%), а также с обработкой волокна, животных продуктов (12,7%). До настоящего времени сохраняются традиции, связанные с обработкой животного сырья и строительных материалов. В г. Касимове успешно функционируют овчинно-меховая фабрика и завод по производству кирпича, на которых трудятся и касимовские татары.

# **ЩАНКИНА Любовь Николаевна**

*Институт этнологии и антропологии РАН*

*им. Н. Н. Миклухо-Маклая, г. Москва*

## **ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОМЫСЛЫ МОРДОВСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г.)**

Мордовское население в Сибири появилось в связи с переселенческим движением из районов их исконного расселения. Попадая в Сибирь, мордовские переселенцы стремились водвориться в тех местах, которые, по природным условиям, напоминали бы их бывшую родину. Специфику хозяйственно-промысловой деятельности мордовских переселенцев во многом определяли природные условия: более суровый климат, отличия в составе растительного и животного мира по сравнению со средней полосой России. Преимущественно земледельческое мордовское население привнесло с собой исторически сложившуюся культуру земледе-

лия. Значительное место в хозяйственном укладе мордвы играло животноводство, птицеводство. Промыслы у мордвы, проживающей на территории Западной Сибири, имели большое экономическое значение, составляя наряду с земледелием и животноводством существенный источник жизни крестьянской семьи. Для мордовского населения западно-сибирского региона характерны экипажный, колесный промыслы, деревообработка, металлообработка, глиняное производство. Однако, как правило, это была работа с целью обеспечения нужд своей семьи, своего хозяйства. Женщины занимались ткачеством, прядением, вязанием, мужчины ремонтом домов, починкой сельскохозяйственных орудий, за исключением тех, которые требовали приложения профессионального умения.

# **ЯНЕС Мария Александровна**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого*

*(Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

## **СОВРЕМЕННЫЕ ТКАНИ ДРЕВНЕГО МАРГИЛАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ВЫЕЗДА 2010 г.)**

На протяжении многих столетий Маргилан считался одним из важнейших центров производства текстиля в Центральной Азии. В наше время в городе, кроме крупной шелкоткацкой фабрики «Едгорлик», насчитаются десятки мастерских потомственных ткачей, во многих домах установлены станки, на которых женщины выполняют заказы мастеров. Ткани, произведенные в Маргилане, поступают не только на местные рынки, но и на рынки всего Узбекистана. Целый ряд сувенирной швейной продукции, которую предлагают туристам в Самарканде и Бухаре, выполнен именно из тканей Ферганской долины.

В мастерской ткача в пятом поколении Расулджона Мирзаахметова сегодня производят различные шелковые и полшелковые ткани, традиционные для Маргилана: *адрасы, шойи, бекасы, бязь*. Также мастер реконструировал и наладил производство бархатов (*бахмал*) – тканей, не характерных для Маргилана, т. к. традиционно центром производства бархатов считалась Бухара, где богатые ткани изготавливались для эмирского двора. Определенный интерес для нас представляют ткани *джанда* и *альфи*, предназначенные для изготовления одежды представителей суфийских течений. Эти ткани производятся из хлопка или шерсти и также не являются традиционными для Маргилана.

Подводя итог можно сказать, что сегодня в Маргилане в целом сохраняется традиция производства шелковых и полшелковых материй. Но, наряду с этим, под влиянием проникновения новых для региона типов тканей, происходит и некое смешение традиций, определенная утрата локальных признаков, по которым ранее безошибочно могла быть определена принадлежность ткани к тому или иному региону.

## Секция 8. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Руководитель: к.и.н., доц. Румянцева Марина Федоровна (Москва)

**БАУЭР Татьяна Владимировна**

*Карельская государственная педагогическая академия,  
г. Петрозаводск*

### **ВОРОВСТВО КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)**

Если подойти к определению кражи с юридической точки зрения, то воровство следует рассматривать как одно из преступлений против собственности, предусматривающих ее тайное изъятие и присвоение. Вне сомнения, при этом проявляется, во-первых, конфликтная природа воровства, которое, как и любое другое покушение на чужую собственность, нарушает нормы регламентированного обмена, а во-вторых, его негативная оценочность. Именно в силу своей нелегитимности и девиантной природы воровство привлекло внимание юридической, социологической и психолого-педагогической наук. При этом оказались исключенными из области исследования другие, не менее важные аспекты воровства. Иной взгляд на этот концепт можно предложить в рамках исторической феноменологии.

В докладе рассматриваются три основных момента. Во-первых, на основе анализа текстов различного уровня – от описаний деревенской повседневности до фольклорных данных – уделено внимание сложившемуся стереотипу о тотальном характере и неискоренимости воровства. Во-вторых, проблема воровства рассматривается со стороны обычного права, анализируются обычно-правовые практики и представления. И, в-третьих, воровство исследуется как феномена фольклорного сознания, в преломленной форме выражающего народное мировосприятие и, в том числе, морально-этические ценности.

**ГАЛИМОВА Лилия Надиповна**

*Ульяновский государственный педагогический университет  
им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск*

### **БОГАТСТВО КАК ФАКТОР АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ**

Изучение *богатства* входит составной частью в исследование феномена человека. Великими силами мировой истории были религия и экономика. Человеческий характер формировался в процессе повседневного труда под воздействием создаваемых материальных ресурсов и при влиянии религиозных идеалов.

Изучение взглядов на проблему богатства показывает, что различные пути его определения приводят к разным результатам: группы людей, которых можно считать богатыми, оказываются различными.

Дифференциация взглядов на феномен богатства требует системного подхода к его рассмотрению. Основа такого подхода – выбор стратификационного критерия, имманентного социальному расслоению, а значит, и богатству.

Представителями богатого слоя в России была классическая элита общества XIX в. – *купечество*. Богатство для купца – это не только деньги, это состояние души плюс деньги как сам фактор богатства.

Богатые люди отличаются от бедных, прежде всего, взглядом на самих себя и мир, который их окружает. Приобретая богатство, человек, в глазах купечества, совершенствуется нравственно, духовно, особенно когда он делится им с другими посредством благотворительности.

Для российского купечества богатство являлось необходимым в жизни фактором, оно не пугало их, так как купцы не забывали Бога и его заповедей. При этих условиях богатство купцов-благотворителей было неоспоримо полезно. Богатство, формируя социально-этические нормы, благоприятствующие предпринимательской деятельности, вовсе не стимулировало купечество к погоне за наживой, оно создавало предпринимательский этос с характерной для православия обращенностью вовнутрь, к совести.

**ДАНИЛЕВСКИЙ Игорь Николаевич**

*Национальный исследовательский университет –  
Высшая школа экономики, г. Москва*

### **ИЗОБРАЖЕНИЕ И ТЕКСТ: КЛЮЧИ К ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ**

В центре внимания – пути преодоления интуитивизма в интерпретации визуальных источников по истории Древней Руси: древнерусских миниатюр, каменной резьбы, сюжетов мелкой пластики и т. п. Чаще всего, понимание того, что изображено на таких источниках и каков смысл визуальных рядов, основывается на интуиции, обычно со ссылками на аналогичные изображения, встречающиеся в культурах иных времен и народов. Подобный подход вряд ли может рассматриваться как собственно научный. В качестве основы верифицируемой интерпретации изобразительных источников в докладе предлагаются «открытые» тексты, в которых вербально объясняются значения и смыслы изображений. Визуальные аналогии, имеющие инокультурное происхождение, в качестве семантических ключей привлекаться не могут. Они дают представление лишь о происхождении визуального образа, но не о его переосмыслении в новой культурно-исторической среде. Эти положения раскрываются на примере ряда древнерусских изображений, имеющих различное происхождение.

**ДИАНОВА Ксения Андреевна**

*Петрозаводский государственный университет,  
г. Петрозаводск*

### **ТРАДИЦИОННЫЙ БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОМОРОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Изучение традиционной культуры подразумевает знакомство с такими ее формами как традиции и обычаи, быт и повседневность, обрядность и фольклор. Следует отметить, что еще в начале XX в. на европейском Севере России возник интерес к изучению традиционной культуры повседневности различных этносов, среди которых особое внимание уделялось поморам – этнографической группе русских на побережье Белого и Баренцева морей. Изучением поморов занимались как отдельные исследователи, так и целые научных организации, среди которых особо стоит выделить краеведческие общества Архангельска и Петрозаводска, существовавшие в дореволюционный период. Собранные этими обществами материалы дают достаточно полное представление о культуре и быте поморов.

**ДОБРОВОЛЬСКИЙ Дмитрий Анатольевич**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
г. Москва*

### **НАЧАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ В СТРУКТУРЕ МЕСТНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XII–XVI вв.**

С момента зарождения летописного источниковедения в этой дисциплине развивается представление о летописании как о дереве, вырастающем из единого корня – киевской летописной традиции XI – начала XII в. Регулярные попытки обосновать существование в XI в. альтернативных традиций успеха практически не имеют (за исключением гипотезы о новгородском летописании, которая тоже представляется весьма и весьма спорной). Вместе с тем, подход к тексту Начальной летописи в разных локальных традициях был разным: где-то использовался полный текст Повести временных лет, где-то текст Повести заменялся на текст предшествующего ей Начального свода, где-то, наконец, создавались той или иной степени вольности пересказы. Доклад посвящен построению формальной типологии этих подходов и ее историко-феноменологическому осмыслению в рамках проблемного поля исторического самосознания Древней Руси.

**ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна**

*Институт языка, литературы и истории  
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### **ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА ПРОШЛОГО В ДОКУМЕНТАХ КАРЕЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1919–1920 гг.**

Исследование связано с проблемой использования письменных источников при изучении неписьменных культур. Рассматриваются апелляции к архайческой модели восприятия времени и попытки

лидеров Временного правительства Архангельской Карелии (Тоймикунта) перед обсуждением вопроса о независимости Северной Карелии (Кемский уезд Архангельской губ.) представить «свою» историю как «чужую» и сформировать у земляков негативное видение «русского периода» в истории карел.

В противовес традиционным крестьянским представлениям о «времени-круге» авторы подготовительных агитационных материалов к Ухтинскому съезду представителей северокарельских волостей (март 1920 г.) позиционировали *образы времени*, которые должны были служить обоснованием идеи новой коллективной идентичности – «единой дружной карельской семьи» и напоминать об исторических событиях, призванных определять такую групповую идентичность.

Реконструируя иерархию различных типов событий, авторы адресованных крестьянскому населению листовок и воззваний первоочередное значение придавали возникновению на сакральном пространстве родного края рун эпоса «Калевала». События, отмеченные негативной аксиологией, соотносимы с униженным, виктимным образом Карелии в «русский период» «безвременья» и «прозябания в глуши».

Период, следовавший за российской революцией 1917 г. и распадом Империи, представлен как цепь событий, обновляющих старую идентичность – «непродолжительное время самоуправления, когда у нас царил покойствие, чувствовался порядок», что вселяло надежду на «лучшее будущее».

События Февральской революции в России репрезентируются как победа, открывшая возможности для постановки вопроса о национальном самоопределении и о новой коллективной идентичности.

**КАЗАКОВ Роман Борисович**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
г. Москва*

### **НАРОДЫ СЕВЕРА РОССИИ В ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: Н. М. КАРАМЗИН**

Для феноменологической парадигмы исторической науки, разработанной Научно-педагогической школой Историко-архивного института на основе теоретико-познавательной концепции А. С. Лаппо-Данилевского, принципиальным является обращение к истории источниковедения, формирования корпуса объектов исследования (различных типов и видов исторических источников), складывания приемов их изучения. Этапом в истории становления источниковедения как отрасли исторической науки выступает творчество Н. М. Карамзина, автора «Истории государства Российского» и ряда крупных политических трактатов первой четверти XIX в. Впервые в русской исторической науке в «Истории» Карамзина присутствуют и изучаются все имеющиеся на тот момент типы источников, а корпус источников достигает своей всеобъемлющей типологической полноты. Предлагаемая в докладе гипотеза постулирует необходимость исследования комплекса источников

(всех типов), в которых Карамзин черпал сведения об исторических событиях на Севере России. Исторически сложившийся и доступный Карамзину корпус источников по истории народов Севера может быть рассмотрен как объективированный фрагмент культурного наследия, вошедший в научный оборот в XVIII – первой четверти XIX в. Принципиально важным в этом случае будет обратить особое внимание на приемы исследования источников, которые сформировал сам историограф.

**КАЗАЧЕНКО Борис Николаевич**

*НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва*

### **РАСПРЕДЕЛЕНИЕ «ЧЕЛОВЕЧЬИХ» МЕР ПРОТЯЖЕННОСТИ НА ФОНЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ, СОМАТИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР**

До сих пор в различных уголках России можно встретить спонтанно образующиеся народные меры (пядь, локоть, шаг), возникающие при бытовом измерении расстояний, например, между посадками растений, грядками, косовищами. Соизмеримые с естественными размерами человеческого тела, они получили название народной метрологии или человекомерия.

Однако причины живучести этого исторического феномена остаются не изученными.

Задача исследования – выявление отнюдь не очевидных связей между метрологией (народной) и антропометрией (академической).

Материалом служили: народные меры протяженности, данные НИИ и Музея антропологии МГУ по антропологической стандартизации, Доклад рабочей группы комитета II Международной комиссии по радиологической защите по условному человеку по условному человеку, геногеографические и диалектологические карты России.

В результате проведенного исследования было выявлено поразительное сходство в характере поведения: 1) модуля протяженности национальных мер (соответствующего размеру древнерусской пяди), 2) его антропометрического прообраза (представленного здесь кистью руки и средними показателями длины тела современного человека), вместе с 3) комплексом генетических маркеров и 4) территориальной разновидностью русского языка.

Возможно, что анализ независимых информационных систем отражает различные аспекты одного и того же процесса – этногенеза русского народа. Это умозаключение не противоречит ставшему крылатым высказыванию Протагора: «Человек – есть мера всех вещей».

**МАЛОВИЧКО Сергей Иванович**

*Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева, г. Москва*

### **«СЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ**

Проблема исторического опыта крестьянства и сельских поселений как объектов изучения крестьян-

ской и аграрной историй уже не менее полутора столетий интересует историческую науку. Однако, традиционная историческая наука, находясь в строгих парадигмальных рамках, оказалась не в состоянии решить проблему изучения истории крестьянства, так как основной корпус источников составляло законодательство, созданное властью, а не самим этим социальным слоем. Исследуемый сельский социум был носителем традиционного типа социальной памяти и долгое время не создавал письменных источников, которые и обеспечивают информационные потребности классической исторической науки. Рефлексия современного состояния исторического знания и перспектив изучения национальной и местной историй позволила историкам, работающим на основе источниковедческой парадигмы исторического познания, включить сельскую историю в проблемное поле новой локальной истории. Подходы новой локальной истории, несомненно, отличают сельскую историю от иных направлений, изучающих историко-аграрную проблематику. Аграрная история и история крестьянства, как проблемные поля, генетически связанные с социально-экономическим исследовательским пространством, не исключаются из историографической практики сельской истории, но в новой модели получают социокультурный импульс. Феноменологическая парадигма позволяет смотреть на «село» не только как на географическую точку, но как на форму существования и, что наиболее важно, как на мыслительную конструкцию, созданную новоевропейским знанием. Феноменологический подход побуждает актуализировать проблему использования письменных источников в изучении неписьменных культур, а также использования неписьменных источников для изучения сельской истории.

**МЕЛЬНИКОВА Татьяна Владимировна**

*Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, г. Хабаровск*

### **ОДЕЖДА КАК СПОСОБ МАСКИРОВКИ НА ОХОТЕ**

Необходимость маскировки при охоте на зверя и птицу рассматривается как одна из причин появления одежды. В культуре ряда аборигенных народов были зафиксированы предметы промыслового костюма, имевшие маскировочное значение. Так, маньчжурские охотники с давних времен охотились на пятнистых оленей и маралов, накинув на себя оленьи шкуры и надев кожаные шапки с рогами. Замаскировавшись таким способом, копируя крик зверя, они приманивали добычу. По легенде, даже император Цяньлун, достигнув преклонного возраста, облачился однажды в этот маскировочный костюм в надежде добыть траву бессмертия.

По воспоминаниям низовских нанайцев, до распространения дальнобойного огнестрельного оружия мужские охотничьи шапки имели торчащие вверх ушки, чтобы легче было подкрадываться к добыче. В фондах Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова хранится эвенкийский головной

убор, представляющий собой шкурку чешуйчатого крохала с головой, шеей, крыльями на металлическом каркасе. Конструкция головного убора указывает на использование его в целях маскировки. Кроме того, перья чешуйчатого крохала обладают водоотталкивающим свойством, что немаловажно в условиях таежного промысла.

Папуасы Новой Гвинеи как средство маскировки в межплеменных конфликтах использовали головной убор в виде короны из высушенных листьев.

Человек, будучи исконным собирателем, не был приспособлен как биологический вид к охоте, поэтому, чтобы добыть зверя, человеку во время индивидуальной охоты надо было подобрать к нему как можно ближе, чему способствовала особая одежда как средство маскировки.

**МИНЕЕВА Инна Николаевна**

*Карельская государственная педагогическая академия,  
г. Петрозаводск*

### **ИСТОРИЯ ПОЧИТАНИЯ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ В КАРЕЛЬСКОМ ПОМОРЬЕ В НАЧАЛЕ XXI В.: СВВ. КАССИАН МУЕЗЕРСКИЙ И ЕЛИСЕЙ СУМСКИЙ (по материалам полевых работ 2009–2010 гг.)**

В докладе отражены наблюдения над историей почитания местночтимых святых Кассиана Муезерского и Елисея Сумского жителями Карельского Поморья в наши дни. Мы имеем дело с редкими фактами северорусской культуры. Свидетельств о том, каким образом формировался культ св. Кассиана Муезерского, практически не сохранилось в письменных источниках. Между тем предпринятые исследования во время полевой практики в Беломорском районе – запись «устных историй» – свидетельствуют о развитии и даже рождении «новых форм» почитания святого. В последнее время начинает возрождаться и культ св. Елисея Сумского.

**МИНЦ Светлана Самуиловна**

*Кубанский государственный университет, г. Краснодар*

### **ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕМУАРИСТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ СОВРЕМЕННОГО ТИПА**

Мемуары – литературный жанр, сложившийся в культуре нового времени, – заняли в современном мире существенное место. Их пишут политики и писатели, представители творческой интеллигенции и участники событий разной степени значимости, люди знаменитые и не очень, знатные и не добившиеся известности, сумевшие сделать карьеру и отказавшиеся от нее, те, кто умеет писать, и те, для кого фиксация своих мыслей в новинку. В России мемуары стали массовым явлением в течение XVIII в. До сих пор состав опубликованных и неопубликованных мемуарных произведений весьма разнороден. При принципиальной несводимости их содержания,

источниковеды объединяют существующий корпус мемуарных источников в единую группу источников личного происхождения. Феноменологическая парадигма позволяет рассматривать мемуарные источники как подсистему в системе сложившейся культуры. Системообразующий компонент, объединяющий совокупность мемуарных источников с историко-культурным контекстом, – идентичность мемуаристов. Различия в понимании себя в окружающем мире позволяют выявить эволюцию идентичности мемуаристов от отождествления себя с семейно-клановым окружением через противопоставление себя обществу к осознанию собственной принадлежности к социокультурным группам различного масштаба. Через системообразующий показатель ученые имеют возможность проследить все стадии развития представлений мемуаристов о себе и окружающем мире – от традиционных до современных. Изучение идентичности в ее историческом развертывании особенно актуально в связи с необходимостью определить реальную готовность современного российского общества к принятию модернизационных процессов.

**ПАШКОВ Александр Михайлович**

*Петрозаводский государственный университет,  
г. Петрозаводск*

### **ПАМЯТНИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ: ВЫЯВЛЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОХРАНА В XIX – НАЧАЛЕ XXI в.**

При подготовке «Свода исторических и мемориальных памятников петровского времени» на территории Карелии было выявлено четырнадцать памятников истории, относящихся к петровской эпохе. Их можно условно разделить на памятники, возникшие в петровскую эпоху, и памятники, возникшие позднее. В свою очередь, памятники петровской эпохи можно разделить на памятники, непосредственно связанные с деятельностью Петра I, и памятники, хронологически относящиеся к петровскому времени.

К памятникам, связанным с деятельностью Петра I, относятся корпуса Кончезерского завода, шахты в окрестностях села Кончезеро, поклонный крест 1725 г. в Петрозаводске, церковь в поселке Марциальные воды, пограничный знак Варашев камень на русско-шведской границе 1617 г., пограничный знак 1721 г., остатки домны Повенецкого завода, остатки «Осударевой дороги», памятное место Петровского завода, памятное место Выговского старообрядческого общежития.

Преображенскую церковь в Кижях и Успенский собор в Кемь хронологически принадлежат петровской эпохе.

Памятник Петру I в Петрозаводске и памятный знак о легендарном посещении Петром I Валаама были сооружены в XIX в.

Интерес местной общественности к выявлению, охране, реставрации и использованию памятников петровской эпохи зародился в начале XIX в. Определяющими факторами здесь были оценка деятельности Петра I пра-

вящими кругами и исторической наукой, состояние краеведения и уровень общественного сознания.

В настоящее время большая часть памятников петровской эпохи в Карелии являются значимыми «местами памяти» и одновременно туристическими брендами.

**ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич**

*Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург*

### **ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.)**

Особенные условия для модернизации возникали в странах фронта, которые продолжали осваиваться в современную эпоху. Представляется, что на материале восточных регионов России – Урала и Сибири – можно рассматривать региональную модель фронтирной модернизации в XVIII – начале XX в.

Восточные регионы продолжали осваиваться в эпоху модернизации, длительное время сохраняя освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение), в экстенсивном характере аграрной экономики, в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий, в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т. п. Признаком фронтирности являлась заметная милитаризация восточных регионов. Естественное следствие пограничности восточных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации – конгломератность, т. е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. Более того, анклавность составляла суть самой фронтирной модернизации в российском варианте, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. В итоге, включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

**ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна**

*Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

### **ОБРАЗЫ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ В РУССКОМ ТРАДИЦИОННОМ СОЗНАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Социальные перемены в России во второй половине XIX – начале XX в., специфика социокультур-

ной динамики и опыта взаимодействия с другими государствами определили трансформацию массовых представлений о «чужих» странах и культурах. В период Первой мировой войны образы западных союзников формировались не только под воздействием пропаганды, но и актуализации этнических стереотипов, предрассудков, культурных предпочтений. Они были в значительной степени проекцией собственных национальных ценностей, что, наряду с развитием ситуации на фронте и в тылу, предопределило их эволюцию. Если в начале войны роль системообразующих представлений в структуре образов играли идеи о «благородстве» и «справедливости» борьбы за общее дело, то к третьему году войны – о «своекорыстии» союзников. Сохранение традиционных установок массового сознания обусловило устойчивость распространенных антизападных, прежде всего антианглийских, стереотипов. В то же время для сознания «низов» была характерна нерасчлененность образа войны и образов союзников, а также «периферийность», недостаточная маркированность последних.

Весной–осенью 1917 г. союзники России в восприятии массовых слоев населения, прежде всего солдат и рабочих, последовательно превращались во врагов. Сначала они рассматривались как неотъемлемый атрибут царской дипломатии и политики, затем – классовой политики российской и мировой буржуазии.

**ПУЛЬКИН Максим Викторович**

*Институт языка, литературы и истории  
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### **АНТРОПОЛОГИЯ ПЬЯНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Проблема пьянства остается малоизученным аспектом повседневной жизни населения Олонецкой губернии. До настоящего времени не исследованы география распространения пьянства, масштабы торговли спиртным, а также в целом традиции и обычаи, связанные с употреблением алкоголя. Существенным аспектом в будущих трудах может стать своеобразная *алкогольная инициация* – первый опыт употребления спиртных напитков, служащий проявлением «взрослости». Несомненно важным аспектом исследований являются этнические аспекты пьянства: различия в традициях употребления спиртного в карельских и русских деревнях. В качестве важной проблемы рассматривается сочетание пьянства с иными типами девиантного и нормального поведения: пьянство во время праздников и в повседневной жизни, преступления и добрые дела, творимые в состоянии опьянения, конфликты, источником которых становилось отсутствие или наличие алкоголя. Ограничителем возможностей исследователей в данном вопросе становится специфика источников: в имеющихся документах в наибольшей степени освещены негативные стороны пьянства. Положительные моменты – межличностное сближение в результате за-

столя с алкоголем, создание праздничного настроения, формирование и поддержание традиций праздников, уход от мрачной действительности – иные существенные позитивные факторы, связанные со спиртными напитками, остаются за рамками изучения. Чаще всего вне исследовательских интересов пребывают неутомимые труженики на ниве пьянства: производители и продавцы спиртного, являющиеся косвенными виновниками осуществляемых в состоянии опьянения действий.

#### **РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна**

*Российский государственный гуманитарный университет,  
г. Москва*

#### **МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ В ОСВОЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Культурное наследие – одна из фундаментальных категорий современного знания о человеке, что заставляет максимально строго подходить к наполнению этого понятия. Феноменологическая парадигма исторической науки, разработанная Научно-педагогической школой источниковедения Историко-архивного института на основе теоретико-познавательной концепции А. С. Лаппо-Данилевского и получившая теоретическое оформление в трудах О. М. Медушевской, позволяет рассмотреть наследие как совокупность исторических источников, важнейшие свойства которых – доступность наблюдению и относительная независимость от познающего субъекта. Сравнение источников, созданных синхронно, но в разных точках географического пространства, дает основания для определения границ этнокультурных регионов и цивилизаций, а диахронное сравнение позволяет обсуждать вопросы периодизации, включая вопрос о переходе от традиционного общества к обществу современного типа. Основное внимание историков-источниковедов сосредоточено на письменных источниках, однако неотъемлемой составляющей феноменологической парадигмы является представление о множественности форм воплощения человеческого опыта, включая устную традицию и символическое осмысление вещного мира. Широкое понимание объекта открывает возможности для междисциплинарного синтеза и позволяет рассматривать феноменологическую парадигму как универсальный метод гуманитарных наук. Феноменологический метод источниковедения разработан применительно, главным образом, к изучению письменных исторических источников. В настоящее время стоит задача эксплицировать основания метода применительно к изучению неписьменных источников; выявить возможности использования письменных источников в изучении неписьменных культур; прояснить феноменологическое понимание понятий «традиция» и «традиционное общество»; определить возможности феноменологического подхода в решении задач географического районирования и периодизации истории традиционных культур.

#### **СКУРАТОВСКИЙ Владимир Ильич**

*Днепропетровская консерватория им. М. Глинки,  
г. Днепропетровск (Украина)*

#### **«КНЯЗЬ ИГОРЬ» А. П. БОРОДИНА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРОСТКИ: ОТ ЭПИЧЕСКОГО – К ЭТИЧЕСКОМУ (МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ЮНАЯ ОПЕРА»)**

Одна из выдающихся дат современности, связанных с историей и культурой России и Украины, – 825-летие легендарного похода князя Игоря и памятника древнерусской словесности «Слова о полку Игореве». В 2010 г. к этому сюжету обратилась и творческая группа «Юная опера» (под руководством Владимира и Ольги Скуратовских), которая осуществила постановку оперы А. П. Бородин «Князь Игорь». Эта работа стала еще одним этапом в уникальном многолетнем музыкально-педагогическом проекте, предполагающем исполнение классических оперных произведений силами детей и подростков. Предыдущие спектакли 2008–2009 гг. – «Снегурочка», «Вечера на хуторе близ Диканьки» (на музыку Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского) – стали ярким явлением в современной музыкальной педагогике и были высоко оценены на Украине (Киев, Кировоград, Запорожье, Полтава), в России (Москва, Литве (Вильнюс, Утена).

Деятельность «Юной оперы» нацелена на творческое профессиональное и духовное развитие подростков через синтез искусств на основе музыки. Практическое освоение оперного репертуара в его целостном облике не только решает проблему актуализации классического музыкального наследия. Погружение в мир эпических традиций оперы «Князь Игорь», несомненно, способствует формированию духовности, человеческих, личностных качеств юных участников проекта.

#### **ТЫЧИНСКИХ Зайтуна Аптрашитовна**

*Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева, г. Тобольск*

#### **СОВРЕМЕННЫЕ ТАТАРСКИЕ ДЖИЕНЫ: К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ И НОВАЦИЯХ В КУЛЬТУРЕ**

Сегодня можно наблюдать, как один из древних праздников поволжских татар – джиен приобретает новое содержание и парадигму развития в социокультурном пространстве России. Традиционно под джиеном понимается общественный институт родственных связей, народный праздник, народный сход, собрание. Все эти значения джиена сегодня фокусируются и трансформируются в современных масштабных религиозных и культурных мероприятиях Булгар-джиен и Искер-джиен, которые проводятся на знаковых для татарского населения Поволжья и Сибири исторических объектах – городищах Булгар и Искер.

На протяжении более двадцати лет в Татарстане проводится Булгар-джиен, включающий паломничество к святым местам, коллективный намаз, различные культурные мероприятия и выходящий за рамки религиозного праздника. В последние несколько лет в Сибири проводится ежегодный Искер-джиен, принявший форму фестиваля историко-культурного наследия, включающий как черты светского праздника, так и религиозный ритуал, паломничество к святым местам. Искер-джиен имеет древние корни и возобновлен уже в XXI столетии.

По мнению Р. К. Уразманова, «в общественной жизни татар складывается своеобразное новое явление, в основе которого некий симбиоз религиозного со светским, гражданским». Праздник возник в результате «обострения вопросов этнокультурной идентификации».

Особое место данных объектов культурного наследия определяется их историческим и религиозным значением для татар Поволжья и Сибири. Булгар-джиен и Искер-джиен стали актуальными и важными явлениями в современной жизни татарского населения, играющими значимую роль в сохранении коллективной исторической памяти и этнической идентичности.

**ЮСУПОВА Людмила Николаевна**

*Карельская государственная педагогическая академия,  
г. Петрозаводск*

### **ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ В ОТРАЖЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

В докладе рассматривается ряд теоретических вопросов, касающихся понятия, структуры и факторов формирования этнических стереотипов в массовом сознании. Исторический опыт взаимоотношений народов-соседей составляет своего рода фундамент последующих представлений их друг о друге.

Поскольку ситуация войны является особым вариантом «контакта» этносов враждующих государств, стереотипы их взаимовосприятия обретают тенденцию развития к наибольшей схематизации и эмоциональности. В связи с этим возникает заслуживающий внимания исследователей вопрос о механизмах взаимодействия этнических стереотипов и создаваемого официальной пропагандой «образа врага» в обществе.

Источники личного происхождения, прежде всего дневники и письма солдат действующей армии периода Великой Отечественной войны, отражают представления той части общества, которая имела возможность непосредственного восприятия врага. В докладе подводятся итоги компаративного анализа данной группы исторических источников, отражающих оппозицию «свой – чужой» в сознании участников войны.



## Секция 9. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Руководители: д.и.н., проф. **Никонова Людмила Ивановна** (Саранск);  
к.и.н. **Шевцова Анна Александровна** (Москва)

**ВОЛОДИНА Татьяна Васильевна**

*Институт языка и литературы им. Якуба Колоса  
и Янки Купалы НАН Беларуси, г. Минск (Беларусь)*

### ТЕКСТ БОЛЕЗНИ В ЭТНОСЕМИОТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Этносемиотическая характеристика болезни предполагает представленность ее как текста, узловой схемой которого становится конфигурация таких определяющих элементов, как 1) собственно больной, 2) его тело/болезнь, 3) мир/социум. Законы медицинского дискурса диктуют развертывание текста болезни в трех основных сферах: этиология, симптоматика, терапия. И тогда этиологические конструкции продемонстрируют взаимоотношения человека с миром и социумом (нарушения им законов природно-космической и социальной упорядоченности вызывают болезнь); симптоматика отображает доминирование болезни и повышенное внимание человека к своему телу; соответственно, терапия объединит все три слагаемые и разместит человека между болезнью и остальным социоприродным окружением.

В докладе демонстрируется мифопоэтический анамнез *стени*, который с необходимостью включает этиологическую конструкцию, что основополагающей схемой имеет нарушение внутренней гармонии и "вторжение чужого в тело", и ритуальную терапию, что опирается на идеи символического раздела и обмена, регулирует отношения с внечеловеческим, перераспределение доли и новое утверждение сфер влияния.

**ГОДОВЫХ Татьяна Владимировна**

*Северо-Восточный государственный университет,  
г. Магадан*

### ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНА – ЧАСТЬ АДАПТАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ НАСЕЛЕНИЯ

Для поддержания жизнеобеспечения в экстремальных условиях система должна эргономично использовать энергетические ресурсы. Механизмы долгосрочной адаптации популяции выработали оптимальный путь реагирования с окружающим пространством, сохраняющий функциональность и репродуктивность. Основы традиционной медицины захватывали не только оказание специализированной помощи при заболеваниях, но также соблюдение санитарно-гигиенических требований, рационального питания, правильного воспитания ребенка с учетом возрастных групп, формирование пространственного мировоззрения. Экономичное использование энергоресурсов достигалось путем соз-

дания эргономичных предметов обихода, жилища, использования природных материалов. Эргономичный подход воспитания детей способствовал тренировке генетически заложенных механизмов регуляции системы для своевременного разархивирования генетического кода онтогенетических трансформаций. Нами были отмечены в настоящее время сохранение традиционного питания аборигенов детей Чукотки с раннего возраста до взросления. Использование белково-жирового питания необходимо для запасов бурой жировой ткани, генетически запрограммированы и служат для оптимизации расходования ресурсов при распаковке подпрограмм онтогенетических трансформаций, подстраховки системы для бесперебойной работы в экстремальных условиях существования. В современном периоде, такие элементы, как сохранение особенностей питания аборигенов детей, пространственное мировоззрение в использовании природных ресурсов сохранились на Чукотке. Мигранты второго и третьего поколений также начинают использовать традиционное питание, меняют пространственное мировоззрение, нарабатывают элементы долговременной адаптации. Учитывая теорию функциональных систем, можно считать, что перечисленные элементы традиционной медицины являются частью программы адаптации населения.

**ИВАНОВА Людмила Ивановна**

*Институт языка, литературы и истории Карельского  
научного центра РАН, г. Петрозаводск*

### «ЛЕСНОЙ НОС»: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРЕЛ О БОЛЕЗНИ

В докладе описаны одни из самых архаичных представлений человека о болезни, которая воспринималась как некое живое существо. Исследуются взгляды карелов на причины возникновения недуга; основная из них – нарушение табу и условий общения с духами-хозяевами леса, неверный способ и ошибочные цели проникновения в «лесное царство». Рассматриваются самые разные симптомы протекания болезни (головокружение, тошнота, боль в спине, ухе и т. д.). Обрядовое наполнение настолько архаично и мифологизировано, что в силу иной ментальности мало соотносимо с современным понятием «народная медицина». В мышлении древнего человека микрокосм (в данном случае это человек) и макрокосм (лес) неразрывно связаны друг с другом, и нарушение, «поломка», любого звена этой цепи приводят к тяжелым последствиям. Путь к исцелению один: восстановить нарушенное равновесие.

**КАНДРИНА Ирина Алексеевна**

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве  
Республики Мордовия, г. Саранск*

### **ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ И МЕСТО В НЕЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ**

В последние годы в России происходит быстрый процесс урбанизации населения, тогда как сельские жители были и остаются основными носителями традиционной культуры. Как показывает исторический опыт, искусственное разрушение традиций жизнеобеспечения, в конечном счете, ведет к исчезновению этнической общности. В связи с этим изучение системы жизнеобеспечения народов, проживающих на территории Мордовии, приобретает особую актуальность. В современных условиях очень важно использовать опыт организации жилой среды, например, при планировке поселений, проектировании и строительстве новых домов в сельской местности. Важно также учитывать народные традиции в приготовлении пищи, изготовлении одежды, обуви, в трудовой деятельности, семейных отношениях и межнациональных контактах. Изучение народной медицины как части системы жизнеобеспечения обусловлено тем, что она вобрала в себя многовековой опыт человеческой деятельности, знания об окружающем мире. Становится очевидным, что вопросы сохранения жизни представителей любого этноса нельзя решать в отрыве от конкретной среды обитания и взаимосвязей между обществом и природой, от природно-климатических условий, материальной и духовной культуры, хозяйственной деятельности и других факторов жизнедеятельности (образа жизни, бытовых привычек, поведенческих причин, физической активности). Однако, на наш взгляд, в системе жизнеобеспечения особая роль принадлежит народной медицине, так как сельские поселения в Республике Мордовия, в большинстве своем располагаются около или в лесных массивах, по берегам рек, т. е. сам ландшафт предполагает её развитие в системе их жизнеобеспечения.

**КАСМЕЛ Тийу Яановна, КАСМЕЛ Яан Яанович**

*Центр физической антропологии, Тартуский университет,  
г. Тарту (Эстония)*

### **ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ БАНИ В ЭСТОНСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ: ОТ К.Э. ФОН БАЕРА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ**

Баня занимает в эстонской народной медицине существенное место: в ней ставились пиявки, делались клистиры, пускали кровь, лечили язвы и оказывали помощь роженицам; в бане работали массажисты, которые растирали застывшие мышцы и суставы; использование веника в парилке давало оздоровительное потение. Баня для лечебных целей отапливалась специально подобранными дровами (напр., рябиной),

лечебный веник изготавливался из березовых, можжевельных, ольховых и дубовых веток. О влиянии бани (точнее – паровой бани) на здоровье эстонцев писал в 1814 г. Карл Эрнст фон Баер в своей докторской диссертации (на латинском языке) «Об эндемических болезнях эстонцев» (глава III, § 18). Здесь он, наряду с описанием своих наблюдений и высказыванием своих мнений, приводит выдержки из научных работ выдающихся для того времени врачей: Ю. С. Вальтера (1744), главврача Таллиннского военного госпиталя, доктора медицины; М. Е. Стикса (1803), профессора кафедры диететики, *materia medica*, истории медицины и литературы по медицине в Дерптском Императорском (ныне – Тартуском) университете; Д. Г. Балка (1791), профессора кафедры патологии, семиотики, терапии и клиники, который был также руководителем докторской диссертации Баера. Ссылаясь на работы проф. Балка, Баер подчеркивал, что несоблюдение в бане требований гигиены может привести к приобретению новых болезней.

В докладе будет дан обзор тех изменений, которые происходили в эстонской народной медицине в значении бани за почти двухсотлетний период после К. Э. фон Баера.

**КАСМЕЛ Тийу Яановна, КАСМЕЛ Яан Яанович**

*Центр физической антропологии, Тартуский университет,  
г. Тарту (Эстония)*

### **О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ В ЭСТОНСКОМ МУЗЕЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1924–1934 ГОДАХ**

После обретения самостоятельности (1918) в Эстонской республике был основан Союз эстонских врачей, который руководствовался идеей о том, что предупреждение болезней важнее их лечения, и, исходя из этого, возникла мысль открыть постоянно действующее учреждение, которое демонстрировало бы и популяризировало здравоохранение. Эта идея была осуществлена в 1921 году, когда по инициативе тартуской медицинской общности был основан Эстонский музей здравоохранения, открытие которого состоялось в Тарту в 1924 году. Еще до того, как музей был открыт, студент медицинского факультета и ассистент института здравоохранения Вольдемар Сумберг (1893–1965) опубликовал в журнале «Tervis» («Здоровье», № 6, 1922) статью «Народная медицина и официальная медицина». В этой статье он разъяснил принципы понимания народной медицины: «наша народная медицина является сильным противником официальной медицины; народная медицина в ее нынешней форме приносит только вред; одной из причин высокой смертности является то, что врачи полностью отстраняются от духа народа, понимание которого немыслимо без понимания основ народной медицины; в настоящее время народная медицина и официальная медицина – два противоположных лагеря, имеющих одну общую цель, и было бы желательным их сближение во имя здоровья

народа; народная медицина обогатит и освежит официальную медицину; народная медицина – своего рода барометр культуры населения разных уездов и поэтому имеет этнографическое и культурно-историческое значение; необходимо составить словарь по эстонской народной медицине, к созданию которого должен приступить университет. Сбирать следует как старые, так и новые приемы лечения, врачебные инструменты, травы, термины и т.п.». Энтузиазм и целенаправленность деятельности В. Сумберга была замечена: еще до открытия музея он был назначен на должность делопроизводителя музея (в 1923 г.), а несколько позже – директором. Организаторские способности В. Сумберга, его умение привлечь к работе музея наиболее интересных и талантливых медиков позволили создать замечательный музей с 18-ю отделениями, среди которых был и отдел народной медицины. В нашем докладе будет представлен обзор деятельности этого отдела в течение первых 10 лет его существования.

#### **КНЯЗЬКОВА Любовь Петровна**

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве  
Республики Мордовия, г. Саранск*

#### **БАНЯ И РАСТЕНИЯ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ МОРДВЫ**

Баня была известна почти всем народам с древних времен. У мордвы, как и у всех родственных ей народов, баня почиталась лучшей лечебницей: в ней парились, мылись, лечились, она же являлась и местом проведения обрядов, направленных для профилактики здоровья, в которых значительное место отводилось растениям. К примеру, накануне Петрова дня молодые девушки топили бани. Украшали себя цветами и зеленью, а потом мылись мочалками из растений и цветов, а затем раскидывали их на полу. В этот праздник молодые люди хлестали друг друга зелеными ветками. Все это должно было обеспечить им здоровье, красоту. Здесь же девушки молились богине бани – Баняаве – о здоровье, так как именно здесь лечили многие болезни. Мытье в бане было обязательной частью обряда мордовской свадьбы, где в обрядовых действиях определенное место занимали растительные средства – берёзовые веники. В лечебной практике наиболее эффективным считался обряд лечения, проводимый в бане. Основу его составляли магические действия, направленные на оздоровление больного, где во время очищения растительным средством – травам приписывались особые магические силы. Из них готовили отвары, делали разного рода припарки, ванны. Воду старались принести из трех источников, поленья клали нечетное число, веники готовились из веток разных деревьев: дуба, березы и рябины. Об устройстве лечебной бани старались не говорить не только чужим людям, но и своим близким. Мордва издавна селилась в местности богатой лесами, поэтому не удивительно, что травы занимают значительное место в этномедицине.

#### **МИНИБАЕВА Заря Ибрагимовна**

*Институт истории, языка и литературы  
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

#### **ДЕТСКИЕ ОБЕРЕГИ У КУРГАНСКИХ БАШКИР**

По народным представлениям курганских башкир, счастливым считается ребенок, родившийся в «рубашке» – околоплодной оболочке. Повитуха высушивала ее, а затем сложив треугольником, пришивала в тряпке к одежде ребенка как оберег. Если в семье часто умирали дети, через семь дней после рождения нового ребенка повитуха собирала семь лоскутов ткани из семи дворов и шила рубашку-оберег для младенца. При этом передняя часть, спинка и рукава рубашки шились из двух лоскутов, а воротник – из одного. Для этого необходимо было использовать только новые ткани. Для маленьких детей шьют головной убор-тюбетейку также из лоскутов. Для предохранения от болезней новорожденного и роженицы записывают дегтем на бумаге первую суру из Корана (Аль-Фатиху), и сложив в треугольник, пришивают к одежде роженицы в подмышечной области. После сорока дней этот оберег кладут в колыбель под подушку младенца. В колыбель кладут также молитвенные книги, чтобы оберечь ребенка от злых сил. Существует множество оберегов для защиты младенца от сглаза. Чтобы избежать сглаза, новорожденным на лбу делают метку сажей, набрав ее пальцем из-под котла. Солью посыпают родничок ребенка, или же растворив ее в воде, обтирают ему затылок, виски и спину. Наиболее распространенным оберегом от сглаза является пух, взятый из хвоста гуся, который красят в разные цвета. Такой пух прикрепляют к тюбетейкам, а также пришивают в один ряд к передней части детской шапки. Пух с курицы с хохлом также наделен магическими свойствами. Чтобы предохранить от сглаза, маленьким девочкам надевают браслеты из разноцветных кораллов. К детской одежде и головным уборам прикрепляют всевозможные обереги: раковины каури, серебряные монеты, пуговицы, веточки осины. Доклад построен на основе полевых исследований автора.

#### **МИННИЯХМЕТОВА Татьяна Гильдияхметовна**

*Институт истории и европейской этнологии,  
университет Инсбрук, г. Инсбрук (Австрия)*

#### **НАРОДНЫЕ СПОСОБЫ ИСЦЕЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПОГРАНИЧНЫХ ЗОНАХ**

В народной медицине известны тысячи способов избавления от недугов и исцеления больных традиционными методами. К одним из распространенных и экстраординарных относится совершение своего рода магических действий в пограничных зонах пространства – на пороге двери, под матицей дома, у приусадебных и полевых ворот, у заборов и ограждений, на перекрестках дорог, у рек и водоемов, на мосту через реки и логи и т. п. Обычно с целью эф-

фективного достижения желаемых результатов выполнение любой операции требует беспрекословного соблюдения определенных правил. Сюда непременно следует включить временно-пространственные ограничения, обладание соответствующими заклинательными словами и выражениями или знание их, наличие требуемых конкретной операцией предметов и инструментов, необходимое число участников, информированность о правилах выполнения предпринимаемых действий и пр.

К традиционным способам исцеления прибегают как при известных всем заболеваниях, так и при затруднениях определить диагноз. К народному врачеванию обращаются и при отсутствии позитивных результатов от лечения современными медицинскими методами и при продолжительных страданиях недугами. Такие заболевания считаются или приобретенными естественным путем, или при вмешательстве темных сил. К избавлению от каждого из них выработаны конкретные способы. Кроме того, имеются и такие проблемы, как неумение ребенка говорить или ходить до определенного возраста, нежелательные поклонники, против которых необходимо сделать «отворот», ограждение живых от возвращающихся покойников и пр. Ритуальные действия в пограничных пространственных зонах привлекаются и при исцелении домашних животных.

**НИКОНОВА Людмила Ивановна**

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве  
Республики Мордовия, г. Саранск*

#### **ПРИРОДНЫЕ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНИЯ В ЭТНОМЕДИЦИНЕ МОРДВЫ АМУРСКОЙ, МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ И РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г.**

Согласно Всероссийской переписи 2002 г., численность мордвы в Амурской области составляет – 1258 чел., в Магаданской – 287 чел., в Республике Саха (Якутия) – 2092 чел. В 2009 г. была совершена этнографическая экспедиция в указанные регионы (проф. Л. И. Никонova – руков. эксп. и Л. Н. Щанкина). Произведен сбор историко-этнографического материала от жителей исследуемых областей, документации по истории сел и заселения, в т. ч. по народным знаниям – этномедицине. Средства народной медицины обычно есть в каждой семье – сушеные травы или их сборы, настойки на травах, если содержат домашних животных – средства животного происхождения (мази, жир, воск, мёд и т. д.). Этими средствами пользуются при различных заболеваниях, для оказания первой помощи. Часть наших респондентов, обычно в возрасте старше 30 лет, особенно интересуются народной медициной, выписывая и покупая специальную литературу, собирают сведения из средств массовой информации (телепередачи, газеты). Информаторы с интересом рассказывают о своих знаниях по этим вопросам, предлагают посмотреть запасы средств народной медицины, книги или брошюры. К примеру,

по сведениям информаторов из Магадана, свежие ягоды голубики употребляют в пищу повсеместно, из них варят варенья, морсы, кисели. В окрестностях Магадана на склонах сопки растёт кедровый стланик, орехи которого считаются полезными для чистки и стенок кровеносных сосудов, а также в качестве профилактического средства от всех болезней и для укрепления иммунной системы. В Амурской обл. наши респонденты – мордва – пьют в качестве средства, успокаивающего центральную нервную систему, слабый отвар горюхивы сибирской (адонис сибирский или стародубка). В пос. Синегорье в Республике Саха (Якутия) донник считается растением для успокоения головных болей, нервной системы. Исходя из собранных сведений, этномедицина занимает важное место в быту населения исследуемых регионов. В большинстве своем, это средства биологического происхождения – травы. Их не так много, что вполне объяснимо – природа не везде одинакова, а в Магаданской обл. растительность крайне скудна. Средства народной медицины обычно есть в каждой семье. Самый распространенный повод применения этих средств – оказание первой помощи. Заговорами пользуются редко, но тексты их есть у многих, как подчеркивают сами респонденты, «из-за любопытства». В наши дни задача этнографического изучения мордвы стала особенно актуальной. Это дает возможность для воссоздания исторического и культурного сохранения прошлого мордовского народа с целью их знаний о традиционных способах сохранения здоровья как на территории Республики Мордовия, так и за ее пределами.

**НИКОНОВА Людмила Ивановна**

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве  
Республики Мордовия, г. Саранск*

#### **ЭТНОМЕДИЦИНА МОРДВЫ В ОМСКОЙ, ТОМСКОЙ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТЯХ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г.**

Согласно Всероссийской переписи 2002 года в Томской области численность мордвы составляет 1808 человек, Новосибирской области – 2608 человек, Омской области – 1966 человек. В 2009 г. нами была совершена этнографическая экспедиция в эти регионы для изучения исторического прошлого, особенностей традиционной культуры и тенденций современного социального развития мордовского населения, проживающего на территории Сибирского региона. Особый интерес представляет процесс адаптации мордвы переселившейся с Мордовии в исследуемые регионы через взаимодействие с окружающей средой. Изменение природной среды существенно влияет на здоровье человека, но и помогает открывать в ней новое, использовать некоторые её составляющие для сохранения своего здоровья, в т. ч. и в народной медицине (этномедицине). Подобные процессы происходили и у мордвы при заселении территории Сибири. К примеру, в с. Верх-Тарка Новосибирской обл. мордовское население издавна запасает

разные виды лечебных растений. «Мы читаем литературу по народной медицине, но травы отбираем и сами, испробовав их полезность», – говорят информаторы. Некоторые приготовленные средства помогают сразу, а большинство имеют накопительный характер – их действие может проявиться по истечению некоторого времени. К примеру, тысячелистник незаменим для остановки внутренних кровотечений; выращивают девясил, который лечит от 99 болезней; полезными считаются и цветы боярышника, розового клевера. Володушку золотистую в с. Победа Омской обл. заваривают как чай и пьют как желчегонное средство. Информаторы из г. Стрежевого, с. Чердаты и Мишутино Зырянского района Томской области настоем из звездчатки натирают ноющие суставы. Повсеместно в с. Высокое Зырянского района Томской обл. настоем листьев или корней из лопуха полощут воспаленное горло. Немало и других народных средств и методов у мордвы в исследуемых областях, но исходя из имеющихся сведений, мордовское население, проживающее в Омской, Томской и Новосибирской областях, чаще используют биологические средства лечения, ибо, по словам информаторов: «Природа – это кладезь полезностей в сохранении здоровья и профилактики от болезней. Не ленись, познавай и применяй. Она же помогла нам адаптироваться к новым условиям проживания». Мы надеемся, что сведениями, собранными в этнографической экспедиции, мы восполним пробел в знаниях традиционного способа сохранения здоровья у мордвы при адаптации в ином регионе проживания, а также разумном использовании окружающей среды.

#### ОМАКАЕВА Элара Уляевна

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,  
г. Элиста*

#### О ПОНЯТИИ «СҮМСН» (ДУША) В НАРОДНОМ ВРАЧЕВАТЕЛЬСТВЕ КАЛМЫКОВ\*

Калмыкам душа представлялась как материальная субстанция, «путешествующая» по телу и способная выйти из него при определенных условиях. Человек, если его на время покинет душа, не умирает, но теряет жизненную силу. Калмыки считали, что душа в течение месяца циркулирует по телу человека. Поэтому калмыцкие эмчи избегали воздействия на тот орган человеческого тела, в котором находится в данный момент душа. В противном случае душа могла выйти из тела. Наряду с «суточной» душой существует и годовая, и сезонная, и часовая. Годовая имеет 12-летний цикл, сезонная – трехмесячный, часовая – 12-часовой цикл (учитывая, что калмыцкий час равен двум обычным часам).

Временную потерю души определяли разными способами: 1) по астрологическим параметрам (при наступлении года своего животного знака, при повторении мэнгэ рождения и т. п.); 2) по пульсу; 3) по внешним признакам (взгляду, цвету лица, поведе-

нию, сердцебиению); 4) по снам, несчастьям, испугу; 5) путем гадания.

Причиной болезни могли быть действия злых духов, сглаз, порча (проклятье). Лечили такую болезнь как средствами народной магии (дом), так и шаманскими, буддийскими обрядами. Чтением заклинаний изгоняли духов болезни из больного. К средствам народной лечебной магии следует отнести «литье свинца» (хорһлж цутхх) при потере души от сильного испуга у детей, «зажигание спичек» (хустг зурх) при сглазе, «отрезание черного языка» (хар кел утлх) при порче.

#### ПОПОВКИНА Галина Сергеевна

*Институт истории, археологии и этнографии народов  
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

#### ДВОЙСТВЕННОСТЬ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В народной медицине восточных славян тесно сплетены языческие и христианские элементы. Современные народные врачеватели (знахари) считают себя православными, а свое лечение «от Бога». Церковь не приемлет знахарство, рассматривая его как разновидность магической практики. Сами знахари отличают себя от колдунов по этическим взглядам. Они используют христианские атрибуты: святую воду, молитвы, иконы и т. п. Но в мировоззрении знахаря прослеживаются отчетливые языческие черты: представления об устройстве мира, о болезни, о причинах и способах исцеления. В знахарстве человек – часть природы, микрокосм. В христианстве – член Церкви, микрокосм. Также можно выделить ряд других существенных расхождений: описание дара целительства, полученное от респондентов, сопровождающие его знаки судьбы в знахарстве существенно отличаются от описания обретения целительского дара в житиях святых. Церковь, как и знахарство, признает наличие в мире вредоносных и благих духовных сущностей. Однако, в отличие от знахарства она настаивает на том, что правильное взаимодействие с этими сущностями возможно только при наличии особого дара: различения духов. По ряду признаков знахари не могут быть отнесены к категории людей, обладающих этим даром. То же может быть сказано и о природе энергий, которыми оперируют знахари. В ряде случаев их поведение может быть квалифицировано как «одержимость». Для различения истинной природы лечения знахаря нужен особый духовный опыт.

#### ПОРОЗОВА Алефтина Дмитриевна

*Музей-заповедник «Родина В. И. Ленина», г. Ульяновск*

#### НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ЧУВАШ-ЯЗЫЧНИКОВ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2010 г.

Население Симбирской губернии конца XIX – нач. XX в. было представлено многими этническими группами, основные из них: русские, мордва, чуваш и татары. Население Симбирской губернии на рубе-

\* При финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-00449а).

же веков принадлежало к разным религиозным конфессиям. Основные из них – православие, которое исповедовали 92% населения, ислам – 90 тыс. человек, кроме того, в 1865 г. в Буинском районе проживали 72 чуваша-язычника. Несмотря на то, что мордва и чуваше ещё в XVI–XVII вв. приняли христианство, чуваше Буинского района сохранили свою веру и остались язычниками. И сейчас ещё в некоторых сёлах Ульяновской области языческие верования сохранились, неся свою культуру в быт современного человека. Для более детального изучения культурного наследия чуваш-язычников, в частности традиционной народной медицины, нами была организована экспедиция в Цильнинский район Ульяновской области, в село Старые Алгаши – место компактного проживания чуваш-язычников. Выяснилось, что помимо лечения больных травмами, средствами животного и минерального происхождения, в народной медицине чуваш-язычников присутствовали иррациональные магические способы целительства, включающие как лечебную (знахарство), так и предохранительную (обереги, апотропей) магию. У чуваш-язычников роль знахаря выполнял «юмзя», к которому и обращалось население за медицинской помощью. Культуру и быт села Старые Алгаши ещё в 1906 г. изучал венгерский исследователь Кьюли Месарош, который написал книгу: «Памятники старой чувашской веры». Но опубликована она была только в 2001 г. Чувашским книжным издательством. В ней мы находим материалы по народной медицине чуваш-язычников, причем многие способы лечения сохранились до настоящего времени.

**РОМАНОВА Марина Николаевна**

*НИИ гуманитарных наук при Правительстве  
Республики Мордовия, г. Саранск*

### **ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ МОРДВЫ В СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

Окружающая среда, человек (общество) и культура жизнеобеспечения представляют единую взаимосвязанную систему. Социокультурный комплекс как часть этой системы в своем историческом развитии адаптируется к определенной природной среде, обеспечивая человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды. Рассматривая типы заселения и расселения мордовского населения, можно сказать, что для них характерны в большинстве приречный, приовражный, а позднее водораздельный типы заселений. Мордовское население Мордовии в качестве основного строительного материала использовали древесину хвойных, лиственных пород. Основными типами жилища являлись двухкамерные и трехкамерные избы. В конце XIX в. более зажиточные хозяева начали возводить четырехстенки и пятистенки, которые в настоящее время получили повсеместное распространение в мордовских селениях. Выбор способа застройки усадьбы обусловлен не только вкусами хозяев, но и природно-географиче-

скими и климатическими факторами, спецификой крестьянского хозяйства, уровнем состоятельности каждой семьи, традициями строительной культуры населения. Места, где проходили различные обряды мордвы, определялись образом жизни самого народа. Местами ритуальных действий служили улицы поселений, а также жилые и хозяйственные постройки. На улицах проводились общественные гуляния, катания на лошадях, делали ледяные горки, своеобразные карусели, качели и т. д. В жилых и хозяйственных постройках совершались ритуалы, связанные как с общественной, так и с семейной жизнью людей (свадебные, родильные и похоронно-поминальные обряды). В избах существовало несколько сакральных центров: домашний очаг – печь, передний угол избы, дверь и др. Обряды мордвы, связанные с жилищами и хозяйственными постройками, были насыщены религиозно-магическими ритуалами с молениями и жертвоприношениями в честь богов и духов. В системе обрядов, связанных со строительством жилища у мордвы особо важную роль играли обрядовые действия, которые предвещали строительство нового дома. К их числу относятся обряды выбора места и времени для строительства; закладку нового дома; обрядовые действия, связанные с переходом в новый дом, как самих членов семей, так и божеств; обряды, связанные с охраной членов семьи от несчастных случаев и др. Мордовское население Мордовии в прошлом для сохранения здоровья обращалось к различным божествам, связанных с жилищами и надворными постройками (Юртава, Кудава, Каштомава, Толава, Толата, Кеншава, Кенкшата, Банява, Овунава и др.). Существовало и много способов лечения народными средствами, которые непосредственно происходили в жилище, где имелись иконы и домашняя утварь (посуда, кровать, стол, печь, порог и т. д.), и бане. При этом жилище, баня и некоторые предметы быта были необходимыми для профилактики и лечения болезней. Сейчас мы вновь обращаемся к опыту наших предков, который собирался сотнями поколений. Этот опыт – часть нашей истории.

**САТАРОВ Рамис Талгатович**

*Институт истории АН Республики Узбекистан,  
г. Ташкент (Узбекистан)*

### **К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЦЕЛИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Традиционный целитель является человеком, к которому определенная часть населения обращается для непосредственного контакта с миром сверхъестественного, могущего таким образом помочь излечить тех, кто страдает от болезни, якобы посланной обиженными или злыми духами. Многие полагают, что эти особенные люди могут не только исцелять, но и зачастую предсказывать будущее, накладывая заклятия, защищать от врагов. Такого рода целители часто сочетают в себе многие функции, и можно предположить их значение в качестве объектов аль-

тернативного духовного источника. Современные целители, использующие элементы шаманских практик, предположительно представляют собой социальное явление, которое посредством выражения индивидуальности помогает другим преодолеть социальный прессинг. При этом целительство на основе элементов шаманизма является источником реализации человеческой потребности выходить за пределы собственного эго, ощущать причастность к силам и смыслам большим, чем мы сами. Антропологические исследования показывают, что шаманские техники во многом близки техникам психотерапии. Социальный прессинг и тяжелые психологические переживания в жизни часто являются причиной депрессии, которая является составляющей для шаманского кризиса. По этой причине большинство психиатров признают за духовными практиками функции социальной адаптации, а шаманские практики определяются как действия, вызванные для решения неблагоприятных или кризисных ситуаций. Эти практики могут осуществляться индивидуально. Надо заметить, что шаманские практики в городских условиях достаточно жизнеспособны. Вместе с тем, когда шаманские практики активизируются в обществе, они приходят во взаимодействие с множеством других социальных институтов и ценностей.

#### ШЕВЦОВА Анна Александровна

*Центр международных образовательных программ  
Московского института открытого образования,  
журнал «Этносфера», г. Москва*

#### ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ У МИГРАНТОВ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

На основе полевых исследований автора в Мордовии (2008–2010 гг.) в докладе анализируется повседневная практика использования средств народной медицины в семьях переселенцев из государств Закавказья, а также факторы, влияющие на ее трансформацию. Повсеместно при лечении, профилактике и восстановительном периоде целого ряда заболеваний представители народов Закавказья пользуются традиционными средствами народной медицины, принятыми на родине. Терапевтический эффект большинства из них подтверждается современной медициной, хотя рациональные объяснения «пользы» информанты часто принимают с оговорками: «помогает, если с молитвой», «помогает, потому что деды наши так лечились». Популярно представление, что обычная еда тоже может быть лекарством. Вот лишь некоторые народные средства: при головной боли, беспокойстве, утомляемости, повышенном давлении используется мятный чай, разведенный в воде мед, отвар шиповника (грузины, армяне, азербай-

джанцы), при простуде – малиновый чай, виноградная водка (грузины), тутовая водка (армяне), растирание курдючным жиром (азербайджанцы, езиды), при малокровии – гранатовый сок (армяне, азербайджанцы, езиды), при отравлении – грецкие орехи с инжиром и солью (грузины), высушенные куриные пупки (езиды), при кашле – уваренный виноградный и тутовый сок с сахаром (армяне), отвар сухой кожуры граната (грузины, езиды), при авитаминозе – кервель, черемша, лук, чеснок (армяне, грузины), при мастице – сухое красное вино (грузины), при похмелье и ревматизме – хаш (армяне, грузины, азербайджанцы), от зубной боли – чеснок (езиды), от гепатита – дикий мед (езиды). Прислушавшись к советам местного населения (мордвы, русских, татар), многие мигранты – сельские жители – стали возводить бани, почитаемые народами Поволжья средством от всех болезней, заготавливать лесные ягоды, противопростудные сборы.

#### ЮХАС Каталин

*Институт этнологии Венгерской академии наук,  
г. Будапешт (Венгрия)*

#### СТРУКТУРА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ И ЕЁ СВЯЗЬ С ГИГИЕНИЧЕСКИМИ ОБЫЧАЯМИ И ОБРЯДОВЫМ ОМОВЕНИЕМ

Различные способы принятия лечебных ванн и омовений принадлежат к основным процессам традиционной, а также профессиональной медицины. Хотя под понятием «медицина» люди обычно подразумевают *лечение*, медицина имеет и другую основную задачу – *профилактику*. Если мы посмотрим на медицину с точки зрения гигиенических обычаев и различных магических процедур, обрядовых омовений, станет ясным, что и профилактики и лечение имеют одинаковую важность.

Ежедневные гигиенические процедуры, ритуалы омовений в календарные праздники или особые периоды жизни человека, а также другие магические формы омовений, являются компонентами определенной всеобъемлющей системы.

Каждый акт омовения или очищения происходит с целью избавиться от чего-то нежелательного, то есть, для предотвращения или удаления физической грязи, либо предотвращения магических действий, вызывающих «порчу» или заболевание, либо от моральной нечистоплотности. Эти действия рассматриваются, как комплекс лечебных и профилактических мероприятий, которые можно охарактеризовать при помощи комбинации четырех пар противоположных понятий, входящих в структуру вышеупомянутой системы. Эта система будет конкретизирована в докладе на примерах из венгерских народных традиций.